

МИШЕЛЬ ПЕССЕЛЬ

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР КИНТАНА-РОО

Annotation

Область Кинтана-Роо (побережье полуострова Юкатан в Мексике) — Одна из территорий, где до прихода европейцев существовала высокая цивилизация индейцев майя. Древняя культура майя во многом остается еще загадкой для ученых, поэтому каждая новая находка в этой области вызывает интерес во всем мире.

Автор книги, оказавшись в Мексике, увлекся древней историей страны и в поисках памятников майя совершил опасное путешествие пешком по пустынному берегу Юкатана. Ему удалось открыть несколько памятников культуры майя, которые он описывает в своей книге, однако его рассказ выходит далеко за рамки этой темы. В книге говорится и о природе Юкатана, и о жизни современных индейцев — потомков древних майя, в хижинах которых Пессель часто находил приют.

-
- [Мишель Пессель](#)
    -
    - [1. Дьяволы Тепостлана](#)
    - [2. Майялуум](#)
    - [3. Иш Чель, богиня любви](#)
    - [4. Один на неисследованном берегу](#)
    - [5. Кокали и чиклеро](#)
    - [6. Последние защитники древних майя](#)
    - [7. Цитадели исчезнувшего мира](#)
    - [8. Нефриты богов](#)
    - [9. Отверженные в Кинтана-Роо](#)
    - [10. О драконах и полицейских](#)
    - [11. Опять в Кинтана-Роо](#)
    - [12. Затерянные города](#)

- [Послесловие](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной](#)
[электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Мишель Пессель

Затерянный мир Кинтана-Роо

1. Дьяволы Тепостлана

На следующий день после моего прибытия в Мексику мои новые друзья втиснули меня на заднее сиденье маленькой серой машины и повезли знакомиться со страной.

Это была Мексика, земля огня и смерти, как извещали меня рекламные плакаты и пресыщенные туризмом люди. Они называли ее землей великолепия и прибавляли много других банальных эпитетов. И все же мне захотелось увидеть страну своими глазами.

Рекомендательное письмо, нацарапанное на маленьком грязном клочке бумаги, помогло мне познакомиться с некоторыми людьми, и они, как это часто бывает, когда иностранец вторгается в чужой дом, довольно неохотно пригласили меня на пикник.

Мы ехали по Пасео-де-ла-Реформа. Современные здания и парки свидетельствовали о том, что Мехико не только столица государства, но и громадный город с четырехмиллионным населением и мировой славой. Затем мы промчались через Ломас-де-Чапультепек. Утопающие в цветах виллы этого фешенебельного района дают приют тысячам состоятельных

иностранцев, которые ищут в Мексике политического убежища или супружеского уединения.

Наконец я оказался в местечке Тепостлан. Его странное название было первым из многих, которые мне предстояло узнать в Мексике. Так же как Коацакоалькос и Теотихуакан, это индейское слово, непривычное и длинное, таит в себе особую поэтическую красоту.

Я приехал в Мексику после нудной полугодовой практики в одном из банков на Уолл-стрите с единственной целью приятно провести полгода, оставшиеся у меня до поступления в аспирантуру. После шумной суеты Нью-Йорка спокойная красота Мексики меня просто ошеломила. Когда наша маленькая машина свернула на единственную автостраду страны, я удобно устроился на сиденье и стал любоваться пейзажами, проплывавшими за небьющимся стеклом машины — моим окном в мир.

Интересно, что единственное хорошее шоссе в Мексике соединяет не крупные города или индустриальные центры, а два самых больших и роскошных курорта — Куэрнаваку и Акапулько. Однако тут нет ничего удивительного, ведь в Мексике все еще правит аристократия. Удовольствия и интересы немногих здесь ставятся выше стремления улучшить жизнь народа, который долго приучали безропотно покоряться своей участи — тяжелой работе и нехитрым радостям.

Знай я раньше, как далеко заведут меня эти восемьдесят миль дороги до Тепостлана, я бы, вероятно, отказался от пикника, а будь у меня глаза пророка, я разглядел бы за четырьмя рядами автострады узкие, темные, бесконечные тропинки джунглей, ведущие в неведомое...

Тепостлан часто называют долиной дьяволов, а его жители считают свое местечко самым красивым в

Мексике. Улицы Тепостлана с крошечными домиками из необожженного кирпича сбегает вниз террасами, окружая со всех сторон приходскую церковь. Над ними мрачным призраком подымается пирамида ацтеков, стоящая на отвесном остроконечном утесе, одном из тех, что стерегут долину Тепостлана, защищая ее от палящего солнца и цивилизации. Здесь живут тепостеки. У них свой язык, свои обычаи и даже свои собственные музыкальные инструменты. Тепостлан — это особый замкнутый мир. Да и вся Мексика, как я вскоре увидел, состоит из множества таких же миров, которые оказываются рядом только на зеленых или серых пятнах атласов мира. Именно тогда, в Тепостлане, я вполне осознал, что Мексика страна еще мало исследованная. Я сразу же почувствовал к ней большой интерес, а Густав Реглер, писатель, к которому мы зашли в Тепостлане, воспользовался моим энтузиазмом в полной мере. Густав Реглер, известный циник, автор богохульных и иронических книг о шестнадцатом веке, был в то же время прекрасным знатоком Мексики. Его книга «Зачарованная земля» приобрела мировую известность.

Реглер жил в розово-голубом крестьянском домике, со вкусом модернизированным. Дом этот стоял у ворот великолепной виллы, бывшей когда-то раем Реглера. Построена она была в том же духе, что и вилла «Сен-Мишель» Аксея Мюнте^[1]. Для ее постройки со всего света была свезена всякая всячина и соединена по прихоти фантазии — фантазии, которая должна была сделать Густава Реглера королем. В довершение всего вилла была увенчана величественной башней. Но подобно дьяволу, с которым часто сравнивали Реглера (и ему нравилось это сравнение), из-за каких-то непонятных обстоятельств он был изгнан из рая и теперь обитал за его воротами.

Такого обаятельного человека я никогда не встречал. Ему ничего не стоило разжечь мое воображение рассказами о Мексике и раздуть маленькое пламя жажды открытий и приключений, совсем было погасшее за годы учебы с ее строгим режимом, которому приходилось подчиняться. Так что Густав Реглер был в некотором смысле виновником всего того, что случилось со мной в Мексике, где я собирался просто спокойно отдохнуть.

Узкое окно маленькой серой машины оказалось в конце концов не таким уж узким. По просторной автостраде я добрался до Густава Реглера, а затем попал на тропинку, которая чуть не привела меня к гибели.

Я приехал из делового финансового района Нью-Йорка с его унылыми улицами, совсем недавно избавился от формы банковского служащего, и резкая музыка телеграфного аппарата все еще звучала у меня в ушах. Потому-то Тепостлан с его дьяволом Реглером произвел на меня неотразимое впечатление. Заметив мою слабость, дьявол без труда обрел надо мною власть. Вечером, перед отъездом в Мехико, когда корзины, привезенные на пикник, были пусты, а небо стало хмуриться, Густав Реглер отвел меня в сторонку и с очаровательной улыбкой протянул три маленькие статуэтки какой-то доиспанской культуры Мексики.

— Надеюсь, — сказал он, — что, покидая Мексику, вы сможете определить, какой из этих трех предметов подлинный и какой подделка.

На следующий день, усевшись в «лимусина» — некий мексиканский гибрид, помесь маленького автобуса и такси, — я ехал по тому же шоссе в Куэрнаваку, летнюю столицу Мексики. Красота и покой этого места, расположенного на небольшой высоте, привлекли когда-то самого Кортеса, и он избрал Куэрнаваку для постройки своего летнего дворца.

Покинув запруженные туристами улицы Куэрнаваки, я вскочил в нечто такое, что можно назвать чудофордом, — местный автобус, который ходит до Тепостлана. Этот автобус, как и все мексиканские автобусы, — один из крупнейших вкладов в современную технику. Настоящий «механизированный конь», произведенная человеком машина, способная выполнять задачи, посильные только разумным существам. Автобусы в Мексике почти всегда сорокалетней давности и перевозят на сорок пассажиров больше положенной нормы да к тому же еще сорок свиней, которых на какой-нибудь случайной остановке взгромождают на крышу. Такая машина и в самом деле настоящее чудо на колесах. Переключатели скоростей, если они есть, действуют на ней автоматически, подчиняясь, видимо, ритму молитв и проклятий шофера. Он сидит перед изображением мадонны, заслонившей почти все ветровое стекло, обычно грязное или заваленное всяким хламом, и торжественно совершает шоферские ритуалы. Любопытная церемония, смесь благочестия и богохульства.

Автобус, как его тут называли, громыхал по дороге, которая считалась бы несносной даже во времена империи ацтеков, не знавших колесных экипажей. Обычно ни один иностранец не прибегает к этому способу передвижения. Я оказался здесь единственным «бледнолицым» среди многих пар темных глаз и перевитых красными лентами длинных блестящих кос, обрамлявших строгие лица индейских женщин.

Еще накануне я твердо решил поселиться в Тепостлане. И снова меня приветствовал Густав Реглер. Прервав свое толкование Данте, он представил меня соседу. Алан Болл (это не было его настоящим именем) оказался мужчиной сорока с небольшим лет. На его выразительном лице, опустошенном беспорядочной

жизнью, проступали грустные, поэтичные складки клоуна. Он был лысый, с высоким узким лбом и мясистым лоснящимся носом, неестественно красным от больших количеств спиртного, чрезмерных волнений и постоянного нервного тика. Художник в душе и писатель по профессии, Болл поселился в Тепостлане после довольно изнурительной поездки по Соединенным Штатам, где он занимался просветительством, работая шофером «букмобиля» — передвижной библиотеки. Я так и не смог постичь до конца всех элементов довольно странной карьеры этого человека — англичанина, аристократа, носящего знаменитую фамилию одного из героев английской истории — своего прадеда. Несмотря на то что Болл редко бывал трезв, ходил в большой соломенной шляпе и имел внешность типичного представителя богемы, он был человеком большого ума, знаний и культуры. Болл произвел на меня огромное впечатление. И он был другом Реглера. Мне было только двадцать лет и еще никогда не приходилось встречать людей, похожих на него.

Так как я искал комнату в Тепостлане, Болл великодушно предложил мне жить., в его доме, если я буду платить за жилье. Это предложение показалось мне тогда очень соблазнительным, и я принял его с благодарностью. Я был в восторге от возможности остаться в Тепостлане и вовсе не думал о том, что в доме только две комнаты, что в нем нет воды и что там живет еще и друг Болла, которого я назову Джеком Хэнсоном. Этот обаятельный человек недавно потерял место в мексиканском ресторане, где он готовил яванские блюда, и теперь занимался изготовлением сандалий и мозаики. Меня это нисколько не смущало, так как Хэнсон бегло говорил на отоми и многих других индейских диалектах и, кроме того, был художником.

Самой поразительной чертой моих двух хозяев, которые оба сидели без гроша в кармане, было их физическое сходство — одинаковый профиль, одинаково редящиеся ото лба волосы, тот же блестящий нос. Сходство этих двух людей, таких разных, так потрепанных жизнью, казалось невероятным и приводило меня в восторг, хотя я с некоторым страхом сознавал, что должен буду содержать на свои небольшие средства двух мужчин, голодных и почти всегда готовых выпить.

В тот день, когда я поселился в Тепостлане, перспектива мирного пребывания в Мексике была для меня навсегда потеряна. Слушая рассказы Хэнсона о его приключениях среди индейцев племени отоми, известных своей особенной дикостью, я решил, что мое призвание — исследовать эту страну.

Сам Тепостлан был достаточно интересен, чтобы увлечь меня на целый месяц. Из-за постоянного пьянства моих хозяев мне без конца приходилось объясняться с молчаливыми и сдержанными индейцами Тепостлана. Это общение было хотя и не совсем этнографического свойства, тем не менее довольно тесное. Оно заключалось главным образом в разъяснении подвыпившим индейцам на довольно скверном испанском языке, что мои еще более подвыпившие друзья не хотели их обидеть и что, как говорит древняя китайская пословица, «лучше меч в ножнах, чем в спине». Делал я это успешно, так что ни Джек Хэнсон, ни Алан Болл, ни я сам не имели никаких неприятностей.

Несмотря на все беспутство нашей жизни в Тепостлане, мне удалось очень много узнать, особенно о местных жителях. Обычно они редко общаются с белыми, но со мной, «хорошим парнем, что живет у этих двух красноносых дьяволов», были вполне откровенны

— из-за сочувствия ко мне и из-за наших общих передраг.

Благодаря частым поездкам в Мехико и любезной помощи Густава Реглера и сеньора Игнасио Берналя, хранителя памятников доиспанской культуры, я смог прибавить к своим первым, довольно общим этнографическим наблюдениям немало сведений о древних цивилизациях, особенно о жестоких ацтеках, покоривших Центральную Мексику. Их монументальное, хотя и не очень тонкое искусство наложило отпечаток на многие более сложные, но менее воинственные культуры, которые они завоевали.

Я вырос в Англии, в умеренном климате низин Хартфордшира, и страстно мечтал об экзотике, впадая в полное отчаяние оттого, что, дожив до двадцати лет, не видел ни одного дикого животного, кроме белогрудого барсука. Теперь я чувствовал, что настала пора осуществить мои детские мечты о полной приключений жизни в «настоящих тропиках».

Как-то вечером на веранде нашего маленького домика мы с Боллом изучали карту Мексики и вместе составили себе план. Обнаружив на карте обширное белое пространство с красивым названием Кинтана-Роо, мы немедленно решили поехать туда. Название это требовало какого-нибудь дополнения, и мы назвали свою экспедицию «Кинтана-Роо — Дарьен». Серраниядель-Дарьен — пустынная, недоступная и мало известная горная цепь, протянувшаяся к югу от Панамского канала вдоль границы с Колумбией.

Мы не стали медлить со сборами, и уже через несколько дней Болл вернулся из Мехико с пачкой листов писчей бумаги, на которой темно-синей типографской краской готическим шрифтом был напечатан заголовок: «Экспедиция Кинтана-Роо — Дарьен».

Теперь у меня нет ни малейшего сомнения, что этот печатный заголовок был главным толчком к дальнейшим событиям. Именно этот оттиск перебросил меня через тот опасный уступ, который отделяет реальность от необузданной фантазии.

Весь следующий месяц наша жизнь вращалась в основном вокруг этого заголовка. Я начал серьезно вдумываться в слова «Кинтана-Роо — Дарьен». Мы решили, что экспедиция наша будет морской. Начнем с берега Кинтана-Роо, а дальше, к побережью Дарьен, отправимся на местных судах. Я и сейчас не могу сказать, насколько искренен был Болл во всей этой затее. Впоследствии мне пришлось пережить горькое разочарование оттого, что он никогда, видимо, и не думал всерьез об этом проекте, и все же я благодарен ему хотя бы за временную поддержку. Ведь именно он направил меня на дорогу приключений.

Кинтана-Роо — территория Мексики, одна из трех административных единиц полуострова Юкатан, напоминающего по форме большой палец; он замыкает Мексиканский залив к югу от Флориды. Я узнал, что полуостров также включает штаты Кампече и Юкатан. Штат Юкатан представляет собой маленький треугольник; основанием его служит северное побережье полуострова, а вершина вклинивается между Кампече и Кинтана-Роо. В отличие от других районов Мексики Кинтана-Роо с ее незначительным населением не имеет полных прав штата. Это территория без местного самоуправления, федеральная территория Мексики.

Тщетно искал я в Мексике человека, который мог бы рассказать мне об этом районе, и вскоре понял, что название «Кинтана-Роо» было таким же далеким и экзотическим для мексиканцев, как «Верхнее Конго» для исландских рыбаков.

Короче говоря, Кинтана-Роо оказалась тем неисследованным краем, о каком я всегда мечтал.

На подробной карте Центральной Америки мы увидели, что наш предполагаемый маршрут пройдет вдоль Атлантического побережья Центральной Америки, которое считается самым диким на Американском континенте, от пустынного берега Кинтана-Роо к малонаселенной приморской части Британского Гондураса и дальше к Гватемале, Гондурасу и к знаменитому Москитовому берегу Никарагуа. Это была та часть Американского материка, которую впервые увидел и исследовал Колумб. По его следам мы и будем идти весь путь до Дарьена и Колумбии. В общем это составит тысячу миль.

Увидев, что в Мексике невозможно добыть точных сведений о том районе, куда мы направлялись, мы решили разузнать хотя бы о жителях, с которыми нам придется столкнуться в Кинтана-Роо.

облегчении условий туризма в Европе. Соглашение это распространялось и на британские колонии. Однако позднее, когда мне пришлось сидеть в тюрьме, я обнаружил, что оно еще не дошло до сведения местных властей Британского Гондураса.

Что же касается перехода из Британского Гондураса в Гватемалу, то он будет гораздо труднее, так как эти страны находились чуть ли не в состоянии войны и на их почтовых марках уже велись игрушечные сражения. На марках Гватемалы почти всегда значится призыв «Белиз эс нуэстро!» (Белиз — наш). А Белиз — это столица Британского Гондураса, по имени которой обычно называется и вся колония.

У нас было слишком мало времени, чтобы разбираться в тонкостях политического положения стран, где мы должны побывать. Нам еще надо было обсудить, как мы будем передвигаться по тем пустынным побережьям, которые собирались исследовать.

Болл почему-то решил, что сначала мне одному надо отправиться в Мериду, столицу штата Юкатан, где я смогу приобрести снаряжение для экспедиции и, возможно, получу более точные сведения о Кинтана-Роо. Он же останется в Тепостлане и будет ждать моего вызова.

Прежде чем отправиться в Мериду, я собрал все, что только мог найти в Мехико по древней цивилизации майя, распространенной когда-то на полуострове Юкатан, большей части Британского Гондураса, в Гватемале и на значительной части собственно Гондураса.

Цивилизация майя была самой высокой культурой Америки доколумбовых времен^[2]. Среди всех великих доиспанских цивилизаций Американского континента она отличается самой совершенной письменностью^[3].

Странные иероглифы майя могут передавать исторические факты. Иероглифы эти даже и сейчас не совсем расшифрованы. Тайна письменности — одна из многих тайн, которые до сих пор окружают майя. И наиболее захватывающая среди них — внезапно покинутые древними майя самые большие города: Паленке в Мексике и Тикаль в Гватемале. Цветущие огромные города (многие из них насчитывали до тысячи зданий), оставленные жителями, зарастали лианами, разрушались буйной растительностью тропического леса. Внезапное появление и исчезновение майя, их огромные заброшенные города представляют величайшую загадку этой культуры.

По-видимому, майя были самыми выдающимися строителями из всех древних народов Центральной Америки. Они оставили тысячи храмов и дворцов по всей территории, которую занимали. Их главные города — Паленке, Тикаль, Копан, Ушмаль и Чичен-Ица. Пирамиды, башни и дворцы этих необычных городов все еще стоят, как молчаливые свидетели великой цивилизации.

В настоящее время майя составляют одну из самых больших групп индейцев Американского континента, родственных по языку. В Гватемале и на Юкатане осталось около двух миллионов потомков строителей древних храмов. Большинство майя живет на полуострове Юкатан в штатах Юкатан и Кампече. Есть они и в Кинтана-Роо. Язык майя распространен на Юкатане больше, чем испанский. Он преподается в школах, и на нем латинским шрифтом написано много книг.

Я узнал, что жители полуострова Юкатан всегда считали себя независимыми от Мексики и часто пытались завоевать свободу. Они даже стремились

присоединиться к недолго просуществовавшей Техасской республике^[4].

В апреле 1958 года, когда я отправился в путешествие, еще не было дорог, соединяющих Юкатан с Центральной Мексикой. Единственным средством связи кроме самолета оставалась Феррокарриль-дель-Сур-Эсте, маленькая допотопная железная дорога, петлявшая через густые джунгли от перешейка Теуантепек до штата Кампече.

Таким образом, первая половина путешествия была уже сама по себе небольшой экспедицией, если учесть, что какие-нибудь пятьсот миль поезд проходил за три дня. По дороге я решил заехать в город Паленке, расположенный на полпути к Кампече.

Апрель — самый жаркий месяц в Мексике. А в жаркую сухую погоду индейцы Тепостлана начинают поджигать окружающие леса и заросли. День и ночь бушевали лесные пожары. Когда огонь угасал, индейцы отправлялись собирать обгоревшее дерево. Древесный уголь они продавали многочисленным уличным торговцам тортильями (кукурузными лепешками) и другой снедью на тротуарах бедных кварталов Мехико.

Наши приготовления в Тепостлане подошли к концу, и мы с Боллом каждый вечер сидели на террасе своего домика, освещенного зловещим отблеском грандиозных пожаров, которые пожирали леса на склонах и наступали на «долину дьяволов».

Мы намеренно не стали покупать снаряжение в Мехико. Все нужные нам вещи разумнее было приобрести в Мериде, ведь на месте будет видней, какой климат и какие трудности могут нас там ожидать. Взяв с собой лишь небольшой чемоданчик, я отправился к автобусной станции — так быстрее всего можно было доехать из Мехико до Коацокоалькоса, начальной станции Феррокарриль-дель-Сур-Эсте.

Автобус шел прямо на юг. Когда мы миновали Пуэблу, я почувствовал, как с каждой милей усиливается жара, а местность все больше напоминает тропики. Кругом была выжженная земля, и только изредка встречавшиеся пальмы могли защитить от палящих лучей солнца.

В знойном, вонючем Коацакоалькосе я узнал, что поезда до Кампече ходят только три раза в неделю, а дни их отправления мексиканское правительство держит, должно быть, в секрете. Пришлось сесть на другой поезд, который останавливается бог знает где, в каком-то местечке под названием Теапа. Там надо было проторчать два дня, чтобы потом проехать двадцать миль до маленькой станции Паленке или же следовать прямо до Кампече. Я решил рискнуть, думая, что знакомство с глухими районами не принесет мне вреда, ведь для исследователя, каким я надеялся стать, у меня еще не было ни физической, ни духовной, ни умственной подготовки.

На этот поезд вместе со мной садились индейцы в закатанных до колен синих джинсах. Я обратил внимание на их босые ноги с тонкой щиколоткой и широкой ступней. Почти у каждого на поясе болтался мачете — нож длиной в три фута. Без него в джунглях нельзя и шагу шагнуть.

Приближаясь к Юкатанскому полуострову, поезд вошел в густой тропический лес. Впервые в жизни я увидел джунгли! Долгие годы это слово звучало для меня заманчиво и таинственно. В своих детских мечтах я видел джунгли, населенные страшными гигантскими змеями и всеми прочими тварями, о которых поведал мне Киплинг сухими, совсем неэкзотическими устами моей старой няньки.

Мне не пришлось разочароваться. Змеи, правда, не бросались на наш поезд, но все же я мог вообразить, что они притаились за огромными махагониевыми

деревьями и кокосовыми пальмами, мелькавшими за окном. Поезд шел сквозь зеленые дебри со скоростью пятнадцать миль в час. Временами над верхушками деревьев с пронзительными криками взлетали попугаи, а во время бесконечных остановок прямо посреди леса я различал разнообразные «голоса джунглей». Комары, видимо, были просто счастливы от встречи с нами, и вскоре все мое лицо покрылось красными точками.

Поезд наконец прибыл в Теапу — суетливый городок среди джунглей, центр местных разработок махагониевого дерева. Когда я спросил, можно ли заночевать на станции, мне ответили, что неделю назад здесь кого-то убили. Я поспешил сесть в старый-престарый автобус и поехал в город. На грязных стенках автобуса вместо изображения Гвадалупской святой девы, которое обыкновенно встречается во всех автобусах Центральной Мексики, были нацарапаны всевозможные ругательства.

Город оказался не лучше автобуса. Это была какая-то смесь кошмаров Дальнего Запада и иностранного нашествия. Каждый дюжий мужчина носил за поясом пистолет или пару пистолетов и был похож на убийцу. А те, кто победнее и послабее, со своими зловещими мачете напоминали восставших рабов. Я узнал, что люди с пистолетами — владельцы разных лесоразработок или надсмотрщики. Что же касается рабочих, то большинство их составляли бывшие каторжники — всякий сброд из Веракруса, самого крупного порта Мексики. Интересно, смогу ли я в своей вполне цивилизованной одежде, без пистолетов и мачете хоть как-то вписаться в картину этого жуткого города? Конечно, не смогу. Это я понял довольно скоро, когда попытался найти себе пристанище на ночь.

— Где здесь гостиница? — обратился я к кучке людей, стоявших на ступеньках церкви, превращенной в кинотеатр.

У каждого на поясе болтался мачете. Я не смотрел ни на кого в особенности из боязни впутаться в драку, если мой вопрос будет неверно понят. Никто мне не ответил. Пока я раздумывал, повторить ли свой вопрос или же лучше обратиться к кому-нибудь еще, из толпы вышел какой-то мерзкий тип и крикнул:

— Паршивый гринго! Ха-ха-ха!

Я как дурак стал смеяться вместе со всеми, но тут же отошел в сторону и решил обратиться к какой-нибудь старой женщине. Однако из этого ничего не вышло. Все старухи, как только я к ним приближался, пускались от меня наутек. В конце концов пришлось прекратить эту погоню, ведь недолго было нарваться на скандал. К тому времени я уже настолько привлек к себе внимание, что за каждым моим движением пристально следили сотни настороженных глаз. К счастью, кто-то все-таки отважился спросить, что же мне нужно. И вот я уже осматриваю наш номер в гостинице. Я сказал «наш», потому что в этой комнате без окон стояло шесть кроватей. Очевидно, мне придется разделить кров еще с пятерыми. Уповав на лучшее, я задвинул чемодан под кровать и решил прежде всего как следует выспаться.

К утру, благодаря дружным усилиям двух комаров, я совершенно ослеп. Нет, решительно эти лесные городки были созданы не для меня! Я поспешил на площадь и, поймав там какой-то грузовик, отправился в Вилья-Эрмосу, где можно было нанять небольшой самолет до Паленке.

Вот так я стал пассажиром авиалинии Табаскеньо. Могу вас заверить, что это было в первый и последний раз в моей жизни. На взлетной площадке какой-то мексиканский мальчишка известил меня, что он раздумал быть летчиком, потому что на прошлой неделе «вон там разбился Лопес». Он показал на линию

электропередач неподалеку. Там на проводах все еще были заметны следы крушения Лопеса.

Вскоре я уже сидел в единственном оставшемся у компании самолете, рядом с очаровательным летчиком-индейцем. Через некоторое время после того, как мы поднялись в воздух, на приятном, симпатичном лице летчика появилось беспокойство. Самолет стал медленно спускаться к земле носом вниз. Все это могло бы плохо кончиться, если бы я вовремя не сообразил, что от волнения изо всей силы нажимаю на педали сдвоенного управления. Я убрал ногу, и самолет тут же выровнялся. Под нами проплывали участки тощих посевов и зеленые волны тропического леса. Сверху ясно была видна береговая линия. Я спокойно разглядывал джунгли. Такое буйство зелени производило сильное впечатление. С воздуха лес напоминал то зеленые морские волны, то зеленую плесень. Лишь кое-где среди сплошной зеленой массы выделялись призрачные ветви погибшего дерева. В одном месте лес вдруг расступился и показалась маленькая полянка с двумя хижинами. Это был первый признак жизни за многие мили пути. «Слава богу, — подумал я, — что экспедиция „Кинтана-Роо — Дарьен“ будет морской». Теперь я с особым почтением думал о тех людях, которые отважились пробиваться сквозь этот нескончаемый сырой тропический лес. С самолета я, конечно, не видел ягуаров, зато вполне мог вообразить, как они ступают среди тысяч ядовитых змей — самая страшная картина, какую я только мог себе представить.

Но вскоре все эти страхи остались позади. Летчик сделал плавный разворот, и под крылом впервые в своей жизни я увидел древние развалины майя — знаменитый город Паленке.

Величественные белые и серые здания на горном уступе поднимались над морем зелени, и все же

джунгли не отступали от города, сбегая к нему по склонам окружающих его гор.

Эта картина в таком диком, безлюдном месте произвела на меня неотразимое впечатление. Руины вообще таят в себе особое романтическое очарование, а руины Паленке, возникающие так неожиданно среди бескрайнего лесного океана, просто потрясали. Здесь передо мной предстала загадка столетий, загадка цивилизации, погибшей и исчезнувшей, но все еще удивительным образом продолжающей жить в этих грандиозных постройках — свидетелях былого могущества и славы. Такие картины наводят на глубокие раздумья. Я почувствовал, что здесь начинается совершенно чуждый мне мир, мой разум был бессилен перед его красотой и величием. Эта цивилизация, насыщенная энергией ушедших поколений, была уже неподвластна влиянию людей и времени.

Я избрал Паленке, чтобы приобщиться здесь к культуре майя, вовсе не предполагая, что город этот будет лишь началом моей длительной страсти.

Несмотря на отдаленность и неприступность Паленке, его каждый год наводняют тысячи туристов. Однако в апреле, когда я туда прибыл, стояла невыносимая жара, поэтому туристов у развалин не было. Паленке предстал передо мною знойный и пустынный. Я мог любоваться древним городом почти в одиночестве. Кроме меня там оказалось всего лишь четыре человека — плотник, каменщик, гончар и поэт.

В небольшом поселке Санто-Доминго-дель-Паленке, милях в пяти от развалин, есть два или три такси. Автомобили были завезены туда по железной дороге, но таксисты обычно ждут своих возможных клиентов с неба. Вздывая пыль, шоферы ринулись к месту моего приземления и стали ждать, пока я вылезу из самолета.

Вскоре, однако, я узнал, что такой любезный прием обходится вовсе не дешево.

В Паленке я должен был прожить три дня в ожидании поезда, идущего дальше на Юкатан, но у меня не было ни малейшего представления, где можно провести ночь. После Теапы моя куртка имела довольно жалкий вид, а глаза все еще были узкими, как у азиата, от укусов тех двух комаров, которые так отменно потрудились над ними.

— К развалинам, — сказал я одному из шоферов.

И вот я уже подсакиваю на просторном заднем сиденье автомобиля. Скоро я весь покрылся пылью, и все же мне было приятно отдохнуть в машине, где можно удобно вытянуть ноги на откидное сиденье позади шофера.

На подъеме к развалинам машина вдруг со скрежетом затормозила, и, к моему ужасу, перед нею появилось четверо молодых босоногих индейцев. Только их еще не хватало вдобавок к непомерно дорогому такси! Но когда один индеец предложил мне хлебнуть из какой-то старой грязной бутылки, я несколько успокоился и добросердечно принял то, что потом отверг мой желудок. Нерешительно улыбнувшись, я отведал местной водки. Был ли это газалин или что другое, не могу сказать.

Четверо молодых людей оказались первыми майя, которых я тут встретил. У этих чистокровных индейцев были изумительные, красиво очерченные черные глаза с двумя изящными складочками на веках. Волосы у них совсем прямые, черные, с мягким блеском, а кожа золотистая, как у загоревшего европейца; небольшой рост, тонкие, но крепкие запястья и щиколотки и, может быть, чуть широковатая для такого роста грудная клетка. От постоянной ходьбы по колким, жестким зарослям кожа на их босых ногах, покрытых до

щиколоток мозолями и ссадинами, потемнела и загрубела. Казалось, что они обуты в высокие башмаки.

Наши неожиданные пассажиры проехали с нами совсем немного. Когда они высадились, я устроился в машине с прежним комфортом. Теперь мы ехали под лучами жаркого полуденного солнца по широчайшей аллее, окаймленной четырьмя высокими пирамидами из ослепительно сияющих золотисто-белых камней.

Я стою среди развалин и прислушиваюсь к тишине. Вдали постепенно затихает шум уехавшего автомобиля.

Ничто не вызывает в человеке такого благоговения, как древние развалины Американского континента. Ведь в отличие от развалин Греции и Египта нам совсем неизвестна их история, они так необычны для нашей западной культуры, что вначале мы просто не можем постичь их таинственного духа. Я только без конца мог повторять банальные фразы: «Это прекраснее пирамид Египта» и «Неужели все это построили жившие здесь люди?»

Нетрудно было сделать ту же ошибку, что и впервые побывавшие в Паленке археологи, которые долгое время приписывали эти сооружения древним грекам и египтянам, не веря, что их мог создать какой-то другой народ.

Однако джунгли вокруг меня и необычная архитектура этих строений свидетельствовали, что я не в Греции и не на берегах Нила. То, что теперь открылось моему взору, построил народ Американского континента в те времена, когда пала Византия, а в Галлии все еще царил хаос после ухода римлян. Это был особый мир, мир, для меня пока еще непостижимый.

Несмотря на эти раздумья, я все же не забывал о двух весьма существенных обстоятельствах: то, что я здесь в экспедиции, а не на туристской экскурсии и что мой чемодан выглядит как-то не на месте среди этих развалин. Ночлега у меня нет, до поселка отсюда целых

пять миль, поэтому надо срочно думать о самом ближайшем будущем.

И как раз в этот момент мне встретился человек. На вид лет пятидесяти, лысый, с прекрасным лбом, взмокшим от пота. На нем были только шорты и сандалии. Такое одеяние не вязалось с его значительным лицом, зато оно больше соответствовало обстановке, чем мои серые штаны из фланели и голубая куртка, столько испытавшая за последние несколько дней. Не знаю, кто из нас был удивлен больше. Наверное, все-таки я.

Тогда я еще не знал, кто этот человек. Лишь позднее, уже после того как я покинул Паленке, мне сказали, что это крупнейший мексиканский поэт, мистик, человек, заслуживший всеобщую любовь и признание. Ведь в Мексике, как и вообще в Латинской Америке, поэтов ставят выше президентов, переворотов и даже церкви. Они, словно боги, господствуют над людьми. Великие поэты всегда были столпами, вокруг которых писалась история Латинской Америки.

Если Густав Реглер открыл мне глаза на Мексику, то Карлос Пельисер^[5], имени которого я тогда не знал, объяснил мне многое в искусстве и цивилизации майя.

Карлос Пельисер жил в Кампаменто археологическом^[6], небольшом домике в нескольких ярдах от развалин, специально построенном для приезжающих сюда археологов. Доктор Пельисер собирался организовать здесь строительство музея. Он любезно пригласил меня к себе на все те дни, что я пробуду в Паленке.

Я сбросил куртку в небольшой чистой комнатке, отведенной мне в Кампаменто, и вскоре уже сидел за своей первой в Паленке трапезой. Трапезой совершенно необычной, как и все последующие за ней, благодаря той удивительной простоте и уму, которыми обладал Карлос Пельисер, человек образованный и одаренный. С

ним жили еще три человека, все трое ремесленники — гончар, плотник и каменщик. Под его руководством они строили маленький музей, где должны были храниться экспонаты, отобранные Пельисером из тысяч разных предметов, найденных за многие годы при раскопках в Паленке.

Как ни странно, в Мексике существует обычай обращаться в разговоре к человеку по его званию. Правда, самого Карлоса Пельисера называли просто сеньор, но он своих товарищей величал только маэстро — звание, которое в Мексике присваивается опытным мастерам-ремесленникам. Беседы его были всегда поучительны и тактичны, так что три его помощника, несмотря на их простое происхождение и примитивное воспитание, приобщились к особой душевной тонкости сеньора поэта. Если не считать их довольно грубых манер за столом, все трое настолько изменились под его влиянием, что казались вполне образованными людьми.

Было в этой четверке что-то нереальное, средневековое. Я невольно вообразил себя в Европе времен возведения знаменитых соборов, за столом у какого-нибудь знатного сеньора, обсуждающего с мастерами за обедом постройку готического *domum domini*^[7].

За те три дня, что я провел в Паленке, туристов там не было. Я свободно бродил среди развалин, нередко вместе с Карлосом Пельисером. Его обстоятельные объяснения, острые и тонкие замечания оживляли для меня эти великолепные постройки, и многое становилось мне понятным. От него я не только узнал историю древнего города, но и научился видеть самое существенное, понял, на что надо смотреть.

Сейчас Паленке стал центром археологических исследований. Несмотря на отдаленность, это был

первый крупный город древних майя, обнаруженный европейцами. Впервые о нем узнали в 1773 году, когда индейцы открыли его местонахождение одному священнику. Тот побывал в городе и составил об этом письменное сообщение. Позднее сюда добрался один испанский солдат и итальянский архитектор Антонио Бернакони. Их археологические исследования были довольно разрушительны. Место это привлекло также внимание испанского короля Карла III, который сам был археологом и финансировал раскопки в Помпеях. Он приказал сберегать все найденное в Паленке, чтобы иллюстрировать «*Historia Antique de America*»^[8].

Современная история Паленке охватывает около двух столетий. За это время среди посетивших развалины были такие необычные личности, как граф Вальдек, который в 1832 году сделал зарисовки города. На своих рисунках он все слегка фальсифицировал, и создавалось впечатление, что постройки возведены финикийцами и римлянами. Эта общая ошибка была исправлена лишь в 1840 году, когда в Паленке прибыли люди, которых можно считать основоположниками современной мексиканской археологии, — адвокат из Нью-Йорка Джон Ллойд Стефенс и его товарищ художник Фредерик Казервуд. Рисунки этого художника были настолько точны, что и сейчас их предпочитают фотографиям. Некоторые надгробные памятники и иероглифы теперь уже погибли, но их можно изучать по рисункам Казервуда.

Археологи до сих пор делают в Паленке новые интересные открытия. В 1951 году известный археолог доктор Альберто Рус Люйер во время реставрации некоторых сооружений заметил, что пол в маленьком храме на вершине самой высокой пирамиды иссверлен небольшими дырочками. Используя эти отверстия, он сумел поднять каменные глыбы и под ними обнаружил

ступени лестницы, ведущей внутрь пирамиды. В конце лестницы, на глубине девяти футов от поверхности земли и в ста футах от вершины пирамиды, он наткнулся на огромную каменную плиту, преградившую дальнейший путь. Перед плитой лежало шесть скелетов майя, охранявших дверь, за которой скрывалась самая удивительная из всех находок — гробница знатного майя, закрытая пятитонной, искусно обтесанной каменной глыбой с высеченными на ней иероглифами. Вокруг останков майя, увешанного ожерельями из нефрита и жемчуга, стояло множество совершенно неповрежденных керамических сосудов. Это была самая интересная из всех гробниц майя, открытых внутри пирамид. Очевидно, ее построили одновременно с храмом, тогда как в других местах гробницы сооружались позднее храмов.

На многих каменных плитах в Паленке обнаружены даты, которые смогли прочесть только после того, как их расшифровал редактор газеты из Виргинии, в глаза не видевший майя. Изучение этих дат показало, что Паленке строился в пятом и шестом веке нашей эры, а в конце десятого века по каким-то неизвестным причинам был покинут жителями. Паленке слово не индейское. Карлос Пельисер сказал мне, что по-испански оно означает «частокол».

На первый взгляд архитектура Паленке кажется замысловатой. Там есть здания со сводами, похожими на восточные арки, — в виде замочной скважины. Среди города возвышаются четыре большие пирамиды правильной формы. Их вершины увенчаны маленькими храмами с тремя квадратными входами, от которых вниз по крутым граням пирамиды спускаются величественные лестницы. Кроме того, в городе есть большой дворец и разные более мелкие постройки, возведенные на искусственных земляных холмах. Создается впечатление, что город этот был крупным

религиозным центром. Трудно себе представить здесь какое-то другое население, помимо высшего духовенства или военной знати.

Фасады многих зданий в Паленке украшены барельефами и каменными скульптурами, главным образом фигурами людей в изысканной одежде и огромных головных уборах из перьев и ягуаровых шкур. Часто такой убор превосходит по размерам самого человека.

Вначале кажется, что эти фигуры на каменных глыбах и рисунки барельефов стилизованы. Однако Карлос Пельисер обратил мое внимание на то, с какой обстоятельностью выполнены губы, носы, зубы. Надо думать, что резьба производилась по живым моделям и каждая фигура представляет собой индивидуальный портрет.

Это было лишь одно из многих тонких замечаний Пельисера, которые помогли мне понять, что Паленке — это прежде всего творение индивидуальностей. Здесь в каждой постройке отражается личность ее создателя. Теперь передо мной были не просто безмолвные руины, а портретная галерея людей, занимавших высокое положение в обществе майя тех далеких времен.

Почему же были покинуты эти прекрасные города? Ученые предлагали много разных объяснений (смерть, какая-то болезнь, внезапный упадок), но ни одно из них нельзя признать удовлетворительным.

Изучая скульптуру Паленке, начинаешь понимать, что древние майя обладали тонким художественным чутьем, а их представление об условности нередко совпадает с нашим. Там есть, например, изображение животного вроде собаки с глазом в форме четкого следа ноги человека. За три дня я сумел узнать многое о замечательной культуре майя и мог кое в чем разобраться.

Распростившись наконец с Карлосом Пельисером, я сел на поезд, проходивший через Паленке ночью, и отправился навстречу приключениям, которые мы придумали с Боллом, напечатав слова «Кинтана-Роо — Дарьен».

Однако по-настоящему моя экспедиция началась лишь к концу следующего дня, когда поезд пересек границу штата Кампече и я первый раз в жизни ступил на землю полуострова Юкатан. Тогда я даже и не подозревал, что мне придется сыграть хотя и скромную, но все же заметную роль в разрешении многих загадок древних майя.

2. Майялуум

После утомительной езды через лесистый перешеек Теуантепек, где поезд тащился с черепашьей скоростью, полуостров Юкатан показался мне просто другим миром.

Мексиканская часть полуострова по своим физико-географическим особенностям — район очень интересный. Прежде всего бросается в глаза абсолютно плоский рельеф. Только в одном месте сюда заходит небольшая узкая гряда холмов, заканчивающаяся в центре этой прямоугольной по очертаниям территории. В целом же весь район представляет собой обширное известняковое плато, лишь слегка поднимающееся над уровнем моря.

Вторая примечательная черта района, которая тоже обращает на себя внимание, в особенности когда смотришь на карту, — это полное отсутствие здесь рек. Мне кажется, что именно в таких местах, как северный Юкатан, человек особенно ясно понимает всю ценность воды. Однако мексиканский Юкатан, хотя там нет ни одной реки, ни одного озера (кроме соленых прибрежных лагун), обладает значительными запасами подземных вод. После тропических ливней вода

мгновенно просачивается сквозь пористый известняк, поэтому здесь существует густая сеть подземных рек, ручьев и озер. Население на Юкатане концентрируется только вокруг колодцев, море же не играет почти никакой роли, и здесь нет крупных прибрежных городов, за исключением Кампече, знаменитого пиратского порта близ границы Юкатана и перешейка Теуантепек.

Колодцев на Юкатане очень много, они здесь двух видов: искусственные и сеноты. Почти во всех современных искусственных колодцах воду качают ветряные мельницы. Некоторые районы Юкатана сплошь покрыты ветряными мельницами. Их железные крылья, словно цветы, поднимаются над крышами домов в Мериде.

Однако более любопытны сеноты — естественные колодцы, образовавшиеся при обвалах пластов известняка над подземными реками или озерами. Это единственные места, где подземные воды показываются на свет божий. Такие колодцы бывают самых разных размеров — от узкой воронки до гигантского водоема в двести — триста футов в поперечнике и нередко до ста футов глубины. Вполне понятно, что древние майя селились в основном около сенотов. Все крупные города мексиканского Юкатана построены вблизи или вокруг какого-нибудь сенота, а там, где сенотов не было, майя устраивали огромные резервуары для сбора дождевой воды. Дождей на Юкатане выпадает довольно много, От тридцати девяти дюймов в более сухих районах до ста пятидесяти дюймов — во влажных. К сожалению, самые дождливые места, как потом довелось мне узнать, были в Кинтана-Роо.

Известняки северной части Юкатанского полуострова кажутся совсем бесплодными. Серыми пятнами они проглядывают повсюду сквозь тонкий

неровный слой красной почвы. Вначале просто поражаешься, как на такой скудной земле может вообще что-нибудь расти. Испанцев это когда-то тоже удивило, и Диего де Ланда, крупнейший историк Юкатана, писал, что он не знает другой страны «с таким ничтожным слоем почвы». А ведь Ланда был испанцем, видевшим бесплодные горные районы Андалузии, так что его утверждение вовсе не пустые слова. И тем не менее Юкатан — страна «индейки и оленя, меда и кукурузы», страна удивительно богатая. Вероятно, это самый любопытный из многих парадоксов Юкатана.

В Кампече я с радостью пересел с поезда на автобус (он шел в три раза быстрее и был вдвое грязнее поезда) и отправился в Мериду, столицу штата Юкатан, расположенную в глубине полуострова.

Теперь я собственными глазами увидел, что Юкатан не так уж бесплоден, как можно было бы подумать. Почти весь он покрыт лесом, но не тропическим, как в районе Паленке, а более низким, сухим и колючим. Сейчас, в разгар сухого сезона, лес побурел и выглядел довольно уныло. Его оживляли только ярко-оранжевые цветы на каких-то деревьях. Потом я узнал, что эти деревья очень типичны для Юкатана и что их цветок — символ всего края.

Проехав сто пятьдесят миль от Кампече до Мериды, наш автобус миновал с полдюжины поселений. Почти в каждом из них посреди просторной площади стояла большая старинная церковь в стиле испанского ренессанса. Ее строгий фасад возвышался над одноэтажными каменными домами, окружавшими площадь. Дома эти грязновато-бурого цвета украшали окна с чугунными решетками. Однако самым примечательным в поселках были не площади с их испанской архитектурой колониального стиля, а тысячи овальных, крытых пальмовыми листьями хижин. Они

напоминали жилища в африканских деревнях, которые я видел в иллюстрированных изданиях.

Рассматривая эти хижины посреди небольших квадратных дворики, обнесенных красной земляной оградой, я подумал, что Юкатан и теперь все еще остается страной майя.

Тысячи индейцев, которые составляют большинство населения полуострова, почти не изменились за четыреста лет испанского и мексиканского господства. Поразительно, что чужестранцы ничего не восприняли здесь из культуры доколумбовых времен, а майя даже и не пытались заимствовать хоть что-нибудь у европейцев.

Аккуратные овальные стены хижин майя сделаны из жердей, вбитых в землю плотно друг к другу. Над ними поднимаются такие же аккуратные высокие крыши из пальмовых листьев. В жилище ведет только одна низкая дверь, окон в них нет. Во многих дворах стояло по две или по три хижины. Позднее я узнал, что по традиции майя большинство семей строит «парадный дом» для особо торжественных случаев, затем хижину, где они постоянно живут, и, наконец, хижину поменьше, которая, судя по обожженным стенам и крыше, служит кухней.

Я был поражен, что в Америке все еще существует целая область, в такой степени индейская. Об этом свидетельствовали не только жилища, но также одежда и язык. Сейчас на Юкатанском полуострове на языке майя говорит около тридцати двух тысяч человек. Современный язык мало чем отличается от языка древних майя. Он не имеет родства с другими языками Американского материка, и для него характерно особое произношение, похожее на заикание^[9].

В Мериде, столице штата Юкатан и самом крупном городе полуострова, двести тысяч жителей. Это

большой, просторный город с параллельными рядами улиц, построенный испанцами в типичном стиле их первых городов в Америке.

Если существовала когда-нибудь на свете столица, не принадлежащая своему времени, то это Мерида. У нее нет ничего общего с нашими современными городами. За исключением нескольких новых зданий, весь город построен в испанском раннеколониальном стиле. Его большие высокие одноэтажные дома имеют прохладный внутренний дворик и аркады. В таких двориках в соседстве с непременными ветряными мельницами растут высокие стройные пальмы. Ветряная мельница с колодцем есть в каждом дворе. На улицу обращены строгие фасады домов, в основном бледно-голубого, бледно-желтого и зеленоватого цвета с большими симметричными окнами и одной дверью. Из-за высоких домов Мерида кажется гораздо более крупным городом, чем она есть на самом деле.

Там, где кончаются эти каменные дома испанской колониальной архитектуры, сразу же начинается другой город, большой и чистый город хижин с крышами из пальмовых листьев. Такая непосредственная близость двух совершенно разных стилей, такой резкий контраст между испанскими каменными домами шестнадцатого века и традиционными хижинами майя поражают каждого, кто сюда приезжает.

Вскоре я понял, что, хотя Юкатан и принадлежал Мексике, а Мерида была процветающим городом, все же и Юкатан, и Мерида существовали в своем обособленном мире, совершенно отрезанном от современной цивилизации. Здесь был свой уклад, своя удивительная жизнь, где смешались обычаи древних майя с довольно неторопливым девятнадцатым веком. Ведь и испанская часть населения на Юкатане тоже далека от современной жизни.

В Мери́де фактически нет такси, основным средством передвижения служат коляски с лошадьми. Самые типичные здесь коляски (калечи) сошли прямо со старинных гравюр и все еще сотнями разъезжают по улицам. Однако это вовсе не музейные экспонаты, все экипажи совершенно новенькие.

Калечи лишь один из многих аспектов жизни в Мери́де, отражающих старинный ритм Юкатана, лишь одно из небольших отступлений в прошлое. Юкатан — это мир ленивого распорядка жизни, приспособленного к жаркому тропическому солнцу, мир добротной пищи и неторопливых бесед, страна *far niente*^[10] и спокойной силы с оттенком особой сдержанности, присущей характеру майя.

Если Мексика — земля огня и смерти, то Юкатан — земля покоя и грусти о прошлом. Шумная, жестокая, кипучая Мексика резко отличается от тихого, спокойного Юкатанского полуострова, и именно это отличие вызывает на Юкатане сильную неприязнь к более могущественной Центральной Мексике. Жители Юкатана прежде всего юкатанцы. Они читают юкатанских поэтов, готовят местные блюда, имеют собственных художников и скульпторов и собственные университеты. В Мери́де меня как-то пригласили в Ротари-клуб в большом саду одного частного дома, построенного по типу домов, которые возводились в Париже в 1890 году. И вот я с удивлением обнаружил, что среди собравшихся многие побывали в Париже или вообще где-нибудь в Европе, но ни разу не были в Мехико. Если юкатанец нуждается в лечении, которого нельзя получить на полуострове, он гораздо охотнее поедет на Кубу или в Соединенные Штаты, чем в «дикарский» Мехико.

Аристократия Юкатана во время мексиканской революции лишилась своих владений. Большие

поместья были раздроблены, и, хотя позднее их снова скупили те же самые состоятельные семьи, аристократия все же беднела из-за падения цен на хенекен.

Хенекен — единственный крупный источник доходов на Юкатане. Маломощные почвы полуострова со времен древних майя порядком утратили свое плодородие, и теперь единственной культурой, которая могла бы иметь промышленное значение, стал хенекен, или сизаль. Он имеет огромные преимущества перед всеми другими растениями, так как требует очень мало воды. Для бесплодных известняков это идеальное растение. Сизаль начали разводить на Юкатане в восемнадцатом веке, а в девятнадцатом на нем наживали огромные состояния, так что аристократия могла позволить себе превратить Мериду в город утонченной роскоши по парижскому образцу. Богатые юкатанцы, живущие в Мериде некоторую часть года, прославились своими веселыми и довольно распутными нравами.

Сизаль шел в основном на производство веревок и каната (невысокого качества), но вскоре эта отрасль стала приходить в упадок. Когда сизаль потерял свое былое значение, экономическому процветанию Мерида наступил конец, и с тех пор город погрузился в мирную дремоту. От недавнего прошлого осталась лишь бледная тень. Но от тех времен богатства и парижского шика юкатанцы сохранили немало характерных черт, в особенности упорное стремление устроить и город, и всю свою жизнь на европейский манер. Merida la blanche^[11], как называли свою столицу жители, любила величаться и «Южным Парижем».

Город и его желанное сходство с Парижем — гордость каждого обитателя Мерида независимо от социального положения, Любой кучер с готовностью

объяснит вам, что камни для мощения улиц доставлены сюда из Парижа — их везли как балласт тысячи торговых шхун, заходивших в Прогресо, порт Мерида на берегу Мексиканского залива в пятнадцати милях от города. Кроме того, кучер калечи заметит не без гордости, что его экипаж в точности такой же, как во Франции, и в доказательство укажет, что сделавший его мастер был француз, как видно по надписи на медной дощечке, прибитой к задней оси.

Ему и невдомек, что на залитых асфальтом улицах современного Парижа уже нет колясок. Не подозревает он также, что калечи Мерида, хотя и сделанные каретником-французом, были такого древнего образца, что даже перед Французской революцией казались бы старомодными во Франции. Калеча представляет собой узкую и высокую прямоугольную кабину, которую можно наглухо закрыть парусиновыми занавесками. Кучер сидит где-то высоко над крышей. Все это производит впечатление очаровательной старины, очень приятной для глаза, однако чувствуешь себя в такой коляске совсем ненадежно.

Но самое интересное, что есть в Мериде и вообще на Юкатане, — это индейцы. Если не считать старинных аристократических семей, на Юкатанском полуострове нет такого резкого разделения между мексиканцами и индейцами, как в остальных районах Мексики. Здесь они социально не разобщены.

Индейцы майя, численно превосходящие мексиканцев, сумели сохранить в Мериде свой образ жизни и образ мышления. Они сохранили также свою одежду. На Юкатане вы на каждом шагу встретите **уипиль** — белое платье, которое носят все индейские женщины. Его переняли даже светские дамы как парадный туалет для всяких вечеров и приемов в богатых домах. Уипиль — это платье-мешок, сделанное из сложенного вдвое длинного, узкого куска белой

ткани. По бокам кусок сшивается, и получается как бы длинная наволочка, открытая с одного конца. На другом конце делают квадратный вырез для головы, а для рук в боковых швах оставляют прорезы. Декольте и подол отделывают яркой вышивкой — узорами из цветов или геометрическим орнаментом. Это свободное белоснежное платье, вышитое разноцветным шелком, выглядит очень эффектно. Под него надевают нижнюю юбку, край которой иногда выставляют из-под платья. По праздникам носят более нарядно вышитый уипиль — терно — и под ним тоже вышитую нижнюю юбку.

В своей одежде юкатанские женщины напоминают гречанок, их уипиль вполне под стать тунике. Для меня панорама улиц Мерида, по которым движутся тысячи женщин в таком наряде, останется основной приметой современного Юкатана.

Попав в Мериду, я просто не мог вообразить, с чего начать приготовления к экспедиции Кинтана-Роо — Дарьен, в которую я уже втянулся основательно.

У меня было с собой письмо к Альберто Русу, известному археологу, открывшему гробницу в Паленке. Доктора Руса я нашел в отделении Мексиканского государственного комитета археологии. Это был высокий, суровый на вид человек. Он вежливо со мной поздоровался и приготовился внимательно слушать меня. Узнав, что я собираюсь плыть вдоль побережья Кинтана-Роо до Британского Гондураса, доктор Рус заметил, что осуществить это будет трудно.

— Видите ли, — пояснил он, — побережье совсем безлюдно. Только в трех местах там есть поселения: Пуэрто-Морелос на севере, Танках в середине и Шкалак на границе Мексики и Британского Гондураса. Разумеется, на берегу, как вам известно, есть еще знаменитые развалины Тулум, а рядом с ними плантация кокосовой пальмы сеньора Пепе Гонсалеса. Когда мне приходилось ездить в Тулум, Гонсалес всегда

хорошо меня принимал, так что я могу дать вам письмо к нему. Могу еще сказать, что около Танкаха есть небольшая посадочная площадка, расчищенная среди джунглей.

Конечно, я слыхал о Тулуме. В литературе попадалось много упоминаний об этом большом древнем городе, затерянном на пустынном берегу Кинтана-Роо. Пока не расчистили этот аэродром, далеко не всегда пригодный для посадки, добраться до Тулума можно было только морем. Дорога была настолько долгой и трудной, что раньше в Тулум редко кто приезжал.

Что же касается побережья южнее Тулума, то доктор Альберто Рус ничего определенного о нем не знал. Очевидно, попасть туда было нелегко.

— Местных индейцев, — сказал доктор, — море не интересует, и едва ли вы найдете там лодку. А вот на острове Косумель всегда можно нанять суденышко и добраться на нем до Британского Гондураса.

Так я и решил сделать. Сначала мы с Боллом отправляемся на Косумель. Отсюда, из Мерида, мы поедем по только что отстроенной дороге к северной оконечности Кинтана-Роо, до местечка с благозвучным названием Пуэрто-Хуарес. Мне сказали, что там всегда можно найти судно, идущее к небольшому островку Исла-Мухерес («Острову Женщин»), расположенному как раз в том месте, где выступ юкатанского берега отделяет Мексиканский залив от Карибского моря, а оттуда дальше на юг, до острова Косумель. На Косумеле я решил нанять судно (если мы его там найдем) и медленно плыть вдоль берегов Кинтана-Роо, останавливаясь в разных местах.

А пока я пытался найти хоть кого-нибудь, кто бывал в Кинтана-Роо и смог бы дать мне необходимые советы. Но поиски эти не увенчались успехом. Я только узнал, что побережье Кинтана-Роо в отличие от внутреннего

Юкатана покрыто густыми джунглями, где нет ни одной дороги. Городов там тоже нет, и к тому же весь район наводнен бандитами — беглыми мексиканцами. Ведь на Юкатане бандит всегда значит мексиканец. Индейцы майя сами по себе народ мирный, за исключением тех, что живут в Кинтана-Роо. Их обычно называют индиос сублевадос, то есть мятежные индейцы. В общем скоро мне стало ясно, что для юкатанцев, так же как и для жителей Мехико, Кинтана-Роо представляется диким краем, о котором никто ничего не знал или не хотел знать.

Я написал обо всем Боллу. Сообщил ему, что судно мы, по всей видимости, достать сумеем, но сведения о Кинтана-Роо очень скудны. Джунгли там пустынные и неприветливы, и живет в них лишь горстка «мятежных индейцев» да столько же опасных чиклеро.

Казалось бы, все эти слухи должны были отпугнуть меня от Кинтана-Роо, но вышло совсем наоборот. Такая таинственность была привлекательна, и я уже подумывал, не пересечь ли мне территорию Кинтана-Роо пешком. Когда я сообщил об этом господину Помра, главе «Французского союза» в Мериде, человеку хорошо знавшему страну и ее население, он мне ответил, что я просто рехнулся. За год до моего приезда, рассказал господин Помра, один молодой немецкий археолог отправился из Мериды через Кинтана-Роо к древнему городу Тулуму на берегу моря. Три недели спустя около сенота нашли его труп. Он был убит одним из своих проводников. Этот рассказ заставил меня вернуться к прежнему более разумному решению путешествовать морем, а при остановках удаляться от берега в глубь территории лишь самую малость. В то же время я попытался раздобыть более точные сведения об индиос сублевадос и о бандитах, которых называли чиклеро.

Об индейцах я почти ничего не узнал. Мне только сказали, что заходить на их территорию очень опасно, так как они нападают на всякого пришельца. Слишком уж долго им самим приходилось страдать от притеснений мексиканского правительства, а также от жестокого разбоя чиклеро.

Слово «чиклеро», которое я считал синонимом «бандита» и которое всегда слышал в связи с каким-нибудь преступлением, относилось на самом деле к сборщикам чикле. Чикле — это сок дерева саподильи, который идет исключительно на изготовление жевательной резинки. Тысячи американских челюстей, жаждущих жвачки, обеспечили чикле хороший бизнес. Производство жевательной резинки стало крупной отраслью промышленности. Добывается чикле только в трех районах мира: в Кинтана-Роо, северной части Гватемалы и Британском Гондурасе.

В отличие от каучукового дерева саподилья никогда не выращивается на плантациях, для сбора чикле люди должны отправляться в джунгли. Это очень трудное и опасное дело. Сборщиков ждут ядовитые змеи, зараженная микробами вода и прежде всего малярия, все еще свирепствующая в Кинтана-Роо. На такую нелегкую работу обычно отправляются бывшие каторжники и уголовники из Веракруса. Мирные юкатанцы отказываются идти в джунгли. И вот в Кинтана-Роо стекаются банды чиклеро, которые вступают в битву с джунглями и друг с другом за драгоценный белый сок чикле. Уже много лет прибывают в Кинтана-Роо эти люди и часто живут там весь год, предпочитая после шестимесячного сезона сбора чикле остаться в джунглях, чем отвечать перед законом за преступления, совершенные ими до или после приезда сюда.

Неожиданные случайности, выпавшие на долю моей экспедиции, очень скоро свели меня с этими странными

чиклеро, вооруженными ружьями, пистолетами и мачете.

Малярия тоже оказалась непредвиденной опасностью. Топкие болота и сырые джунгли служили надежным оплотом этой болезни. В общем, все, что я узнал в Мериде, было бы для меня вполне достаточным оправданием, чтобы держаться от Кинтана-Роо как можно дальше.

Теперь я часто думаю, что мое упорное желание ехать в эти дикие места было просто глупостью. Если бы не готический заголовок и не моя боязнь показаться круглым дураком, я, может быть, и отступил бы от всей этой затеи. Как бы там ни было, я продолжал потихоньку готовиться к путешествию. Бог знает почему, но это побережье, о котором я не слыхал ни единого доброго слова, удивительным образом притягивало меня. Во всяком случае менять планы теперь уже было поздно. Вспоминая долгие вечера в Тепостлане, когда мы с Боллом готовились к экспедиции, я решил придерживаться намеченного нами тогда маршрута и только сократить число остановок на побережье Кинтана-Роо.

Хотя я думал, что поеду в экспедицию вместе с Аланом Боллом и командой нанятого нами судна, я все же решил купить оружие и раздобыть проводника; Мне порекомендовали человека по имени Агиляр. Он часто служил проводником у охотников. В сухих зарослях внутреннего Юкатана дичь водится еще в таком количестве, что на нее охотится ради мяса все сельское население. Это я понял еще по дороге из Кампече в Мериду, где на каждой остановке в наш автобус входили индейцы с эскопетас (ружьями) за спиной; В тех местах водится множество черных фазанов, диких индеек и маленьких красных оленей венадо. А если к ним прибавить еще диких свиней, диких кошек и небольших ягуаров, то можно понять, что сафари на

Юкатане не такая уж редкость. Агиляр готов был отправиться со мной на охоту в окрестности Мерида и в район Кампече, однако он ничего не знал о Кинтана-Роо и только повторял то, что я уже слышал от других. Агиляр посоветовал мне приобрести пистолет — для самообороны и для пополнения пищевых запасов, когда мы будем на побережье. Он познакомил меня со своим приятелем, торговавшим оружием, — человеком с довольно подозрительной внешностью. Тот предложил мне небольшой хромированный револьвер 32-го калибра.

Я не знал, как поступить, и послал телеграмму Боллу, ведь ему тоже полагалось принимать участие в основных расходах экспедиции. Ответа я не получил и пока принялся искать другое снаряжение, необходимое для экспедиции.

Я уже давно заметил, что кровати на Юкатане встречаются только в гостиницах, а все индейцы и мексиканцы спят в гамаках. Для меня гамак всегда соединялся с опасностью вывалиться из него, с его неудобством и с морским флотом. Однако, когда я попробовал спать в гамаке майя, мне пришлось переменить свое мнение и согласиться с местной легендой, утверждавшей, что гамак был дарован человечеству богами. Юкатанский гамак — вещь очень славная, он не позволяет себе гнусных трюков среди ночи, как все другие гамаки в мире.

На Юкатане существует два вида гамаков. Одни делаются из хенекеновой веревки, другие, более мягкие, просторные и благородные, — из хлопка или шелка. Я выбрал последние и для большей надежности купил так называемый семейный гамак, где свободно могут спать два человека, ложась вдоль или даже поперек гамака.

Гамаки майя удивительно хитроумная и сложная штука. В них нет узлов, которые так портят другие

гамаки. На прямоугольную деревянную раму рядами наматывают веревку и переплетают другой веревкой, так что получается неплотная сетка, на которой удобно лежать в любом положении.

Юкатанцы отлично используют этот дар богов, как нельзя более подходящий для их ленивой натуры. Они подвешивают гамаки повсюду и спят в них днем и ночью. Гамак можно увидеть в вагоне поезда, среди деревьев и в любом доме, где в каждой комнате на стенах есть крючья. Гамаки позволяют индейцам жить с комфортом в своих маленьких хижинах и в дневное время значительно увеличивают жилое пространство.

Зная, что в Кинтана-Роо нет спасения от комаров (а мне ведь к тому же предстояло отправиться еще на Москитовый берег), я купил для защиты от них большую тонкую противомоскитную сетку.

Из одежды я решил взять только брюки и легкую обувь. Этого будет вполне достаточно, чтобы ходить по палубе (как мне тогда представлялось). Я приобрел пару сандалий, а сапоги рассчитывал купить в Вальядолиде, довольно крупном городке, обозначенном на моей карте как последний пункт на пути от Мерида к Пуэрто-Хуаресу, где заканчивалась дорога на побережье Кинтана-Роо. Это было непростительной ошибкой, потому что в Вальядолиде, как потом оказалось, продавали сапоги, годные по размеру лишь для небольших ног индейцев. На базаре в Мериде я купил два ножа длиной по двадцать дюймов. Они показались мне не такими смешными, как мачете, и в то же время достаточно большими, чтобы ими можно было обрубить лианы.

С этими покупками я вернулся в гостиницу и нашел там письмо от Болла. Болл писал:

«Дорогой Мишель,

мне не удалось получить денег, как я рассчитывал. Из-за стерлинговой зоны их смогут выдать мне лишь в британской колонии. На Юкатан, к сожалению, приехать не могу, встретимся только в Белизе. Советую начать путешествие самостоятельно, а, от Белиза будем продолжать его вместе, как и было задумано.

Искренне ваш А. Б.»

Письмо меня очень огорчило. Видимо, Болл хотел отказаться от нашего плана и только искал предлога. Я тут же бросился звонить в Мехико. Сквозь сумятицу гудков и хрипов мне удалось наконец разобраться, что дела в Мехико изменились, Болл приехать не может. Теперь я уже не надеялся увидеться с ним даже в Белизе. Так оно и оказалось. С Боллом я уже больше никогда не встречался, и не только потому, что он не приехал в Белиз. Я и сам попал туда очень и очень нескоро.

После телефонного разговора я как-то упал духом. Ведь весь мой энтузиазм в значительной степени подогревался именно надеждой на такого солидного спутника, как Болл. Одно дело путешествовать вместе, и совсем другое — отправляться в такую даль одному. В ту ночь меня терзали страшные сны. Мне снился скелет молодого немецкого археолога.

Я уже очень жалел, что ввязался во всю эту историю, и ругал себя за то, что сразу же не сообразил, каким ненадежным партнером был Болл. Разглядывая свою тощую, длинную фигуру в мутном зеркале гостиничного номера, я никак не мог представить себя исследователем. Но может быть, в конце концов все складывается к лучшему? Да нет, глупо отправляться одному. Если я даже кое-как сумею доехать до

Колумбии, разве мне удастся вовремя вернуться в Гарвард к началу занятий в августе? Сейчас конец апреля, значит, остается всего лишь три месяца, а впереди целых две тысячи миль.

Я рассказал господину Помра, какие у меня произошли изменения, и попросил его совета. Он стал отговаривать меня от поездки, уверяя, что это просто самоубийство.

— А что, если вы заболаете? — добавил он.

Я был вполне с ним согласен, но тем не менее решил, что теперь скорее умру, чем откажусь от поездки. Если все сложится хорошо, первая часть путешествия займет не больше недели. Может быть, мне даже удастся договориться в Мериде с полицией, чтобы оттуда послали людей на розыски, если от меня не будет вестей больше недели. Услышав эти слова, господин Помра рассмеялся.

— Дорогой мой, — сказал он, — вы просто не в своем уме, если думаете, что полиция сунется в Кинтана-Роо. Знаете, сколько у них было хлопот с этим немецким археологом! Если вы им сообщите о своих намерениях, вас просто посадят под замок и никуда не пустят.

На следующий день я слег от сильнейшего расстройства желудка, так что у меня оказалось достаточно времени для мрачных мыслей и переживаний. Но как только кончались сильные приступы боли, я тут же склонялся над картой побережья. Белое пятно Кинтана-Роо с его длинной прямой береговой линией выглядело еще заманчивее, чем прежде. В двух местах в берег глубоко вдавались заливы — Байя-дель-Асенсьон и Байя-дель-Эспириту-Санто. Как таинственно звучат эти названия! Неужели я упущу такой счастливый случай, выпавший на мою долю? Мне только что исполнился двадцать один год, и это было мое первое приключение. Я решил продолжать все один.

Больше всего меня пугала малярия, потом ядовитые змеи, пауки и скорпионы. Я знал, что они пробираются даже на суда. Еще я опасался дождливого сезона, а он был почти на носу. При словах «дождливый сезон» мне всегда представляются муссоны, ливни, раскисшие дороги, оползни и опустошительные наводнения, о которых я читал в книгах.

Почувствовав себя немного лучше, я сейчас же пошел к Агиляру и опять заговорил о пистолете. Но когда он снова оказался у меня в руках, я вдруг подумал, что ни разу в жизни не стрелял из пистолета. А что, если я промахнусь, целясь в противника? В конце концов я решил, что пистолет мне не нужен, и не купил его, отчасти из вздорного геройства, отчасти из простой экономии.

Я постарался запастись целой горой таблеток аралена против малярии и всякими другими лекарствами, набив ими довольно объемистую аптечку бойскаута. Но потом оказалось, что для экспедиции этого было совсем недостаточно. Я взял с собой пузырьки с йодом, бинты, аспирин и пилюли от той болезни, какую только что перенес, — неизбежного и самого распространенного тропического заболевания. Чтобы застраховать себя от амеб, обычной напасти всех грязных колодцев, я прихватил маленькие таблетки, содержащие хлор. Все эти медикаменты внесли в мою душу успокоение. Нерешенной теперь оставалась только одна проблема — ядовитые змеи. Я говорил об этом с одним врачом и со всеми людьми, кого здесь знал. Как выяснилось, сыворотка против змеиного яда существует, но применение ее требует очень большой осторожности. Для разных ядов нужна разная вакцина в зависимости от того, на что яд действует — на кровь или на органы пищеварения. Чтобы достаточно застраховать себя от любого случайного укуса, нужно изучить все виды змей и свойства их яда. К тому же

надо знать, какая именно змея вас укусила, и уметь делать подкожные и внутривенные инъекции. У меня таких знаний не было, и приобретать их я не собирался. Я принадлежу к той породе людей, которые скорее умрут, чем обратятся к врачу или сделают укол. Во всяком случае тащить с собой весь комплект противозмеиных средств я не мог и предпочел более «магические» средства. Одно из них мне рекомендовал сеньор Альберто Рус. Позднее я узнал, что этим противоядием пользуются по всему Юкатану. Состав назывался антивиперин и был налит в небольшую темную бутылочку с восковой пробкой.

Я прочел инструкцию к нему и должен сказать, что это было прелюбопытное сочинение, написанное бледно-синими чернилами на четырех страницах. Первая страница напоминала некролог, внизу ее была сноска — жертву вежливо просили заполнить бланк: где и когда был укушен; какая змея укусила; когда принят антивиперин; дата смерти, если случай смертельный. Последний пункт, конечно, заполнялся кем-то другим, после смерти пострадавшего. Лекарство это нужно пить сразу же после укуса и прикладывать к ранке. Последний параграф инструкции гласил; «По желанию антивиперин можно принимать перед едой как аперитив».

Гамак, противомоскитная сетка, антивиперин, аптечка вместе с фотоаппаратом, объективами, двадцатью рулонами разной пленки и парой сандалий были аккуратно уложены в большой мешок из хенекена. Кроме того, я брал с собой небольшую голубую сумку для бритвенного прибора и туалетных принадлежностей.

Все уже было готово, и я решил последние несколько дней посвятить местным достопримечательностям — прекрасным древним развалинам Ушмаль и Сайиль — и одновременно

познакомиться с историей Юкатана. Затем я собирался поехать в Чичен-Ицу, знаменитый город со священным колодцем, откуда извлекли массу удивительных драгоценностей. Город Чичен-Ица лежал на пути к Пуэрто-Хуаресу и был моей последней остановкой перед окончательным отъездом.

Древний город Ушмаль расположен в пятидесяти милях от Мерида по дороге к Кампече. К моему удивлению, постройки города оказались совершенно иной архитектуры, чем в Паленке, словно он принадлежал к иной цивилизации. Город был построен после 900 года, и его относят к Новому периоду, потому что такой стиль процветал уже после того, как был покинут Паленке. Однако, оставляя в стороне исторические факты, могу сказать, что Ушмаль — самое прекрасное архитектурное творение Америки доколумбовых времен. Постройки Ушмаля отмечены подлинным художественным вкусом, что ставит их в один ряд с самыми знаменитыми сооружениями мира. Версаль, средневековые соборы, гробницы Великих Моголов в Индии и сам Парфенон... По красоте и величию архитектура Ушмаля мало им уступает или даже не уступает совсем. Особого внимания заслуживает Дворец Правителя — здание длиной в триста двадцать футов, возведенное на двух прямоугольных платформах, поставленных друг на друга. Нижняя платформа площадью в пять акров имеет высоту пятьдесят футов, над ней на тридцать футов поднимается платформа меньших размеров. Грандиозность этих ступеней, совершенство линий главного здания, украшенного резным каменным фризом из геометрических фигур, производят неотразимое впечатление. Дворцу почти не уступает по красоте четырехугольник из ряда зданий с великолепным мощеным двориком в середине. Он известен как Четырехугольник женского монастыря,

несмотря на фаллические украшения на фасаде одного из внутренних дворцов.

Ушмаль с его постройками из золотистых камней, очень точно пригнанных друг к другу, с его изяществом пропорций и простотой линий производит впечатление самого прекрасного города доколумбовых времен. Удивительно, что мы так мало знаем о древних майя, а ведь в эпоху испанского завоевания Ушмаль и другие города были еще населены [\[12\]](#).

После того как я увидел Ушмаль, я стал смотреть на всех индейцев с неизменным восхищением, пытаюсь отыскать в их лицах следы былого величия. Хотя индейцы, как я вскоре убедился в Кинтана-Роо, совсем не помнят своего прошлого, они все же сохранили немало тонких особенностей, которые за две тысячи лет своего существования высокоразвитая цивилизация сумела запечатлеть в их мозгу и поведении.

В древнем городе раскопки пока производились лишь в немногих храмах. Я стоял на вершине крутой стопятидесятифутовой Пирамиды Карлика и смотрел вокруг. Отсюда, насколько хватает глаз, были видны многочисленные груды камней, полускрытые джунглями. Это были остатки сотен других построек города, все еще ждущих раскопок.

Неподалеку от Ушмаля расположены города Кабах и Сайиль. В Сайиле есть большой дворец высотой с трехэтажное здание, с огромными колоннами у входа, придающими ему вид греческой или скорее критской постройки.

Разнообразие стилей и техники, известных майя, просто поразительно. В своих сооружениях они соединяли такие разные элементы, как колонны, пилоны, пилястры, арки в форме замочной скважины и, конечно, свои традиционные ступенчатые арки и своды. Такое разнообразие, такая фантазия в архитектуре,

керамике и резьбе представляют одно из чудес древней цивилизации майя. Интересно, владеют ли современные майя этой тайной многообразия?

Из Ушмаля в Мериду я возвращался бесконечными полями, где ряд за рядом тянулись бледно-зеленые кусты сизаля с узкими острыми листьями, устремленными в небо.

Все поселки на моем пути носили названия старых поместий или же имена святых, покровителей местных церквей. Как и все бывшие испанские колонии, Юкатан пережил времена жестоких гонений, совершаемых во имя господ бога. Религиозный фанатизм испанцев был главной причиной почти полного уничтожения традиций древних майя. Испанцы повсюду истребляли языческую культуру майя, уничтожали постройки, рукописи, искореняли даже устные предания. Но и в те времена, когда испанцы так рьяно насаждали свою культуру и религию среди индейцев, некоторые более образованные священнослужители, например Диего де Ланда^[13], старались описать культуру, которую разрушали их соотечественники. Со времен Конкисты и до наших дней книга Диего де Ланды «Сообщение о делах в Юкатане» была основным письменным источником сведений о доколумбовом Юкатане. Испанцы уничтожили множество произведений, написанных майя, но все же три из них уцелели до нашего времени. Это «Дрезденская рукопись», найденная в Дрездене, «Трокортесиано», обнаруженный в Испании, и «Парижская рукопись», или «Рукопись Переса», которую нашли в Париже. Все три рукописи (или кодекса) представляют собой астрологические таблицы и предназначены для гадания. Хотя они и не расшифрованы полностью, все же их иллюстрации и даты дают нам некоторые ценные сведения.

По какой-то случайности эти рукописи сохранились и были потом обнаружены в Европе, а вот устные предания майя погибли все безвозвратно. Культура майя привлекла к себе внимание мира лишь сравнительно недавно. В особенности большой интерес к майя вызвали книги Прескотта и труды Джона Ллойда Стефенса вместе с рисунками Фредерика Казервуда.

От доктора Альберто Руса и Карлоса Пельисера я знал, что культура майя постепенно занимает заслуженное ею место среди древних цивилизаций, которыми занимается археология. Накануне отъезда я, конечно, совсем не думал, что моя совершенно случайная экспедиция вдруг поможет разрешить некоторые загадки древней империи майя.

И вот наступил день отъезда. Я написал письмо родителям и пошел прощаться с доктором в его контору неподалеку от собора. Доктор Рус напомнил мне, что побережье, вдоль которого я собирался плыть, никогда по-настоящему не исследовалось, и просил меня быть повнимательнее, чтобы не пропустить каких-нибудь древних развалин. Он дал мне карту, где были отмечены почти все места тех немногих археологических раскопок, которые проводились на побережье. Когда я уже уходил, он окликнул меня и мягко сказал:

— Будьте осторожнее. Не забывайте, что это очень опасное побережье.

Я и сам это слишком хорошо знал.

От доктора Руса я направился к господину Помра, чтобы сказать ему о своем отъезде. Господин Помра просил меня определить самый крайний срок прибытия в Белиз и обещал организовать поиски, если что-нибудь случится. Я ответил в шутливом тоне, хотя и слегка упавшим голосом, что, если от меня не будет вестей три недели, значит, что-нибудь случилось. А потом уверенно добавил:

— Я буду в Белизе через неделю.

На этом мы расстались.

Взвалив на себя тяжелый хенекеновый мешок и голубую сумку, я пробирался по улицам Мерида к автобусной станции. Отсюда я должен был доехать на автобусе до Чичен-Ицы, а затем дальше — к Пуэрто-Хуаресу на побережье.

И вот я в пути.

3. Иш Чель, богиня любви

Автобус — довольно жалкое средство передвижения для того, кто отправляется в экспедицию. Должен признаться, я чувствовал себя немножко глупо, когда покупал билет. Волоча за собой мешок, я пробивался к своему месту сквозь толпу индейских женщин, одетых в уипили, и благодарил бога, что наметил в Чичен-Ице остановку на ночь, разбивая таким образом на две части путь в двести миль.

Особенное, прерывистое звучание низких голосов майя, гордые лица индейских женщин, пронзительный взгляд мужчин и красивые глаза детей заставили меня забыть о чувстве неловкости при отъезде. Что ожидает меня впереди? Этого я не знал. За три месяца подготовки к экспедиции мне не удалось собрать почти никаких конкретных сведений о побережье. Сумею ли я найти где-нибудь судно? У меня было лишь несколько названий, нацарапанных на клочке бумаги, карта и упорное стремление двигаться на юг. Я смотрел на свои вещи, сложенные на полке у меня над головой, и думал, что ножи, которые я взял с собой, мне ни к чему. В тот момент я просто не представлял, какой драгоценностью окажутся они для меня впоследствии.

Автобус наконец выехал за черту города, и передо мной в последний раз промелькнула калеча. Каменные дома остались позади, вместо них появились индейские хижины и поля хенекена. Потом их сменил лес, негустой, иссушенный зноем, но все же таинственный. Как только дорога слегка поднималась вверх, перед нами открывалась бесконечная плоская равнина. Впереди на многие мили тянулись сухие юкатанские леса с оранжевыми пятнами цветущих деревьев и мелькающими кое-где желтыми цветками ванили.

Индейцы выходили на каждой остановке — босоногие женщины с поклажей на голове и босоногие мужчины с ружьями за плечами. Они быстро исчезали в зарослях, уходя по тропинкам, как по туннелям, к своим далеким хижинам, крытым пальмовыми листьями.

Ограды вокруг хенекеновых полей и домишек в деревнях были сложены из округлых, ничем не скрепленных камней. Сквозь эти малонадежные стены пробивается солнечный свет. Ограды всюду побелены, что придает юкатанским деревням и пригородам еще более опрятный вид. После Центральной Мексики чистота городов и деревень Юкатана меня особенно поразила. Я слышал, а потом убедился и сам, что майя — один из чистоплотнейших народов на земле. Действительно, их женщины, какое бы они ни занимали социальное положение и какую бы грязную работу ни выполняли, всегда одеты в безукоризненно чистый уипиль, потому что переодеваются по два или по три раза в день. Когда видишь, что одежду меняют даже самые бедные женщины, начинаешь по-настоящему понимать, насколько же чистоплотны майя. Без сомнения эту черту они унаследовали от своих высокоцивилизованных далеких предков. Это еще одно интересное подтверждение этнографического правила, что народ, который одевается в белое, всегда

чистоплотен, тогда как народ, предпочитающий темную одежду, чистоплотностью обычно не отличается.

К Чичен-Ице вела совершенно прямая дорога, проложенная совсем недавно. Раньше здесь были только пешеходные тропинки, так как майя до сих пор пренебрегают колесным транспортом. За исключением колясок Мерида, вы тут никогда не увидите лошади с повозкой, хотя лошадей и мулов в этом районе немало.

По колкому известняку Юкатана трудно ходить босиком, поэтому древние майя устраивали особые пешеходные дороги, несколько возвышавшиеся над землей. Многие из них сохранились до сих пор. Такая дорога соединяет, например, Ушмаль и Кабах. Говорят, что остатки сак-бе (дорог майя) можно отыскать в лесных зарослях по всему Юкатану.

В Чичен-Ицу автобус пришел в пять часов дня. Около развалин я увидел роскошный отель «Майя-Ленд», который великолепно обслуживал тысячи туристов, ежегодно приезжавших в знаменитый город. Благодаря доктору Альберто Русу я мог остановиться в Кампаменто, это было более подходящее место для моего гамака. Однако сначала я все же отправился в отель, чтобы в последний раз пообедать в нормальной обстановке.

Весь вечер я бродил вокруг гигантских развалин. Чичен-Ица — самый крупный город древних майя на Юкатане, он занимает несколько тысяч акров. Город начал строиться около небольшого сенота, откуда воду можно было доставать без особого труда, Но потом переместился на запад, к огромному круглому сеноту с водой на глубине шестьдесят пять футов. Отвесные стенки сенота производили очень внушительное впечатление. Это был знаменитый жертвенный колодец. Майя, боявшиеся засухи, в засушливое время оказывали особые почести Чакам — богам дождя, обитавшим, как думали жители Чичен-Ицы, на дне этого

колодца. Верховные жрецы приносили здесь человеческие жертвы. По свидетельству первых испанских завоевателей, они красили тело жертвы в голубой цвет, увешивали ее драгоценными украшениями из золота и нефрита, торжественно вели к священному колодцу и на рассвете сбрасывали в воду. Чаще всего это были девушки. Если же в жертву приносили молодых мужчин, то, прежде чем бросить их в сенот, им вырезали сердце особым ритуальным ножом из кремня. Заглянув в темные глубины священного колодца, я невольно вздрогнул от ужаса.

Диего де Ланда, знавший об этих жертвоприношениях, писал: «Если на Юкатане есть золото, то его надо искать в священном колодце Чичен-Ицы». Как ни странно, жаждавшие золота испанцы не обратили внимания на эти слова. И только через три столетия, в 1907 году, американец Эдвард Томпсон решил обследовать священный колодец с помощью драги — дело по тем временам совсем нелегкое. Настоящих дорог к развалинам тогда не было, доставлять громоздкое оборудование оказалось очень сложно. Однако все усилия Томпсона были с лихвой вознаграждены. Вместе с костями мужчин и женщин он достал из колодца множество ценных предметов, украшавших некогда жертвы Чаков.

Все эти вещи, вытащенные со дна колодца, известны теперь как сокровища Чичен-Ицы. Там оказалось немало круглых пластинок (нагрудных украшений) из чеканного золота, иногда размером с блюдце, тысячи фигурных подвесок из нефрита и жертвенный кремневый нож с золотой рукояткой. Кроме того, из колодца извлекли целые груды бус, керамических черепков и куски копала — благовония, без которого не обходилась ни одна церемония майя. После Томпсона почему-то никто больше не пробовал исследовать колодец. Однако всего лишь через год

после моей экспедиции его проверили еще раз и вытащили со дна новые сокровища^[14].

К ночи я вернулся в Кампаменто и при свете мерцающей свечи стал возиться с гамаком под оглушительный вопль тысяч лягушек внутри и вокруг дома. Забравшись в гамак, я уже не смел шевельнуться. Ночь была для меня нелегкой. Из гамака я, правда, не вывалился, но и уснуть не мог. Все долгие ночные часы я лежал без сна под тонкой противомоскитной сеткой и тихонько покачивался в гамаке. Мысли мои перенеслись к далеким временам древних майя, когда вот такое же кваканье лягушек нарушало тишину ночи, сменившей длинный знойный день кровавых жертв у священного колодца. Потом я вспомнил молодого немца, убитого вблизи сенота, и даже привскочил в гамаке, представив вдруг, что уже завтра я буду в Кинтана-Роо и, может быть, тоже во власти безжалостного проводника.

За час до рассвета я вылез из гамака, думая о нем в ту минуту не очень лестно, вышел на улицу и забрался на вершину самой высокой пирамиды Кукулькан. Отсюда можно было увидеть первые лучи восходящего солнца, осветившего верхушки деревьев в бесконечном лесном океане. Я знал, что на востоке расстилаются джунгли Кинтана-Роо и лежит тот неизвестный берег, который мне предстояло вскоре увидеть. Внизу, у основания пирамиды, находился Храм Воинов, к югу от него — необычная для архитектуры майя круглая башня обсерватории, а кругом над деревьями возвышались огромные постройки Чичен-Ицы. Майялуум, земля майя, лежала у моих ног, и я представил, как в эти храмы входят индейцы майя, разговаривая на своем странном языке, а себя самого я вообразил верховным жрецом.

Солнце медленно вышло из-за горизонта, и вдруг верховный жрец опрометью сбегал по крутым каменным ступеням пирамиды — в эту минуту хлынул

сильный тропический ливень, который земля впитывала с явным наслаждением. Я стоял и слушал, как барабанит дождь по железной крыше Кампаменто. Мне было грустно. Казалось, что этот дождь послан как проклятие ужасных Чаков, живущих на дне колодца.

Будь я образованным майя, мне бы не пришли на ум такие мысли, потому что дождь, начавшийся на другой день после моего приезда в Чичен-Ицу, вполне согласовался с календарем майя. Не старым календарем, а современным, где применялись методы предсказания погоды древних майя. Календарь печатался в замечательном ежегоднике Юкатана «Альманах эспиносо»^[15].

Я помчался к домику сторожа, чтобы посоветоваться о погоде, но не успел раскрыть рта, как его жена с восторгом воскликнула:

— «Эспиносо» опять не ошибся!

Проклятый «Эспиносо», ведь у меня даже не было с собой плаща! Я вышел и сквозь струи дождя в последний раз оглядел развалины, в особенности высокую пирамиду, удивительным образом построенную поверх другой пирамиды. Внутри у нее есть тайный ход, ведущий в маленькую комнату. Там возвышается трон с изображением красного пятнистого ягуара.

Вскоре подошел автобус, и я уехал в Вальядолид, где рассчитывал приобрести какую-нибудь обувь.

Как только автобус остановился на площади Вальядолида, ко мне с хохотом и криками подбежала целая орава мальчишек, а потом к ним присоединились и взрослые мужчины. Очевидно, причиной такого шумного веселья была моя борода. И в самом деле, короткая щетина, отросшая на моей физиономии за несколько дней, придавала мне довольно смешной и нелепый вид. Однако меня вовсе не радовало все это

оживление. Наоборот, я был напуган и опасался, как бы у меня не стащили вещи. Бегая по городу в поисках обуви, я таскал за собой весь свой багаж. Но, как я уже говорил, ноги мои, вполне нормального для европейца размера, для майя были просто чудовищными, и вскоре не только моя борода, но и мои злосчастные конечности стали объектом всеобщих насмешек.

Смех этот просто вымел меня из Вальядолида. По крайней мере мне так казалось, и потом я еще очень долго вспоминал об этом случае с неприятным чувством.

К Пуэрто-Хуаресу вела довольно узкая грунтовая дорога. С каждой остановкой пассажиров в автобусе оставалось все меньше, джунгли становились все выше, а селения попадались реже и реже. Это были уже маленькие деревушки без церквей, всего лишь горстка убогих, обветшалых хижин майя на расчищенных у дороги полянках, наполовину вновь отвоеванных джунглями. Здесь мне впервые пришлось узнать, что солнце может так же угнетать человека, как и дождь. Это был настоящий тропический лес, мокрый от утреннего ливня и прогретый полуденным солнцем. Даже под деревьями нельзя было найти прохлады, а все вокруг казалось сплошной гниющей массой листвы, пальм и лиан.

Теперь в автобусе мы оставались только вдвоем с шофером и целый час катили без остановок. Дорога бесконечной лентой тянулась между двумя стенами густой зелени.

Внезапно этот узкий коридор оборвался, и автобус выехал на большой расчищенный участок, застроенный бараками. Над их железными крышами поднимались стены огромного унылого склада. Эти безобразные постройки, появившиеся так неожиданно, производили гнетущее впечатление.

— Леона-Викарьо, — сказал шофер, будто догадываясь о моих чувствах.

Когда он остановил автобус, к нам подошли три человека, похожие на бандитов. Поляну пересекала ржавая узкоколейка, и повсюду валялись перевернутые вагонетки.

Леона-Викарьо, расположенная на границе штата Юкатан и Федеральной территории и называвшаяся прежде Трес-Мариас, была самым крупным поселением чиклеро. Однако за последние годы она потеряла свое бывшее значение. Сейчас в поселке никого не было, кроме нескольких сторожей-мексиканцев, так как в апреле сбор чикле еще не начинался.

Тогда я не знал, что этот безлюдный поселок славился во всей Мексике как место, самых страшных убийств, драк и других жутких преступлений. Сюда со всех сторон раз в неделю стекались тысячи чиклеро с хорошей выручкой после продажи чикле. Ром лился рекой, а чиклеро предавались своему излюбленному развлечению — резали друг друга мачете. В Леона-Викарьо устраивались даже балы, привлекавшие со всей Мексики проституток, всегда готовых избавить этих парней от их большого заработка. Мужчины и во время танцев не расставались со своими пистолетами, ружьями и мачете. Позднее, когда мне пришлось столкнуться с чиклеро, я узнал много страшных подробностей о Леона-Викарьо, где убийства были такой же насущной потребностью, как вода и воздух.

Узкоколейка была проложена прямо через густые джунгли и доходила до местечка Пуэрто-Морелос на побережье Кинтана-Роо, в восьмидесяти милях к северу от Тулума. Вагонетки на узкоколейке тянули мулы. Сейчас дорога бездействовала и успела уже сильно зарости. Перед началом сезона ее расчищают. Добраться по узкоколейке от Леона-Викарьо до побережья можно за полтора дня. Совсем недавно,

всего за год до моей экспедиции, эта дорога была единственной на побережье.

Когда наш автобус снова катил по пустынной дороге через джунгли, в нескольких милях от Леона-Викарьо я увидел маленький щиток со знаком и понял, что мы уже на территории Кинтана-Роо. С этой минуты я вступал на «ничейную землю» — один из самых пустынных районов Североамериканского континента. Вдоль его берегов я собирался проплыть три сотни миль.

Полтора часа трясся автобус по дороге, подсакивая на выбоинах и поднимая облака пыли. На дорожных картах Мексики последних десяти лет эта дорога к Пуэрто-Хуаресу была обозначена четкой линией, а на многих картах можно было к тому же увидеть пунктирную линию знаменитой паромной переправы Мексика — Куба. Десять лет назад, когда печатались карты, ни Пуэрто-Хуареса, ни дороги от Мериды до побережья еще не было. Что же касается парома, то дальше политических деклараций дело так и не пошло. В Мексике это случается нередко. О Кинтана-Роо, например, больше пятидесяти лет говорили как о крае, который преобразится в самом ближайшем будущем. На неведомое Эльдorado возлагал большие надежды каждый политический деятель Мексики. Эта «новая земля» должна была дать новые богатства. И однако, вопреки картам и речам, сулившим большие перемены в экономике Мексики, которые наступят благодаря нефти, древесине и золоту далекого Кинтана-Роо, эта территория так и осталась нетронутой, а фиктивные порты на политических картах были по-прежнему лишь черными точками на бумаге. Среди этих воображаемых городов, которые помогли бы освоить богатства дикого, безлюдного Кинтана-Роо, значились Пуэрто-Мадеро, Сасараль и многие другие, включая и Пуэрто-Хуарес. Первые попытки что-нибудь предпринять в этом районе окончились неудачей из-за упорного сопротивления

«мятежных индейцев». Провалились и более поздние попытки, потому что правители Кинтана-Роо (назначенные президентом, а не выбранные народом) часто оказывались жадными сатрапами, стремившимися любыми средствами нажиться на этой области.

На самом юго-западе, у залива, глубоко вдающегося в сушу, среди болот расположен Четумаль, столица Кинтана-Роо. Добраться до нее можно только морем или по воздуху. Город слишком оторван от остальной территории, чтобы играть хоть мало-мальски важную роль. Но все же кое-какое экономическое значение он имеет, так как расположен у границы с Британским Гондурасом и ведет с этой английской колонией торговлю лесом. Четумаль с его трехтысячным населением отделен от фиктивного Пуэрто-Хуареса да и вообще от любого пункта двумя или тремя сотнями миль джунглей, где по существу нет ни одной дороги. На всей территории Кинтана-Роо населенные районы встречаются лишь в нескольких местах: вокруг залива Четумаль и на островах Косумель и Исла-Мухерес, расположенных к северу от побережья. Исла-Мухерес лежит как раз напротив Пуэрто-Хуареса.

Автобус неожиданно остановился, сквозь ветровое стекло я, к своему удивлению, увидел море, лениво набегавшее на желтый песчаный берег. Такой яркой морской синевы мне еще никогда не доводилось видеть.

Я вышел из автобуса и сразу же обратил внимание, как нелепо выглядит здесь эта машина, стоящая у самого берега, куда вплотную подступали высокие джунгли. С названием «Пуэрто-Хуарес» у меня было связано представление хотя бы о небольшом поселке, но здесь, на пустынном берегу, я увидел всего лишь две маленькие индейские хижины с запертыми дверями. Видимо, в хижинах никто не жил. И только шаткая

дощатая пристань, выступающая в море на десять футов, свидетельствовала, что это все же порт.

Я стоял на земле Кинтана-Роо. Отсюда должно было начаться мое морское путешествие к Дарьенскому побережью.

— Подождешь тут немного, — сказал шофер. — С Исла-Мухереса обязательно придет какое-нибудь судно.

Он показал на горизонт, где я с трудом разглядел небольшую темную полосу. Видимо, это и был Исла-Мухерес. Шофер взобрался на крышу автобуса и сбросил оттуда на песок дюжину темных мешков с картошкой. Потом, отряхнув руки, он подошел ко мне, дружески попрощался, объяснил, что ему нужно засветло попасть в Вальядолид, вскочил в автобус и, вздымая облака пыли, умчался прочь.

Я стоял один в окружении мешков на пустынном берегу и чувствовал себя довольно глупо. Если б я увидел такой берег и такое море в нормальной обстановке, мне бы, конечно, захотелось искупаться. Но сейчас такого желания не было. Я присел на мешок и стал ждать. У меня были с собой апельсины, так что я не боялся умереть с голоду, а слова шофера не вызывали никаких сомнений.

Вскоре я действительно увидел на море маленькую белую точку. К берегу приближалась лодка. Это оказался небольшой моторный парусник со странным высоким полуютом, нависающим над водой, как у галеона. На его мачте, покрашенной желтой краской, болтался, грязный парус, на носу стоял рыжеволосый человек в закатанных до колен штанах. Рыжие волосы в Мексике — такая же редкость, как в Нью-Йорке зеленые, поэтому меня поразило это обветренное лицо в обрамлении огненных кудрей. Когда судно пришвартовалось у пристани, я направился к нему, стараясь не путаться под ногами у людей, начавших грузить мешки с берега. Никто не обращал на меня ни

малейшего внимания. Я спросил капитана. Какой-то пожилой мужчина с большим животом высунул из кубрика голову и произнес по-испански:

— Вам куда ехать?

— К Косумелю.

Вскоре я уже был на борту. Слегка покачиваясь на волнах, судно отчалило от пристани. Так началось мое первое морское путешествие — от Пуэрто-Хуареса к острову Исла-Мухерес. По словам капитана, там я определенно смогу найти какое-нибудь суденышко, чтобы добраться до Косумеля.

Когда мы проходили мимо песчаных отмелей близ Исла-Мухереса, море показалось мне еще более синим. «Самая синяя вода в мире», — подумал я и, как оказалось, был недалек от истины. Ни в Карибском, ни в Средиземном море нет такой прозрачной и синей воды, как вдоль Юкатанского побережья, где проходят мощные морские течения, которые, минуя Исла-Мухерес, вливаются в Мексиканский залив. Всего через год после моей поездки у Косумеля проводились исследования и было установлено, что вода в этом районе самая прозрачная в мире. Дно там можно увидеть даже на глубине ста футов.

Через два часа мы подошли к «Острову Женщин». Это довольно узкая полоска суши длиной в три мили, ширина ее местами не превышает пятисот ярдов. Кроме кокосовых пальм, на этом песчаном острове нет больше почти никакой растительности.

Островом женщин он был назван потому, что здесь во времена Конкисты в одном из храмов майя испанцы нашли эротические статуи женщин. Статуи и до сих пор стоят на северной оконечности острова.

Когда-то Исла-Мухерес был пристанищем пиратов, поэтому его население, как я увидел, все еще сохраняет физические признаки представителей всех рас, когда-либо бороздивших эти синие воды. Всего на острове

живет около пятисот человек. Пропитание себе они по-прежнему зарабатывают контрабандой и рыболовством в прибрежных водах.

Контрабандные товары привозят к тайным причалам на побережье Кинтана-Роо, откуда их доставляют во внутренние районы по глухим лесным тропам. Сейчас заниматься здесь контрабандой стало гораздо легче, потому что Исла-Мухерес, Косумель и все побережье Кинтана-Роо объявлены беспошлинной зоной. Мексиканское правительство вынуждено было пойти на это, ведь нельзя же патрулировать все пустынное побережье и острова, где нет ни одного полицейского участка. Но все же торговля контрабандными товарами приходит в упадок. «Контрабандой теперь не проживешь», — с грустью сказал мне один из жителей острова. Лишь иногда небольшие суденышки забрасывают на острова из Британского Гондураса виски и духи.

В прежние времена, когда Исла-Мухерес и Косумель были пиратскими островами, пираты устраивали там засады, поджидая испанские галеоны с перуанским золотом, которые проплывали мимо побережья и через Юкатанский пролив, направляясь из Панамы на Кубу и в Испанию.

На Исла-Мухересе я узнал, что там ожидается судно «Мария Фиделия», которое должно вернуться из Прогресо (порт к северу от Мерида), куда оно доставляло груз копры. После остановки на Исла-Мухересе «Мария Фиделия» пойдет к Косумелю. Однако на острове не существовало ни телеграфа, ни телефона, поэтому все слухи были довольно неопределенны, я им не очень-то доверял, хотя и обрадовался хорошему известию.

Оставив свои вещи в одном доме, хозяйка которого показалась мне вполне порядочной женщиной, я отправился осматривать остров. Это не отняло у меня

много времени, поскольку остров был совсем небольшой. Он показался мне в точности таким, какими я представлял себе острова Тихого океана. Этот маленький песчаный островок посреди лазурного моря был просто длинной отмелью, поднимавшейся над водой всего лишь футов на десять. Только в двух местах, где на поверхность выходили твердые породы, высота его была немного побольше.

Весь остров сплошь был покрыт кокосовыми пальмами. Высоко в небе раскачивались на ветру веера их огромных листьев, на толстых стволах висели гигантские гроздья зеленых, еще незрелых орехов, каждую минуту грозивших свалиться вам на голову. Как хорошо, что Ньютон жил в стране яблонь, а не кокосовых пальм! Ведь здесь его озарение могло бы кончиться трагически. Все вокруг было усеяно шелухой кокосовых орехов и сломленными побуревшими листьями пальм. Дома тут строились из жердей, забитых прямо в песок, — типичные постройки майя. На этом песчаном островке почти не было почвы и, кроме кокосовых пальм да еще кое-каких кактусов, ничего не росло.

Когда я вернулся в поселок, мне сказали, что «Мария Фиделия» уже прибыла и стоит у пристани. Это было добрым началом. Я тут же стал разыскивать капитана, чтобы узнать, скоро ли он отправится на Косумель.

«Мария Фиделия», шхуна сорока пяти футов от носа до кормы, курсировала между Юкатаном, Исла-Мухересом и Косумелем, изредка заходя в Четумаль. Ее капитан, тучный, с лоснящимися волосами человек, которого все звали турком, был араб из Ливана. Он приветливо посмотрел на меня и сказал, что проезд до Косумеля будет стоить двадцать песо, если я согласен спать на палубе (трюм был уже переполнен). На Косумель шхуна уйдет сегодня же ночью. Плавание

продлится двенадцать или пятнадцать часов, в зависимости от погоды. Если мне захочется спать до отправления, я могу принести свои вещи и устраиваться на палубе.

Быстро спустилась ночь. Откуда-то из темноты доносились звуки радиолы. Я повесил свой гамак между мачтами шхуны, и для меня наступил наконец долгожданный отдых. Теперь я оказался в новом мире, далеком от джунглей, в мире покоя, где мерно плещется вода и тихо покачивается шхуна. Как я был далек в ту ночь от цивилизации на этом маленьком и таком уединенном островке.

Из задумчивости меня вывели звуки гитары. Матросы пели ранчero. Это была первая из тех особенных мексиканских песен, какие мне тут довелось услышать, простых песен о любви и труде, всегда с очень грустным напевом. Мексика вообще страна грусти, а Юкатан можно назвать землей грусти о прошлом — о прошлом испанцев и о прошлом древних майя.

Я проснулся в полночь, кругом было темно. Луну закрывали быстро бегущие по небу облака. Дул сильный ветер. Видимо, он был очень кстати, и шхуна готовилась к отплытию. Повсюду суетились матросы, закрепляли разные снасти, ставили паруса, убирали кранцы.

Нет ничего таинственнее ночного отплытия. Шхуна бесшумно отчалила от скрипучей деревянной пристани и вышла из-под защиты острова в открытое море. Пассатный ветер тут же наполнил паруса, началась сильная качка. Мотор застучал сильнее. Рулевой взял нужный курс, и шхуна понеслась навстречу яростным волнам, уходя все дальше и дальше в ночь.

Временами на судно обрушивалась особенно большая волна. Ее брызги захлестывали какую-нибудь из двух свиней, находившихся среди прочего груза на палубе. На минуту поднимался визг, потом все стихало.

Изредка вспыхивающая в темноте спичка напоминала нам, что у руля есть человек. Кругом на палубе спали свободные от вахты матросы — кто на куске парусины, кто подложив под голову старую шину вместо подушки. На каком-нибудь пиратском судне я, вероятно, увидел бы такие же лица, как у команды «Марии Фиделии» с ее капитаном-ливанцем, бородатым боцманом и двумя помощниками капитана, в чьих жилах текло немало индейской крови.

Начинался рассвет. Первые лучи солнца озарили высокие облака на востоке. Сначала они были золотистыми, потом стали алыми, и наконец все небо расцветилось огненными полосами. В тропиках восходы и закаты всегда поразительны, они намного красочнее, чем в странах умеренного климата.

После восхода солнца капитан сменил курс. Всю ночь мы плыли на юг, а теперь вдруг повернули к побережью. С попутным ветром и включенным двигателем шхуна шла на хорошей скорости, оставляя за кормой пенистый след. Капитан собирался теперь плыть вдоль самого берега в тихой зоне под защитой рифа, идущего параллельно побережью Кинтана-Роо. Напротив Косумеля мы должны были снова повернуть в сторону открытого моря и через узкий пролив подойти к острову.

Впереди наконец показался коралловый риф, о который с шумом разбивались волны. Риф тянулся прямой полосой вдоль берега, примерно на расстоянии мили от него. Капитан пристально вглядывался в этот пенистый барьер, отыскивая в нем невидимый проход. Шхуна медленно приближалась к ревущей воде. Уже можно было разглядеть зубцы рифа. В этой сплошной коралловой стене лишь в нескольких местах существовали узкие проходы. Миновав благополучно риф, мы сразу же оказались в спокойных водах, и шхуна снова взяла курс на юг.

Такой маневр спасал нас от ужасной качки в Юкатанском проливе, известном своими штормами, бушующими здесь всякий раз при сильных пассатных ветрах или норде (северном ветре). Быстрые течения в проливе делают его еще более бурным.

Шесть часов плыли мы вдоль Кинтана-Роо. За это время я мог как следует рассмотреть побережье, о котором так много слышал. Все шло отлично, мои страхи были просто смешны. Теперь путешествие в Белиз представлялось мне всего лишь пикником. Я нисколько не сомневался, что и на Москитовом берегу тоже все будет в порядке.

Побережье Кинтана-Роо, как и остальной Юкатан, было совершенно плоским. Великолепные полумесяцы пляжей сменялись скалами из серовато-белых известняков. Вплотную к песчаным берегам подступали джунгли — высокие саподилы, веерные пальмы, сейбы с их величественными стволами, бальсовые деревья, похожие на финиковые пальмы, и повсюду буйный подлесок., Миля за милей тянулась эта зеленая стена, и только в двух местах берег менял свой облик. На песчаных пляжах появлялись рощи кокосовых пальм, а среди них виднелись маленькие хижины с крышами из пальмовых листьев. Настоящая сказка, греза тропических островов. Это были кокали^[16] — плантации кокосовой пальмы. Их владельцы переселились сюда совсем недавно с острова Косумель. В одном месте мы заметили деревянную пристань, горстку хижин вокруг — нее и небольшой маяк неподалеку. Это оказался Пуэрто-Морелос, где заканчивалась узкоколейка из Леона-Викарьо. До постройки дороги к Пуэрто-Хуаресу он был главным портом всего района.

К югу от Пуэрто-Морелоса берег был совсем пустынный, — только кое-где я заметил небольшие кокали. Бесконечно тянулись таинственные джунгли с

их чиклеро, малярией и, как я воображал, со змеями и ягуарами.

Шхуна неторопливо продвигалась к югу. Вдруг у самого берега я увидел маленький храм древних майя. Он так хорошо сохранился, что я сначала просто не поверил своим глазам. Это прямоугольное сооружение с широким, слегка суженным кверху дверным проемом было возведено на скалистом уступе так близко от моря, что джунгли не могли завладеть им. У меня захватило дух при виде этого храма, стоящего на берегу, как страж, как свидетель давно исчезнувшей цивилизации. Вскоре мы увидели еще более величественные развалины, подымавшиеся над джунглями, — огромную пирамиду с разрушенным храмом на вершине. Зрелище было поразительным. Очевидно, такое же сильное впечатление оно произвело и на испанцев, появившихся у берегов Юкатана почти четыреста пятьдесят лет назад. Наш капитан сказал, что развалины называются Памуль. Для проверки я вынул карту доктора Альберто Руса, нашел там это место и по его положению отыскал первые развалины. Против них стояло название Шкарет. Я не сомневался, что до меня там побывало не больше десятка иностранцев.

Могу себе представить чувства испанцев, когда они в первый раз увидели с моря такие внушительные сооружения. По письменным свидетельствам, первым к побережью Кинтана-Роо подошел Хуан Грихальва с четырьмя кораблями. Это произошло в 1518 году. В те времена города Тулум, Памуль и Шкарет были еще населены. По всей вероятности, в тех местах существовали и другие поселения, о которых мы теперь не знаем. Священник экспедиции Грихальвы писал в своих воспоминаниях: «Мы увидели три больших города, отстоящих друг от друга на две мили. В них было много каменных домов, и один город, вероятно,

Тулум, хотя точно сказать нельзя, показался нам не меньше Севильи. Там поднимались очень высокие башни, а на берегу толпилось множество индейцев, которые размахивали флагами». Все это так напугало испанцев, что они сразу повернули от берега и поплыли в другую сторону, огибая полуостров Юкатан.

Год спустя с Кубы на остров Косумель прибыл Эрнандо Кортес и оттуда направился к югу, следуя вдоль побережья Кинтана-Роо. Огромные каменные города тоже испугали его. Кортес предпочел не сталкиваться с индейцами майя, а обратить свой взор на менее грозную Центральную Мексику. Осторожно обойдя Юкатан, он высадился в том месте, где сейчас расположен Веракрус. Отсюда и началось его легендарное завоевание империи ацтеков. Как видите, побережье Кинтана-Роо всегда вызывало опасение, даже в прошлом.

По иронии судьбы, именно та часть территории древних майя, которую впервые увидели испанцы, оставалась потом целых четыреста пятьдесят лет одной из самых неисследованных областей Северной Америки. Грозный вид побережья Кинтана-Роо защитил его от отрядов Кортеса, а теперь здесь на страже стоят джунгли. Однако главная причина недоступности и малой исследованности Кинтана-Роо заключается не столько в джунглях, сколько в индиос сублевадос — подлинных властелинах этих мест, последних защитниках народа майя. Опасный коралловый риф тоже охраняет побережье от пришельцев.

Грохочущий пенистый барьер был для «Марии Фиделии» не только защитой, но и угрозой. Около одиннадцати часов капитан стал у штурвала и, пристально вглядываясь в рифы, отыскал там узкий проход. Вскоре тихая зона осталась позади. Бешено подсакивая на волнах, шхуна направилась к Косумелю.

Косумель лежит примерно в пятнадцати милях от побережья. В длину он достигает двадцати четырех миль, в ширину — семи. Это самый крупный остров, принадлежащий Мексике. Единственный населенный пункт на Косумеле Сан-Мигель расположен на стороне, обращенной к побережью Кинтана-Роо. В древние времена остров был густо населен, но сейчас там только три тысячи жителей.

Развалины семи храмов древних майя и свидетельства первых испанских конкистадоров говорят о том, что Косумель был священным островом. Там находилось святилище Иш Чель — богини плодородия, материнства и покровительницы искусства плетения корзин.

Майя славились как мореплаватели и торговцы. Когда во время своего третьего плавания Христофор Колумб остановился у острова Гуанаха, близ побережья Гондураса, его встретили индейцы из южной группы майя, подъехавшие на больших долбленых лодках с высоким носом и кормой. В некоторых лодках длиной сорок пять футов помещалось до пятидесяти человек. Именно после этой первой встречи с индейскими лодками майя получили свое современное название. Когда их спросили, откуда они приехали, индейцы ответили: «Майям». Так называлась местность, где они жили. Название было ошибочно распространено на весь народ этой цивилизации.

Еще более удивительная ошибка произошла с названием «Юкатан». Плавая вдоль побережья Кинтана-Роо, Грихальва причалил у мыса Каточе на северо-востоке Юкатанского полуострова, а некоторые из его людей высадились на берег к северо-западу от острова Исла-Мухерес. На их вопрос, кто построил эти здания на берегу, индейцы ответили: «Си у тан», что означало «Мы вас не понимаем». Но испанцы

восприняли это как название народа, а потом «Си у тан» стал «Юкатаном».

На таких же долбленках, какие видел Колумб, индейцы плавали на остров Косумель, к святилищу богини Иш Чель. В основном это были женщины. Они приезжали просить богиню избавить их от бесплодия или же благословить роды, если уже ожидался ребенок.

Несомненно, лодки майя обладали хорошими мореходными качествами, а гребцы их были славными моряками, раз они отваживались проходить через бурный пролив между Косумелем и побережьем. Когда «Мария Фиделия» взлетала на гребень волны, мне удавалось увидеть остров — тонкую серую полосочку на горизонте.

Незадолго до прибытия на остров я пообедал вместе с командой шхуны. Еда готовилась на древесном угле, разложенном внутри жестяной банки на палубе. Это первое знакомство с простой матросской пищей окончилось для меня довольно плачевно, хотя я затрудняюсь сказать, что больше подействовало на мой желудок — еда или морская качка.

В три часа мы подошли к плоским берегам Косумеля. Маленький невзрачный городок Сан-Мигель сильно разочаровал меня. Он представлял собой смесь разнотильных каменных, бетонных и деревянных домишек, разбросанных вдоль берега. Раннеколониальных испанских построек на острове почти не было. Хотя Косумель считается самым первым пунктом в Мексике, где побывал Кортес и где он устроил в 1519 году первую на мексиканской территории мессу, церковь на острове не представляет никакого интереса — безобразное современное сооружение из бетона.

Когда «Мария Фиделия» швартовалась у большой каменной пристани, там уже толпилось много народу. Повсюду у причалов, покачиваясь на голубой

кристально чистой воде, стояли десятки парусных суденышек, гораздо меньших, чем «Фиделия». Для меня это было добрым знаком. Я не сомневался, что смогу устроиться на каком-нибудь из этих парусников и доплыву, может быть, до самого Британского Гондураса.

Большую часть жителей острова составляют индейцы, но внешне они намного отличаются от индейцев внутренних районов Юкатана. Я не видел здесь ни одной женщины в уипиле. Как и на Исла-Мухересе, многие местные жители — потомки пиратов. Теперь большинство из них зарабатывает себе на жизнь рыболовством, а некоторые имеют небольшие плантации кокосовой пальмы или же нанимаются смотреть за плантациями других владельцев как на самом острове, так и на побережье Кинтана-Роо.

Я прибыл на Косумель, не умея еще как следует говорить по-испански, и зачастую меня просто не понимали. попрощавшись с капитаном шхуны, я оставил свои вещи в хибарке сторожа на пристани и отправился в центр поселка — к довольно большой и унылой асфальтированной площади с чахлым кустарником, бюстом какого-то бывшего губернатора Кинтана-Роо и фонарными столбами.

Внешний вид Косумеля и его обитателей произвел на меня в общем удручающее впечатление, однако вскоре я обнаружил на острове и немало привлекательного.

Первое, что мне бросилось в глаза, — это обаяние и вежливость его жителей. Так же как капитан и вся команда «Марии Фиделии», каждый, кого бы я здесь ни встретил, был необыкновенно дружелюбен. Это основная черта косумельцев. На отделенном от остального мира, обласканном солнцем острове за многие столетия выработалось особое качество человеческого характера — то, что я бы назвал

родственным дружелюбием. На Косумеле можно забыть, что вы в Мексике, можно забыть об испанцах и майя, потому что здесь вы находитесь в обособленном мире между небом и морем, рощами кокосовых пальм и монте, как называют в Мексике лес.

В то же время житель Косумеля — человек современный, поскольку, как мореплаватель, он связан с внешним миром, и это придало ему особый лоск, чего нет у юкатанцев. Каждый косумелец непременно где-нибудь побывал и кое-что повидал. Как правило, он хотя бы раз в жизни ездил в Британский Гондурас. Правда, влияние англичан на Косумеле невелико, но тем не менее английские товары, проникающие в магазины Сан-Мигеля, придают жизни на острове некоторую утонченность.

Косумельцы — народ добрый и общительный. Как только я появился на площади, ко мне тут же подошел человек и пригласил выпить с ним стаканчик пепси-колы у стойки маленького деревянного ларька.

Это оказался профессор Перес, добровольный учитель местной школы. Узнав, что я француз, он немедленно принялся выкладывать все сведения, какие у него были в запасе, о моей стране и о ее довольно сложной политике. Протянув мне пепси-колу, он продолжал обращаться ко мне как к представителю французской цивилизации, чтобы под этим предлогом сообщить своим приятелям кое-что о Франции. После довольно общего описания ее как страны, расположенной неподалеку от Англии, со знаменитым генералом по имени де Голль он принялся с большим энтузиазмом объяснять, что, если две параллели секутся прямой линией, внутренние накрест лежащие углы всегда равны. По всей видимости, его аудитория даже понятия не имела о геометрии, однако профессор Перес со своей вдохновенной и оригинальной манерой обучения ухитрился сделать эту тему такой

пленительной, что слушатели глотали каждое его слово, как дети, которым рассказывают волшебную сказку.

Вероятно, это был самый несведущий профессор из всех, кого мне приходилось встречать, но он был, несомненно, блестящим и искусным преподавателем, потому что не только знал, как заинтересовать аудиторию, но и умел самые незначительные факты сделать очень яркими и живыми для людей, среди которых наиболее молодому было не меньше сорока лет.

Перес заявил мне, что Косумель — самый восхитительный остров, а его жители — самые цивилизованные люди на свете. Потом он сообщил своему сыну, примерно моему ровеснику, что я буду у них ночевать. Повернувшись ко мне, Перес очень серьезно произнес слова, которые постоянно произносят многие мексиканцы, но не придают им значения: «Mi casa es su casa» (Мой дом — это ваш дом).

Такое гостеприимство ободрило меня и, воспользовавшись случаем, я спросил профессора Переса, можно ли здесь найти судно и добраться до Белиза.

— А, так вам надо на побережье Кинтана-Роо? Отсюда можно доехать только до развалин Тулума и больше никуда. Побережье очень опасно, там всюду лес. А что, вам не нравится Косумель?

Мне стоило большого труда разъяснить ему, что на побережье Кинтана-Роо и потом в Белиз я собираюсь ехать вовсе не потому, что мне не понравился Косумель. Но профессор Перес, кажется, не хотел этого понять.

— Оставайтесь до утра, — сказал он уверенно, — и завтра вам не захочется отсюда уезжать. Знаете, на острове есть ваш соотечественник, сеньор Чемберлен. Вы можете его повидать. Раньше тут было еще три

француза. Они приехали сюда с Исла-дель-Дьяболо (Чертова острова). Убежали на маленькой лодке и плыли от Ямайки до Косумеля. Все они были хорошие люди. Один, по имени Луи, построил здесь замечательный дом, другой занялся чикле. Теперь все уже уехали.

Я был рад, что три беглых французских каторжника покинули остров. О чем бы я с ними говорил? Что же касается сеньора Чемберлена, то, судя по имени, он наверняка был англичанин.

Выразив сеньору Пересу свою признательность, я, вместе с его сыном отправился к ним домой. Улица, по которой мы шли, вскоре превратилась просто в каменистую, заросшую травой дорогу с домишками по бокам. Мигель Перес остановился перед одним из домов, размотал на двери веревку, и мы вошли в большую грязную комнату без потолка. Над нами была высокая крыша из искусно уложенных листьев веерной пальмы.

Здесь можно было «раскинуть свой гамак». Взяв ржавое ведро, Мигель вышел через заднюю дверь во двор, чтобы набрать в колодце воды для умывания. Немного освежившись, я довольно долго возился с гамаком и противомоскитной сеткой, а потом снова пошел на площадь. Мне хотелось разыскать сеньора Чемберлена.

На мои расспросы, как его можно найти, мне показали небольшой розовый дом на берегу, похожий на ресторан или какой-нибудь бар. Я вошел туда и, к своему удивлению, оказался в шикарном ночном клубе, который мог бы оказать честь любой стране мира.

Пол в нем был выложен красивыми керамическими плитками, на стенах висели цветные репродукции фресок древних майя, найденных в 1946 году в Бонампаке в штате Чьяпас. Это самые лучшие по сохранности фрески среди всей фресковой живописи

мая. На них изображены знатные майя в богатых одеждах и музыканты, играющие на глиняных свирелях или на барабанах, обтянутых ягуаровой шкурой. Мое внимание привлекла более современная музыка, доносившаяся откуда-то со двора, и я вышел на террасу, обращенную в садик из пальм и бананов. Посреди этого патио сидели пятеро музыкантов и самозабвенно играли модный южноамериканский танец на барабанах, тамтамах и гитарах. Я просто не верил своим глазам и на секунду даже усомнился, действительно ли я на Косумеле. Когда я спросил мистера Чемберлена, ко мне подошел джентльмен лет пятидесяти с барабаном в руках.

Сообщив, что он не француз, но свободно говорит по-французски, мистер Чемберлен предложил мне выпить с ним и за бутылкой сухого martini под музыку своих продолжавших играть товарищей рассказал, чем он занимается на Косумеле, и кое-что о доме, где мы находились.

В детстве мистер Чемберлен замечательно играл на скрипке и был настоящим вундеркиндом. Позже он перепробовал всякие профессии, много путешествовал и наконец осел на Косумеле, самом счастливом, по его словам, острове на свете. Из любви к музыке мистер Чемберлен научил здесь кое-кого играть на скрипке и петь, а потом открыл ночной ресторан с единственной целью развлечь своих посетителей. Однако он надеялся, что в недалеком будущем его заведение станет основным пристанищем туристов на острове. Хотя мысль о туристах мне совсем не понравилась, я все же не мог не высказать своего восхищения удивительной атмосферой его клуба.

Целый вечер мы болтали о множестве всяких интересных вещей, но из-за вина, усталости и необычности обстановки все это быстро вылетело у меня из головы. Помню только, что Илия Чемберлен

очень много говорил о художественных ценностях ленинградского Эрмитажа, а я зевал от усталости и удивления.

Этот вечер, проведенный тогда с Чемберленом, запомнился мне надолго, так как в скором времени он стал моим последним воспоминанием о цивилизованном мире. Мартини, выпитый нами в тот вечер, был как бы прощальным тостом перед началом моих приключений. Но это оказались совсем не те приключения, ради которых я сюда приехал.

Спал я в ту ночь очень беспокойно и изодрал всю противомоскитную сетку. А наутро поплелся на площадь, где встретил профессора Переса, по-прежнему объяснявшего своим слушателям, что такое подобные треугольники. Заметив меня, он подтянулся и торжественно произнес:

— Ми амиго, если вы еще не раздумали уезжать, идите к пристани. Какой-нибудь катерок с побережья прихватит вас с собой и, возможно, довезет до развалин Тулума. А там, как знать, может, вы и найдете судно, идущее на юг, хотя я сомневаюсь в этом. Во всяком случае, осмотрев развалины, вы всегда сможете вернуться обратно на Косумель.

Такая неопределенность мне совсем не нравилась, но я все же последовал совету Переса и направился к пристани. Хотя было только около девяти часов утра, жара уже стояла невыносимая. У пристани работали люди. Я спросил у какого-то рыбака, ходят ли отсюда на юг суда и можно ли добраться морем до Белиза.

— Едва ли. Тут только и есть одна «Фиделия», что вчера пришла на остров. До Белиза она ходит всего раз или два раза в год. Раньше здесь был еще «Клаудио Канто», но в прошлом году он потонул в заливе Четумаль во время урагана. Страшный был ураган, «Жанет» называется. Много народу погубил он в

Четумале и разорил все побережье. Да, страшный ураган.

В первый раз я услышал тут об ураганах, а до этого просто понятия не имел, что Кинтана-Роо — одно из самых неблагоприятных в этом отношении побережий Карибского моря. Кажется, не бывает года, чтобы ураганы, следуя к Мексиканскому заливу и Флориде, не обрушились бы на Кинтана-Роо. Но это уединенное побережье так мало населено, что сведения об ущербе, причиненном здесь ураганами, никогда не попадают на первые страницы газет. А ущерб бывает немалый. Мне сказали, что ураган Жанет целиком уничтожил городок Четумаль. О силе этих ураганов и об их разрушительном действии в Кинтана-Роо можно судить по тому страшному опустошению, какое они производят в Британском Гондурасе, если проходят чуть южнее. За последние тридцать лет город Белиз был дважды разрушен до основания и отстроен потом заново. В скором времени мне и самому пришлось узнать, какой урон наносят ураганы побережью Кинтана-Роо.

Я осмотрел пристань, смекая, кого бы расспросить о судах, и направился к обнаженному до пояса индейцу. Это был довольно привлекательный парень. Невысокий, как все индейцы, с широкой выпуклой грудью, красивыми глазами, с типичной для майя треугольной формой головы и длинным орлиным носом — точно таким же, как у статуй в Паленке. Индеец укладывал мешки и канаты на краю пристани. Я подошел к нему и, стараясь как можно лучше произносить слова по-испански, объяснил, что мне нужно. Индеец тоже был не очень-то силен в испанском, видимо, поэтому он и понял меня сразу.

Из разговора я выяснил, что живет он на побережье Кинтана-Роо и что у него есть суденышко. Отплыть он собирался в полдень. За двадцать песо индеец согласился довезти меня до побережья, к тому месту,

где находился дом его отца. Если же я потом подожду три дня, то он сможет доставить меня к кокалю Танках, принадлежащему сеньору Гонсалесу. Это всего в нескольких милях от развалин Тулума. В Мериде доктор Альберто Рус говорил мне о плантации Гонсалеса. Надеюсь, что там можно будет по крайней мере подождать попутного судна, как следует осмотреться и подумать о своих дальнейших планах, я решил принять предложение молодого индейца. В уме я быстренько составил себе примерный маршрут. Сначала я еду с индейцем на побережье (мысль о возможности провести несколько дней в простой индейской хижине приводила меня в восторг), затем он довозит меня до плантации Танках, откуда я уже, конечно, смогу добраться на чем-нибудь до порта Вигия-Чико, который на карте показан на полпути между Тулумом и местечком Шкалак, как раз на границе с Британским Гондурасом. «Если же оттуда на юг ничего не ходит, — думал я, — то всегда можно опять вернуться на Косумель, ведь на плантацию Танках, по словам профессора Переса, довольно часто заходят суда».

Когда все было решено, я отправился покупать продукты — несколько банок консервированной говядины и два фунта сухого печенья. Индеец сказал, что я могу питаться у них в семье, только вот он не знает, понравится ли мне их пища. Сделав покупки, я захватил с собою весь багаж и поспешил обратно к пристани. Теперь рядом со своим индейцем я увидел еще одного, мальчика лет шестнадцати. Это оказался его брат. Да, не очень-то надежная команда! Однако я уже на все решился и не хотел отступать.

И все-таки я был просто потрясен, когда на мой вопрос о судне, мне показали куда-то в сторону моря. Сначала я не мог там ничего разглядеть, но потом, подойдя к краю пристани, увидел лодку. Она была не больше одиннадцати футов в длину. Сперва я подумал,

что это просто шутка. Ведь пересечь Юкатанский пролив даже на «Марии Фиделии» было немалым испытанием, и я восхищался древними майя, которые плавали в открытых лодках двадцатифутовой длины с сорока гребцами. Но моего восхищения мореходным искусством древних майя было явно недостаточно, чтобы хладнокровно решиться переплыть пролив в этой одиннадцатифутовой парусной шлюпке, которая называлась так лишь потому, что имела бамбуковую мачту с болтавшимся на ней лоскутом парусины.

Однако мне поздно было менять свое решение, так как индейцы уже стали грузить мой багаж. Подумав, что смерть на море, может быть, и не так уж страшна, я прыгнул в лодку. Разглядывая эту самодельную посудину, я заметил, что на ней нет ни кусочка металла — все было сделано из дерева. Но тут, взглянув вверх, я вдруг увидел на пристани трех оборванцев с мачете, собиравшихся садиться в лодку, и мне снова стало не по себе. Друг за другом они спустились в суденышко, за ними последовали оба индейца. Лодка угрожающе осела. Теперь ее борта поднимались над водой всего на несколько дюймов. Это было верное самоубийство. Но в ту минуту свирепый вид трех пассажиров пугал меня гораздо сильнее, чем риск утонуть. Бандиты это или нет? Может, они задумали ограбить меня и убить? А я сижу тут как дурак в почти затопленной лодке с совершенно чужими людьми, трое из которых вооружены, и собираюсь плыть куда-то на побережье. Какая глупая доверчивость! А что, если это чиклеро?

Тем временем мы уже отошли от пристани, сильное течение быстро несло нас мимо неприглядной набережной Сан-Мигеля. В такой маленькой лодке шестерым было негде повернуться. Младший индеец стоял на носу, ухватившись одной рукой за мачту, другой за кливер. Старший сидел на корме, небрежно придерживая левой ногой румпель. Когда был

поставлен главный парус, мне и другим трем пассажирам пришлось лечь на живот, тесно прижавшись друг к другу, чтобы не задевать утлегаря. Я завидовал даже сельдям в бочке — у тех по крайней мере не было головы. Мою же голову, зажатую между мачете и бедром его владельца, сверлила мысль, долго ли она еще продержится у меня на плечах.

За все время никто из пятерых не проронил ни слова, и от этого мне было еще страшнее. Казалось, что оборванцы не спускают с меня глаз. Стиснутый со всех сторон, я все-таки пытался незаметно наблюдать за ними, чтобы определить, собираются они меня убивать или нет. Индейцы не вызывали у меня тревоги, им я вполне доверял. Как-никак это были индейцы. А я почему-то по-мальчишески искренне верил, что ни один настоящий индеец не может быть дурным человеком. Но вот остальные! Их небритые лица, их грубый вид не оставляли сомнений, что это чиклеро, а в моих глазах всякий чиклеро мог быть только преступником.

Бешено подпрыгивая на волнах, лодка направлялась к побережью Кинтана-Роо. Тут я впервые с сожалением вспомнил об уютном заднем сиденье маленького серого автомобиля, и мне захотелось снова очутиться в Тепостлане...

4. Один на неисследованном берегу

Мы продолжали плыть в полном безмолвии. Маленькое наше суденышко, на борту которого было выведено имя «Лидия», одолевало даже самые крутые волны. Всякий раз, когда лодка летела с гребня вниз, у меня перехватывало дыхание. «Лидия» была настолько мала, что, оказываясь в ложбине между волнами, мы каждый раз теряли ветер и останавливались. Качка от этого только усиливалась, и все вокруг превращалось в настоящий кошмар.

Вскоре Косумель скрылся из виду. Старший индеец по-прежнему оставался у руля, младший стоял на носу. Разумеется, никакого компаса на борту не было, и, когда часа через два на горизонте показались смутные очертания побережья Кинтана-Роо, я вздохнул с большим облегчением. В глубине души я чувствовал некоторую признательность к рулевому и начинал верить, что на море меня все-таки не убьют, но тем не менее продолжал внимательно следить за всеми. Когда я робко попытался улыбнуться рулевому, он неожиданно спросил:

— Тебя не укачало?

— Нет, — ответил я.

От страха мой голос прозвучал очень уверенно. Все трое пассажиров сразу же обернулись в мою сторону, и больше я уже не решался раскрывать рот. Всеми силами стараясь как-то убить время, я то опускал руку за борт, бороздя воду, то нащупывал в своем хенекеновом мешке твердые ножны двух маленьких мачете. Это меня несколько успокаивало, и я начинал думать, что как-нибудь смогу отбиться от врага.

К пяти часам ветер стих, а берег казался все таким же далеким, как и прежде. В общей сложности поездка наша должна была длиться восемь часов. Около шести часов вечера побережье, занимавшее последнее время весь горизонт и вроде бы совсем не приближавшееся, вдруг оказалось прямо перед нами. Прежде чем я успел хоть что-нибудь сообразить, нас закрутил водоворот высоких волн, разбивавшихся о коралловый риф, через который мы теперь шли узким проходом. Волна за волной со страшным грохотом обрушивалась на желтые и бурые зубчатые скалы. Я благодарил бога, когда мы наконец оказались в спокойных водах за рифом. Теперь наша лодка направилась на юг, следуя вдоль самого берега, временами всего лишь в нескольких футах от него. Мы плыли, словно по широкой дороге, окаймленной с одной стороны высоким ревущим барьером пенистого рифа, с другой — стеною густого леса.

Берег сейчас казался мне совсем не таким, как день назад, когда я смотрел на него с «Марии Фиделии». Теперь в этой зеленой стене я мог ясно разглядеть каждое дерево, каждый куст. Вот веерные пальмы вздымают к небу свои изящные листья, качающиеся в вечернем ветерке. А вот на общем зеленом фоне выделяются блестящие красные стволы сейбы. Песчаные пляжи сменялись участками светлых скал,

покрытых пятнами серого и зеленого мха. У самой воды скалы приобретали желтоватый или бурый оттенок.

Меня заворожила пустынность диких пляжей. Они были совершенно чистые, и только у самой воды лежали небольшие кучки красных водорослей, выброшенных волнами, тихо набегавшими на песок. Кое-где на ровной гладкой поверхности молочно-белых пляжей виднелись стволы поваленных деревьев, наполовину засыпанных песком.

Непрерывная стена джунглей — сплошная зеленая масса, где все деревья были разные и все же очень похожие друг на друга, вызвала во мне необычное ощущение таинственности. Хотя видна мне была всего лишь кромка джунглей, я как-то понимал или, вернее, чувствовал, что они бесконечны, что они составляют единую необъятную массу, срезанную вдруг, морем, — словно неожиданно прерванная фраза. Здесь вы невольно ждете еще чего-то и ясно понимаете, насколько море и джунгли чужды друг другу и что джунгли поглотили бы море, если б это было возможно.

В тех местах, где берег изгибался крутым полумесяцем, мы удалялись от него и шли по прямой, а потом вдруг оказывались почти у самых скал, замыкавших концы полукружия. От берега нас отделяли какие-нибудь несколько футов, и можно было ясно рассмотреть поверхность обветренных скал, покрытых мелкими рачками и прядями морских водорослей. Меня, конечно, потрясала вся эта красота, хотя я и сознавал, что в таком заброшенном пустынном месте природой некому восхищаться. Должно быть, на некоторые из этих пейзажей человеческий взор был обращен всего лишь однажды.

И тут у меня невольно появилась мысль, что это был мой берег, мои джунгли, и я смотрел на них как на свою собственность со смешанным чувством страха, восхищения и любви.

Солнце стало клониться к западу, а мы все еще плыли и плыли вдоль берега. Не имея понятия, куда мы направляемся, я пытался мысленно представить себе дом двух молодых индейцев.

Когда солнце медленно ушло за горизонт, джунгли стали просто черным зубчатым контуром где-то у нас над головой. Они отзывались эхом на рев рифа, который с наступлением темноты превратился в изумительный фейерверк фосфорисцирующих волн, разбивавшихся о скалы. За кормой «Лидии» тоже тянулся светящийся шлейф. Временами, прорезая грохот рифа, из джунглей доносился странный крик испуганной птицы.

На «Лидии» все было тихо. Старший индеец теперь уже стоял, так же как его брат, и вглядывался в смутные очертания берега. По-прежнему придерживая румпель ногой, он искусно вел судно между скалами.

Вдруг среди тишины раздался очень знакомый звук — лай собаки. Услышав его, оба брата одновременно издали какой-то протяжный гортанный крик, нечто вроде «у-угх». Так на Юкатане в джунглях люди окликают друг друга или подают знак о себе. В ответ на этот возглас откуда-то с берега из густой листвы донесся такой же низкий гортанный крик. Кто там жил, я не знаю. Оставив позади этот одинокий голос, «Лидия» продолжала свой путь. Вероятно, мы прошли мимо кокаля, где жил какой-нибудь индеец или же бедняк с Косумеля.

Темь стояла непроглядная. Едва различая неясные очертания джунглей, я просто не мог вообразить, как же мы сумеем отыскать нужное нам на побережье место, хотя теперь я уже доверял рулевому, который отлично справлялся с «Лидией» и вполне доказал, что знает свое дело.

Примерно через час оба индейца опять повторили свой протяжный крик, но на него никто не ответил, только эхо откликнулось в джунглях. Они принялись

кричать снова, и наконец я уловил едва слышный ответ. Он был чуть глуше, чем эхо. Пока все эти странные звуки носились над водой, темноту вдруг прорезал луч света, и я увидел, как по берегу движется маленький желтый огонек. Мы прибыли на место.

Индеец, стоявший на носу, бросил якорь, «Лидия» повернулась и медленно пошла к берегу кормой вперед.

Кругом по-прежнему царила темнота, и только маленькое пламя лампы бросало призрачный свет на болтавшийся парус. Теперь я уже рассмотрел, что лампу держит высоко над головой женщина. В пятне света у ее ног можно было различить фигурки трех прижавшихся к ней ребятишек. Где-то совсем поблизости раздался низкий мужской голос, и я увидел, что к нам прямо по воде направляется мужчина. Когда он подошел к лодке, высоко подымая локти, вода доходила ему до груди. Две узловатые руки вцепились в борт, потом над ними показалась голова старого индейца. Он о чем-то переговаривал на языке майя со старшим из братьев. Тем временем трое наших пассажиров, закатав до колен штаны, перемахнули друг за другом через борт лодки и направились к берегу, держа над головой мачете и небольшую поклажу. Старик дал мне понять, что может на спине перетащить меня к берегу, однако мне не захотелось воспользоваться такой привилегией. Я только передал старику свои вещи и прыгнул в воду.

Когда я, весь мокрый, выбрался на берег, ко мне подошла женщина, поднесла к моему лицу керосиновую лампу и произнесла только одно слово: «Ховен» (молодой). Потом она приказала всем четверым следовать за нею и повела нас через пальмовую рощу. Мерцающий свет лампы падал на серые стволы и огромные листья пальм.

Вскоре мы оказались у маленькой хижины, построенной прямо на песке. Чтобы войти в эту низкую

постройку, мне пришлось согнуться почти пополам. Внутри хижины в очаге на подставке в виде столика горела шелуха кокосовых орехов. Женщина сказала по-испански, что мы можем повесить тут свои гамаки. Я уже собрался это сделать и стал было развязывать мешок, но хозяйка изменила вдруг свое решение. Она подошла ко мне, взяла за руку, назвав меня при этом «мистре», и отвела в другую хижину, еще теснее первой, не больше курятника. Тут спали ее дети, и тут я должен был устраиваться на ночь. В очень тесной и низкой пальмовой клетушке с рыхлым песком вместо пола уже висело три гамака. Женщина помогла мне растянуть мой гамак пониже этих трех.

Сложив в уголке свои вещи, я сразу же лег спать. Через некоторое время в хижину вошел старший из двух индейцев, которые везли нас сюда с Косумеля, и с ним два его маленьких брата. С ловкостью обезьянок они вскарабкались в свои гамаки и стали рассматривать меня сверху своими большими карими глазами.

Спал я в ту ночь совсем мало. Мешали волнующие события минувшего дня, шум рифа и тысячи атакующих меня комаров, поскольку моя противомоскитная сетка была сильно, изодрана. Я лежал на спине, слегка покачиваясь, и перебирал в уме все события, которые вели меня от самого Нью-Йорка к этой далекой хижине с крышей из пальмовых листьев на диком берегу Кинтана-Роо...

Когда я проснулся, было уже совсем светло. Через узкое дверное отверстие хижины мне были видны ряды молодых кокосовых пальм, а за их серыми стволами бледно-голубое море.

Я сразу встал и пошел осматривать место, куда меня привезли ночью. Очевидно, это была пальмовая плантация, хотя слово «плантация» звучит слишком громко в приложении к тому, что юкатанцы называют кокалем. Пляж из чистейшего белого песка был изогнут

в форме полумесяца длиной около двух миль. Верхняя часть пляжа, за которой поднимались темные болотистые джунгли, была обсажена кокосовыми пальмами. Их длинные листья свисали до самой земли, касаясь рыхлого песка. В центре полумесяца стояли три хижины. Одна, довольно просторная, представляла собой типичную овальную хижину майя — стены из жердей, вбитых плотно друг к другу прямо в песок, очень высокая крыша из листьев веерной пальмы. Рядом с ней была хижина поменьше, видимо, кухня, в нее-то меня и привели сначала. И затем третья хижина, где я провел ночь. Ее стены были сделаны из разных кусков дерева, подобранных, вероятно, на берегу. Эти три маленькие хижины на песчаном побережье, приютившиеся среди стройных пальм, казались мне поразительно красивыми. Именно таким представлял я себе райский уголок. Кокаль этот назывался Пуа, что на языке майя означает «плохая вода». Возможно, это место назвали так потому, что за пляжем тут начиналось зловонное болото, где рос густой кустарник и разные тропические деревья с липкими ветками.

Это был первый кокаль, который мне довелось увидеть, и, подобно всем кокалям на побережье Кинтана-Роо, он представлял собой изолированный остров среди моря джунглей.

Пуа был островом во многих отношениях. От ближайшего цивилизованного пункта его отделяла сотня миль бесконечных непроходимых джунглей. Только море связывало этот кокаль с внешним миром.

Все кокали по существу маленькие замкнутые мирки, где живет обычно всего лишь одна семья. Так обстояло дело и в Пуа. Мой хозяин, сеньор Месос, приехал на побережье с Косумеля вместе со своей женой, хорошо знавшей испанский язык. Индейской крови у нее было меньше, чем у мужа. Из шести их сыновей старшими были Самюэль и Джордж, которые

привезли меня сюда. Потом шел мальчик двенадцати лет, а самому маленькому было три года. Эта бедная чета переселилась в Кинтана-Роо вскоре после 1935 года, когда индиос сублевадос стали относиться терпимее к вторжению косумельцев на их территорию. А до тех пор ни один житель Косумеля не отважился бы ступить на побережье. В последние двадцать лет «мятежные индейцы» стали миролюбивее, их отношение к косумельцам изменилось, в особенности к тем, кто подобно сеньору Месосу почти всегда говорил на языке майя.

Жизни младших сыновей сеньора Месоса мог бы позавидовать любой ребенок. Они целыми днями бегали нагишом по песчаному пляжу, плавали в море и ловили рыбу. Дети ни разу не уезжали с побережья и не имели ни малейшего представления ни об автомобилях, ни о цивилизации. Все знания они получали из собственных наблюдений и рассказов родителей.

У старших сыновей была типично индейская внешность, а малыши, несмотря на их темную кожу, больше походили на мать. У них были довольно округлые европейские лица. Семья Месоса и на побережье оставалась бедной. Они сами построили «Лидию» — их единственное средство сообщения с внешним миром, а пропитание себе добывали в основном охотой и рыбной ловлей. Два раза в год на кокале собирали опавшие кокосовые орехи, извлекали из них копру и везли продавать на Косумель. Образ жизни Робинзона Крузо был, вероятно, ничуть не проще. Я понял, что именно в таких местах, как этот кокаль, жизнь человека наиболее первобытна. Ведь в любой общине, какой бы отсталой и уединенной она ни была, ни одна семья не может жить в полной изоляции. А интересы семьи Месоса никогда не выходили за семейные рамки. Это был весь их мир — мир, замкнутый во всех отношениях.

Колодец, вырытый в песке в трех ярдах от моря, давал им пресную воду. Меня удивило, что она находилась так близко к морю, но, оказывается, на Юкатане это обычное явление. Пресную воду можно обнаружить даже на песчаных мелях вдали от берега, если покопать там песок.

Когда я вошел в кухню, мужчин, приехавших с нами, там уже не оказалось. Я спросил у сеньоры Месос, кто они такие.

— Чиклеро, — ответила она.

Меня даже в дрожь бросило, когда я услышал это слово. Но слава богу, они нам ничего не сделали, эти ужасные чиклеро.

Однако позднее мне пришлось столкнуться с ними еще раз, и я узнал, что все трое были настоящие грабители.

Около одиннадцати часов Самюэль с братом собрались плыть на «Лидии» до речки, где обычно пришвартовывали свое судно, и предложили мне прокатиться с ними. Я с радостью согласился. Вскоре мы уже плыли вдоль берега по кристально чистой голубой воде. С моря кокаль Пуа был виден весь целиком — полумесяц бледно-зеленых пальм на темном фоне джунглей и под пальмами три маленькие бурые хижины. Наверное, очень многие люди позавидовали бы мирной жизни на этом кокале.

Вскоре Пуа скрылся из виду. Целый час мы плыли мимо скалистых берегов, где стена джунглей обрывалась всего в нескольких футах от воды. Неожиданно в сплошной цепи скал показался просвет. Самюэль направил «Лидию» в узкий пролив шириной не больше десяти футов, и вот, к моему удивлению, мы оказались в спокойной закрытой лагуне с лесистыми берегами. Вода здесь была такая чистая, что я без труда смог разглядеть ярких тропических рыбок, шнырявших вокруг судна. Эта извилистая лагуна с

каменными берегами, похожая на плавательный бассейн, была, по-видимому, довольно длинной. За одним из поворотов я взглянул на берег и вдруг открыл рот от изумления. Там, на самом краю голубой лагуны, отражаясь в спокойной прозрачной воде, стоял удивительно сохранившийся храм майя.

Это было небольшое (не более трех ярдов в высоту) прямоугольное здание с узким, слегка скошенным дверным проемом. Притолока немного вдавалась в стену, а сверху храм опоясывали два каменных параллельных валика, представляющие скромный фриз. Эта совершенная по пропорциям постройка совсем не производила впечатления необитаемых развалин. Только маленький кактус на крыше свидетельствовал о ее заброшенности.

Я не мог скрыть своего восторга и с нетерпением ждал, когда «Лидия» пришвартуется у естественной, образованной изгибом берега пристани, чтобы тут же броситься к храму.

Не удивительно, что древние майя выбрали эту защищенную лагуну. Называлась она налета (лагуна) Йочак. Как я позднее узнал, в северной части побережья Кинтана-Роо было всего три такие калеты, где только и могли укрываться суда. Я представил себе, как лодки с паломниками на борту отправляются отсюда к острову Косумель. Мне казалось, будто со времен древних майя здесь ничего не изменилось. «Лидия» в моих глазах была одной из тех бесчисленных лодок, которые в течение тысячи лет укрывались в этой естественной гавани. Я спросил о значении слова «Йочак», и мальчики ответили, что оно значит «над лазурью». Лучшего названия нельзя было придумать для этого места, где маленький серый храм поднимается над глубокой и ясной синью лагуны.

Согнувшись, я вошел внутрь храма и увидел на стенах следы росписи. На одной стене была ясно видна

голова дракона, на другой — длинная пятнистая змея. Осмотрев стены повнимательнее, я обнаружил, что они расписывались несколько раз. В тех местах, где штукатурка отстала, можно было увидеть остатки более ранней росписи. Всего я насчитал восемь слоев штукатурки.

Как выяснилось впоследствии, в этом храме и до меня бывали белые люди, но в то время я думал, что вижу его первым. Самюэль с братом относились к храму совершенно равнодушно. На все мои расспросы о храме они ответили одной фразой: в монте за лагуной много таких построек.

Услышав эти слова, я пришел в безумный восторг и попросил поскорее проводить меня к другим руинам. Но братьям, видно, не очень-то хотелось туда идти. По их словам, это было очень далеко, они даже не знают в точности места, к тому же все храмы сильно разрушены — «сплошные груды камней».

Когда мы пешком вернулись в Пуа, я решил взять фотоаппарат и в тот же день еще раз сходить к лагуне. Дорога туда была трудной и длинной. Рыхлый песок сменялся острыми, как бритва, серыми обломками кораллов. Солнце палило немилосердно, над головой тучами носились комары.

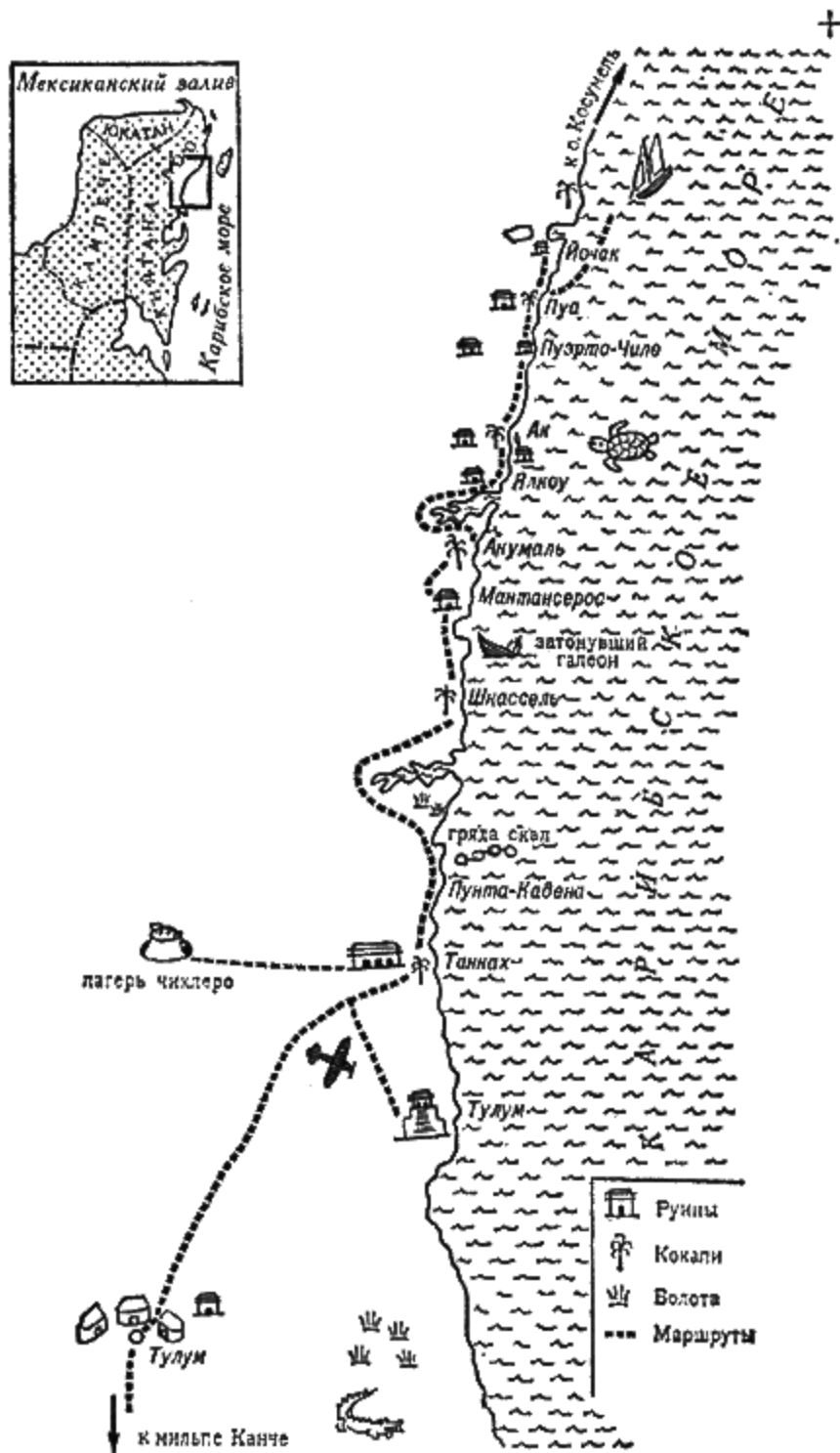
Теперь я мог спокойно рассматривать этот маленький храм с типичным для построек древних майя ступенчатым сводом из массивных каменных плит. Храм стоял всего в одном ярде от воды и поэтому совершенно не был разрушен растительностью.

Вечером я попробовал узнать побольше о храме Йочак, но в ответ услышал только легенду. Сеньора Месос, говорившая по-испански лучше всех остальных, рассказала мне, что это маленькое здание построили карлики и что в полнолуние никто не отваживается подойти к лагуне, так как в это время там плавают огромный корабль с черными парусами.

Я пытался объяснить ей, что храм построен древними майя, но она упорно толковала о карликах.

К ночи разразился ливень. В это время я уже был в своем гамаке в маленькой хижине и слушал, как один из мальчиков, по имени Росалио, играет на самодельной гитаре. После дождя с болот потянуло сильным смрадом, и вместе с сыростью появилось множество комаров. В полном отчаянии я принялся чинить противомоскитную сетку, разорванную еще на Косумеле.

Любуясь потом на свое жалкое рукоделие, я подумал, что противомоскитная сетка — вещь не менее божественная, чем гамак, посланный майя их богами.

Участок пути от Пуа до деревни Тулум

Утром Росалио и его маленький брат разбудили меня и позвали на охоту за черепахой. Когда мы шли по берегу, мальчики показали мне два или три места, где

гигантские черепахи выходили ночью из воды класть яйца. На песке остались следы, как от огромной гусеницы. Мы старались идти поосторожнее, надеясь захватить черепаху врасплох. Но вот уже кончился песчаный пляж, а нам так ничего и не удалось найти. Тогда Росалио отправился по свежим исполинским следам, которые протянулись ярдов на пять от воды. Там, где следы кончались, он остановился, стал на колени и начал разрывать песок. Вскоре из ямки глубиной примерно в двенадцать дюймов Росалио вынул белое круглое яйцо, за ним другое, а через минуту на песке уже лежало около семи десятков яиц. Раньше мне никогда не приходилось видеть черепаший яйца, и, надо сказать, я просто не ожидал, что они и по форме, и по размеру, и по фактуре были совсем как мячи для пинг-понга, только помягче. Если черепашее яйцо слегка сдавить, на нем остается вмятина. Росалио разбил одно яйцо специально для меня. Внутри я увидел такой же крупный желток, как и в куриных яйцах. Мальчишки с явным удовольствием проглотили по нескольку штук сырых яиц и стали угощать меня, но я отказался. Сырые яйца вообще очень противны, даже куриные, а съесть сырое яйцо рептилии — в тот момент я, кажется, скорее бы согласился умереть!

Когда мы вернулись из черепашей экспедиции, старших братьев, к моему удивлению, дома не оказалось. Они отправились куда-то на «Лидии», но скоро должны были вернуться.

— А давно они уехали?

— Довольно давно, — был неопределенный ответ.

Я расстроился, что братья уехали одни, ведь они обещали захватить меня с собой и подвезти к местечку Танках. Хозяева позволили мне остаться в Пуа До возвращения «Лидии». Я успокоился и стал ждать. Ожидание это оказалось долгим и бесплодным.

У меня уже кончались продукты. Когда я заговорил о еде с сеньорой Месос, она охотно предложила мне обедать вместе с ними. Однако, к моему великому огорчению, семья питалась в основном сырыми черепашьими яйцами, так что мне пришлось пробавляться только тортильями, которые сеньора Месос пекла почти непрерывно, присев на корточках у огня. Тортильи обычно едят горячими, в Мексике в бедных семьях каждый съедает, их штук по двадцать, поэтому обедают не все вместе, а по очереди, один за другим.

После полудня сеньор Месос стал собираться на охоту. Я упросил его взять меня с собой, хотя и видел, что он от этого совсем не в восторге. И вот я уже шагаю в своих сандалиях по тропинке, стараясь ни на шаг не отставать от сеньора Месоса.

Сразу же за кухней начинались болотистые заросли. Через них были проложены мостки — стволы деревьев на каменных глыбах. Ярдов через триста эта кошачья дорожка кончилась, и мы оказались на твердой земле среди джунглей. И тут, к своему удивлению, я увидел перед собой три сильно разрушенные пирамидальные постройки. Зрелище было настолько неожиданным, что в первую минуту я просто онемел. Окликнув потом сеньора Месоса, я сказал ему, что в джунглях слишком много комаров и я, пожалуй, дальше не пойду, а останусь здесь осматривать постройки. Он согласился без всяких разговоров, обрадованный, видно, возможностью избавиться от неуклюжего попутчика, способного распугать любую дичь.

Не успел я еще как следует прийти в себя после открытия маленького храма в Йочаке, как уже натолкнулся на эти три развалины прямо рядом с Пуа, всего в нескольких сотнях ярдов от места, где я провел ночь. Все это показалось мне невероятной фантастикой.

Хотя пирамиды были сильно разрушены, на вершине одной из них все же сохранились две стены с узким скошенным входом. Очевидно, это были остатки небольшой часовенки или чего-нибудь в этом роде. От другой пирамидальной постройки осталась лишь груда светлых камней. Третье сооружение, которое я принял сперва за маленькую пирамиду, оказалось разрушенным прямоугольным храмом, таким же, как в лагуне Йочак. Построен он был на краю маленького сенота. Узкое отверстие этого естественного колодца выходило у самых стен храма. Мне тут же вспомнился сенот Чичен-Ицы. Интересно, скрывает ли и этот сенот какие-нибудь предметы искусства?

Назойливо гудящие комары быстро сумели испортить мне настроение. Прежде чем приниматься за раскопки и разборку камней, я решил сходить за фотоаппаратом, а заодно и расспросить о развалинах сеньору Месос. Я был уверен, что увидел их первым из чужестранцев. Так оно потом и оказалось.

На обратном пути к кокалю я рассмотрел, что камни, подложенные под стволы деревьев, были обтесаны. Их, несомненно, взяли из развалин.

На мой вопрос сеньора Месос, не задумываясь, ответила, что это тоже жилища карликов. Ведь у часовни на верху пирамиды была такая маленькая дверь, что ни один человек нормального роста не смог бы пройти через нее. Эту легенду о карликах я слышал потом не раз. В нее верили почти все индейцы и мексиканцы, которым приходилось видеть постройки майя.

Но от сеньоры Месос я узнал еще кое-что, от чего у меня сильно забило сердце. Я спросил, не случилось ли им находить глиняные сосуды (я не знал этих слов по-испански, поэтому мне пришлось очень долго объяснять, что именно я имею в виду). Нет, керамика им не встречалась, зато у сенота они нашли каменную

свинью и ступню человеческой ноги из глины. Когда я спросил, где эти вещи, сеньора Месос спокойно ответила, что приказала детям выбросить их. Но я продолжал неотступно осаждать ее вопросами. В конце концов сеньора Месос отпустила со мной одного из своих сыновей, чтобы тот показал место, где он выбросил кочино (свинью) и пье (ногу). Порыскав немного вокруг сенота, мальчик нагнулся и подобрал какой-то бесформенный на первый взгляд камень. Он перевернул его и с торжеством показал мне, заметив при этом, что камень все-таки не очень похож на свинью.

И действительно, это была не свинья, а какое-то странное существо с головой свиньи, утиным носом и передними лапами, как у белки. Сделав несколько снимков, я попросил мальчика отыскать ногу. Ему это не стоило большого труда, так как он оставил ее на верхушке самой большой пирамиды. Увидев аккуратную глиняную ступню с тонкими ремешками сандалий древних майя, я сразу же решил, что, если тут есть одна нога, где-нибудь среди обломков камней должна быть и другая, а может быть, даже весь идол. Мальчик точно показал мне то место, где он первый раз нашел ногу, и я с воодушевлением принялся за поиски. Глиняных обломков попадалось много, но все они были слишком малы и бесформенны. Одной рукой я разгребал камни, другой старался отгонять крутившихся надо мной комаров. Наконец после часа бесплодных поисков я решил, что на сегодня хватит, надо возвращаться на берег, ведь времени уже было немало, и к тому же все мое лицо нестерпимо зудело от комариных укусов. После душной сырости джунглей кокаль показался мне раем. Я сразу разделся и бросился в море. Весь следующий день надо было как следует потрудиться на развалинах.

Мой небольшой запас продуктов уже совсем иссяк, я питался одними лепешками, а в тот вечер наконец отважился попробовать черепашее яйцо. В сумерках вернулся сеньор Месос. На поясе у него болтались две окровавленные игуаны, гигантские плотоядные ящерицы, которые водятся в Кинтана-Роо в изобилии. Игуаны — потомки динозавров, очень противные на вид существа, зато приятные на вкус, в особенности в приготовлении сеньоры Месос. Но в тот вечер, после героической попытки отведать черепашее яйцо, я уже не смог заставить себя есть мясо игуаны, хотя меня и уверяли, что по вкусу оно напоминает куриное.

Ночью мне снились нефритовые сокровища, а себя самого, сделавшего два скромных археологических открытия, я видел необыкновенным героем.

Жизнь на кокале казалась мне просто восхитительной, поэтому я не торопился с отъездом, решив сначала все тщательно обмерить и сделать точные описания, чтобы от моих находок была какая-то реальная польза. В своем дневнике я с гордостью записал: «Пуа, открыто две пирамиды», а на карте доктора Руса поставил две новые точки.

Все следующее утро я провел у развалин, но сколько ни старался, не смог отыскать среди обломков ничего похожего на идола или вообще на скульптуру. Пришлось ограничиться лишь составлением подробного плана этих трех построек. Когда в полдень я вернулся на кокаль, «Лидии» все еще не было. Спасаясь от жары, я выкупался в море и лег спать. Знай я в то время, сколько барракуд шныряло в прибрежных водах, купанье не доставило бы мне такого удовольствия.

В тот же день мы с Росалио отправились по берегу на юг и прошли мили четыре, сначала по песчаному пляжу, потом по скалистому участку, перепрыгивая без конца через расселины в известняках, круто обрывавшихся к морю. В одном месте Росалио вдруг

остановился и показал на джунгли, где среди пальм, всего в нескольких футах от берега, скрывалась каменная постройка — такой же храм, как в Йочаке, только чуть поменьше. Несмотря на большие трещины в стенах, храм был не очень сильно разрушен. Видно, он мало изменился со дня своей постройки. В храме было два входа, один обращен к морю, другой — к джунглям. Не думая ни о каких предосторожностях, я прополз внутрь храма. Надо мной сразу взвились тучи гудящих ос. Два укуса в лицо заставили меня поспешно отступить и ограничиться внешним осмотром храма. Вот уж действительно жилище карлика, просто сторожевая будка у моря! Возможно, это был какой-нибудь маяк или наблюдательный пост. И несомненно, его должен был видеть Грихальва, когда впервые появился у берегов Кинтана-Роо около четырехсот пятидесяти лет назад. К своему удивлению и восторгу, на карте я этого храма не нашел, так же как и развалин в Йочаке и Пуа.

Когда мы вернулись домой, я спросил у сеньора Месоса, есть ли поблизости еще какие-нибудь храмы. Нет, он ничего тут больше не видел. Но, немного подумав, сеньор Месос сказал, что в глубине монте, за тем храмом, около которого я сегодня побывал, есть еще постройки, только он не знает точно где, так как видел их еще года два назад, когда ходил на охоту. Я упросил его повести меня туда на следующий день и отыскать постройки.

Вечером, поев лепешек, я уже собирался было идти спать, когда Росалио с двумя братьями снова позвали меня на черепашую охоту. Мы вышли из хижины и тихонько направились вдоль берега. Прикрывая рукой яркий огонек лампы, Росалио на ходу старался объяснить, что я должен буду делать, если мы увидим черепаху. Как раз начинался сезон (темпорадо), когда гигантские черепахи выходят на берег класть яйца.

Такие черепахи (называются они кавамо, или большеголовые черепахи) откладывают за один раз по сто — сто восемьдесят яиц, причем каждая черепаха выходит класть яйца раз в две недели. Вот мы и собирались теперь подкараулить черепаху, когда она выйдет на берег. Росалио был еще слишком мал, он не мог одолеть такую громадину, поэтому мне поручалось трудное и, возможно, опасное дело — схватить черепаху сзади за панцирь и перевернуть ее. Я думал об этом не без страха. А что, если мне не удастся справиться со своей задачей? В это время Росалио махнул рукой — знак, что он выследил черепаху.

Но я видел только темный берег и фосфоресцирующее сияние рифа. Росалио пополз вперед, приказав мне следовать за ним. Вскоре я разглядел на песке две широкие параллельные борозды, прочерченные ластами. Громадная, должно быть, черепаха — расстояние между бороздами было не меньше трех футов. Потом я понял, почему сразу не смог увидеть такую большую черепаху: она уже почти зарылась в песок. В том месте, где обрывался след, на поверхности торчала только голова и верхушка панциря. Голова была размером с человеческую, а длина всего животного, наверное, не меньше четырех футов.

Не теряя времени, я бросился к черепахе. Она уже заметила нас, стала шипеть и угрожающе трясти головой. Такие челюсти могли бы отхватить у человека полноги. Я теперь знал, что мощные челюсти черепах без труда перегрызают кость. Меня также предупредили, что при обороне черепаха начинает отбрасывать задними конечностями песок, чтобы ослепить противника, поэтому я поспешил ухватиться сзади за панцирь, пока черепаха еще не успела высвободить лапы. Однако, несмотря на все усилия, я смог приподнять эту махину лишь на несколько

дюймов. На секунду я даже растерялся, но тут Росалио поспешил мне на выручку. Все вчетвером мы приподняли черепаху сзади, и она упала на шею. Ее задние ласты теперь болтались в воздухе и бешено колотили нас по рукам и плечам. Сделав мощное усилие, мы одним рывком перевернули черепаху на спину. Совершенно беспомощная, она болтала лапами, шипела и упиралась шеей в песок, отчаянно стараясь перевернуться. Но, увы, вес ее тела оказался слишком велик, черепаха была обречена. Я и до сих пор толком не пойму, как нам удалось ее перевернуть, ведь этот гигант весил фунтов двести. Дети помчались к хижине объявить о своей добыче. Сеньора Месос оценила мое участие в охоте, и в награду я получил кокосовый орех.

За все время пребывания в Пуа я, опасаясь амеб, пил только кокосовую воду. Прежде я даже не представлял себе, какой это прекрасный напиток. Каждый орех содержит около пинты^[17] жидкости. Однако выбрать орех для питья — дело довольно мудреное. Оказывается, в зависимости от расстояния до моря пальмы имеют плоды разного вкуса. Кроме того, и на каждой отдельной пальме плоды тоже отличаются друг от друга, что зависит от степени их зрелости. Упавшие коричневые орехи слишком солоные, маленькие зеленые — студенистые и противны на вкус. Лучше всего большие зеленые орехи, только что начавшие буреть. Два взмаха мачете — верхушка ореха отлетает, в твердой скорлупе образуется отверстие, и вы можете пить кокосовую воду.

Умертвить и разделать черепаху мы решили на следующий день. Рано утром она еще была жива и шевелилась. Несмотря на все усилия, ей так и не удалось сдвинуться с места ни на дюйм, она только чуть глубже вдавилась в песок. А в небе над нею, как зловещие призраки, уже появились ауры —

мексиканские стервятники. Они тоже знали, что черепаха обречена, и десятками слетались к Пуа, словно их влекла сюда магическая сила. Они медленно кружили в небе и ждали.

Ударами мачете сеньор Месос рассек нижний панцирь, поднял его, как крышку, на живой еще черепахе и только после этого нанес ей смертельный удар. Мертвая черепаха со вскрытыми внутренностями превратилась теперь в скользкое месиво из крови и полужидкого желтовато-розового жира, стекавшего в панцирь, как на блюдо. Запах был отвратительный. Ауры, почуяв смерть своей жертвы, стали спускаться на берег, стараясь подойти к черепахе поближе, а дети швыряли в них песком. Сеньор Месос тем временем копался в окровавленных внутренностях, погрузив в них руки по локоть. Он искал яичную сумку и вскоре извлек одно за другим сто тридцать штук яиц, которые бедняга не успела отложить. Достав последнее яйцо, сеньор Месос стал вытаскивать оболочку яичников, где, к моему удивлению, оказалось еще не меньше сотни яиц, предназначенных для следующей кладки. Это были крупные желтки без скорлупы. Сеньор Месос извлек их прямо в оболочке, отнес домой и повесил сушиться на солнце. Такие яйца представляют собой исключительный деликатес и в высушенном виде могут храниться очень долго. Я потом их пробовал, они показались мне вполне съедобными, немного напоминая по вкусу желток сваренного вкрутую куриного яйца. На крыше хижины, служившей кухней, уже висело много таких яиц в сухих пленках, похожих на пергамент.

Когда были извлечены свежие (сверхсвежие), а за ними еще не сформировавшиеся яйца, сеньор Месос наполнил шесть литровых бутылок желтовато-розовым черепашьим жиром. Мясо черепахи нарезали полосками и вывесили сушиться на солнце. Панцирь и череп

достались птицам. Панцирь черепахи кавамо не представляет ценности в отличие от панцирей мелководных черепах, которые редко встречаются в Кинтана-Роо, но у Кампече, в Мексиканском заливе, водятся во множестве.

Вонючий оранжевый жир черепахи высоко ценится на Юкатане. Индейцы считают его хорошим средством против простуды и многих других болезней.

Около одиннадцати часов, когда солнце уже припекало как следует, мы с сеньором Месосом отправились искать постройки майя, о которых он мне говорил. Сначала несколько миль мы шли по берегу, потом сеньор Месос свернул в джунгли и стал пробивать себе путь мачете. Идти было трудно. Скоро мои ноги сплошь покрылись синяками и ссадинами. Я с трудом продирался сквозь густые заросли, стараясь не отставать ни на шаг от сеньора Месоса, и со страхом думал о змеях. Без сапог я чувствовал себя совершенно беззащитным, утешали меня только голые, как и мои, ноги сеньора Месоса и мысль о драгоценном флаконе антивиперина. Первый раз я шел через джунгли в стороне от проторенных дорог и все время восхищался ловкостью сеньора Месоса. Удивительно, как он ориентируется в этом бесконечном, однообразном зеленом лабиринте? Временами сеньор Месос останавливался, оглядывал все вокруг, словно искал чего-то, а потом, сломав ветку или сделав зарубку на стволе дерева, уверенно шел дальше.

Через час я совершенно выбился из сил, пот лил с меня градом, все тело чесалось от комариных укусов. К счастью, сеньор Месос остановился и приказал мне подождать, пока он осмотрит места поблизости.

— Айа (там)! — воскликнул он через минуту и показал куда-то в сторону.

Ничего, кроме джунглей, я там не увидел, но, когда подошел поближе, сумел различить сероватые

очертания стены. Это была стена маленького, совершенно заросшего храма, оплетенного со всех сторон лианами и корнями деревьев. Рядом были остатки строения поменьше, представлявшего теперь лишь груды камней.

Храм сохранился еще довольно хорошо, хотя на его верхушке росло дерево. По моей просьбе сеньор Месос принялся расчищать руины от кустов и лиан. В одном месте из-под листвы вдруг показалось улыбающееся каменное лицо, высеченное на выступающем фризе, который опоясывал всю верхнюю часть здания. Я не мог сдержать своего восторга и стал торопить сеньора Месоса. Когда весь храм был очищен, я обошел его вокруг. На фризе с другой стороны я увидел еще одно каменное украшение, похожее на дракона. На месте глаза у него было большое отверстие в виде кольца. Внутри весь храм был завален камнями, на стенах, на кусках сохранившейся кое-где штукатурки я не увидел никаких следов росписи. Дверной проем был такой же, как в храме Йочака, — скошенные боковые стороны и каменная притолока, отодвинутая в глубь стены. Углубления над входом представляют характерную черту архитектуры майя на побережье. В Чичен-Ице тоже встречаются такие притолоки. К сожалению, пора было уходить, так как сеньор Месос, вовсе не разделявший моих восторгов, уже торопился домой. Я тщательно обследовал все вокруг и сделал снимки, решив вернуться сюда еще раз. У меня не было сомнений, что поблизости должны быть другие сооружения, хотя сеньор Месос и отрицал это.

Обратный путь к берегу занял у нас совсем немного времени, и я понял, что до храма и соседних с ним развалин было всего лишь несколько миль. Правда, туда мы шли очень долго, но ведь нам приходилось с трудом прорубать себе дорогу. Если бы на обратном пути я потерял сеньора Месоса из виду, я наверняка бы

заблудился, потому что все его зарубки и отметки были доступны только опытному глазу. Устал я, конечно, смертельно, но был очень доволен нашим походом. В Пуа мы вернулись до заката солнца, так что я успел еще искупаться в море. Самюэля с братом до сих пор дома не было, и это начинало меня беспокоить.

Вечером я попробовал мясо черепахи, очень вкусное, хотя немного жирноватое, и опять поел черепаших яиц. Отправляясь спать в свою хижину, я прихватил с собой масляную лампу, чтобы можно было взглянуть на карту. Руины, которые мы видели в тот день, на карте обозначены не были, и я с гордостью поставил третью точку. На побережье это место называлось Пуэрто-Чиле. Я использовал название для всех трех построек — одной на берегу и двух в глубине джунглей.

Возможно, все развалины, обнаруженные мной вблизи Пуа, были остатками тех городов, о которых рассказывал капеллан Грихальвы, а может быть, мои находки составляли часть загадочных владений древнего правителя области Шамансаны, вождя индейцев майя, которому продали в рабство двух несчастных испанцев, спасшихся после кораблекрушения в 1511 году. Это были первые испанцы на Юкатане.

Их корабль, идущий из Панамы, погиб на мелях около Ямайки, а двадцать оставшихся в живых матросов на маленькой лодке добрались до Косумеля, куда их отнесло сильными течениями Карибского моря (в наше время то же самое случилось с тремя французскими бандитами с Чертова острова). На Косумеле все испанцы были перебиты, кроме двоих — Херонимо Агиляра и Гонсало, известного впоследствии как Гонсало Герреро. Их продали властителю Шамансаны, жившему где-то на побережье Кинтана-Роо. Восемь лет они были рабами у майя, еще до того

как другие испанцы вообще узнали о существовании Юкатана.

Агиляр держался своей веры и очень страдал из-за этого. А Герреро усвоил обычаи страны, подпилил себе зубы, проколол уши и имел много женщин. Когда в 1519 году, через восемь лет после кораблекрушения, Кортес высадился на Косумеле, вождь майя разрешил Агиляру поехать туда и остаться с Кортесом, а Герреро, вполне довольный своей новой жизнью, ехать отказался. Он предпочел остаться на побережье Кинтана-Роо, где впоследствии организовал упорное сопротивление испанским завоевателям и погиб в 1537 году, ведя в бой солдат майя.

Агиляр, владевший языком майя, очень пригодился Кортесу. Однако о жизни обоих испанцев на побережье почти ничего не известно. Что же касается области Шамансаны, то мне очень бы хотелось открыть в конце концов ее действительное местоположение. Вполне возможно, что Герреро жил в Пуа, и, разумеется, он бывал в тех поселениях, развалины которых я теперь обнаружил.

На моей карте где-то между Пуа и Тулумом маленьким треугольничком были отмечены руины Ак, что на языке майя значит «черепаша». И вот я решил, если «Лидия» к завтрашнему утру не вернется; пойти взглянуть на эти развалины. Нет никаких сомнений, что видели их лишь немногие иностранцы.

В десять утра «Лидии» еще не было. Тогда я спросил у сеньоры Месос, где находится Ак. Она ответила, что это кокаль в восьми милях к югу от Пуа и что там на берегу есть дом карлика. Ее удивило мое намерение отправиться в такую даль из-за какой-то маленькой постройки.

— Дороги туда нет, — сказала она. — Надо идти у самого берега по камням и скалам.

Я все же решил пойти в Ак. Делать мне было все равно нечего, а вчерашняя удача укрепляла мое намерение. От сеньора Месоса я узнал, что хозяин Ака живет на Косумеле, а за кокалем смотрит молодой сольтеро (холостяк), по имени Мигель. Он наверняка сможет показать мне, где еще есть развалины.

Целых три часа шел я вдоль пустынного берега. Лишь кое-где по пути мне встречались пеликаны, тройками кружившиеся над водой в поисках рыбы. Через два часа я решил, что заблудился. Уже несколько раз открытые пляжи сменялись труднопроходимыми участками, и просто не верилось, что я еще не одолел восьми миль. Только через час, совершенно измученный, я вышел наконец к широкому заливу, по берегам которого тянулись ряды привычных теперь для моего глаза кокосовых пальм. Вероятно, это и был Ак. Я вошел в рощу и окинул ее взглядом, стараясь найти там хижину, где жил Мигель. Долго искать не пришлось. Как раз на середине залива в море выступала большая плоская скала, отделенная от берега узким проливчиком, — как бы островок. Там стоял миниатюрный храм, а за ним на песке — хижина.

Мое появление слегка удивило молодого индейца, дремавшего в гамаке между двумя кокосовыми пальмами. Это был Мигель. Я объяснил ему, что пришел из Пуа взглянуть на развалины. Мигель оказался статным мужчиной не старше тридцати лет, с очень приятными чертами лица. Он сразу же завоевал мое расположение, и в скором времени, несмотря на все различие между нами, мы уже весело обменивались шутками. Первым поводом к шутке были наши имена. Когда выяснилось, что имена у нас одинаковые, Мигель очень долго смеялся и хлопал меня по плечу. Потом он рассказал мне, что был когда-то чиклеро, но впоследствии оставил эту нелегкую жизнь и поселился на побережье. Меня удивило, как такой молодой

человек может жить в полном одиночестве. Только позже я узнал, что в какой-то случайной драке Мигель убил человека и теперь, как и многие другие чиклеро, предпочитал жить в безлюдном месте. Но тогда, к счастью, я этого еще не знал и спросил Мигеля, не тяготит ли его одинокая жизнь. Нет, не тяготит. Когда уж очень одолевает одиночество, он ходит в гости на кокаль Пуа. Меня восхищало отношение обитателей кокалей к одиночеству и та простота, с какой они отказывались от общества. Мигеля одинокая жизнь сделала немножечко философом. Он говорил мало, но интересно, меня удивил запас его знаний и тонкий ум.

В первый раз я встретился с чиклеро, и вот он оказался совсем не страшным. Как все чиклеро или, я бы сказал, как почти все люди, ведущие независимую жизнь, полную опасностей, Мигель был очень неглупым человеком. По умственным способностям он, конечно, превосходил любого крестьянина или даже банковского служащего, которым в их борьбе за существование не требуется особых умственных усилий.

Мигель повел меня в монте показать развалины милях в двух от берега. Когда-то сюда приезжали с Косумеля американские археологи. Если бы они прошли пешком вдоль побережья, то, несомненно, наткнулись бы на Пуэрто-Чиле и Пуа. Как ни странно, в Кинтана-Роо до сих пор никто не проникал по суше. По крайней мере об этом не было сообщений, да и обитатели кокалей не припомнят такого случая. Ко всем развалинам Кинтана-Роо подъезжали только на судах. Их и открыли потому, что они были видны с моря.

Я вернулся в Пуа уже в сумерки. «Лидии» все еще не было. Меня это начинало беспокоить не на шутку. Я пробыл на маленьком кокале целых пять дней и, несмотря на все интересные события и волнующие находки, вовсе не собирался оставаться там вечно.

Продукты кончились, и, кроме того, я хотел к сроку поспеть в Британский Гондурас.

Хотя я и сам понимал, как бессмысленно оставаться в Пуа, все же для меня было полной неожиданностью, что сеньор Месос думает то же самое. На следующее утро, как только я проснулся, он пришел в хижину и прямо заявил, что мне нельзя тут оставаться.

— У нас нет еды, а «Лидия» не вернулась. Тебе надо уходить пешком.

Я не верил собственным ушам и пытался возражать. Это просто немыслимо, объяснял я сеньору Месосу, ведь он же сам говорил, что до Тулума нет троп, а идти надо тридцать пять миль. Я обязательно собьюсь с дороги.

— Если уж надо уходить, — сказал я наконец, — пусть меня проводит кто-нибудь из ваших сыновей.

Послать со мной сына сеньор Месос наотрез отказался. Я не мог понять, что это на него нашло, и с минуту был в полной растерянности. Пытаясь выяснить, в чем дело, я обратился к сеньоре Месос, но и от нее услышал то же самое. Лодка не вернулась, в Пуа мало еды, надо уходить пешком. Если я и внес свою долю в общий котел, так меня же здесь кормили. В заключение сеньора Месос посоветовала обратиться за помощью к Мигелю из Ака, он знает побережье лучше, чем они.

Разубедить их было невозможно. В полном отчаянии я направился к хижине, где висел мой гамак, чтобы обдумать создавшееся положение. Сначала все это казалось мне просто безумием. Разве я смогу дойти до Тулума в своих сандалиях? Мне уже по опыту было известно, какая тут трудная дорога. Да и где я сумею достать воды? Ведь идти надо не меньше трех дней. Однако больше, чем вода, меня беспокоили змеи и возможность заблудиться. Я уже раньше заметил, что во многих местах к морю подступают непроходимые болотистые заросли. Если я попытаюсь обогнуть их через джунгли, я обязательно собьюсь с дороги. А мой

хенекеновый мешок и голубая сумка? Разве я смогу тащить их целых тридцать пять миль по тропической жаре? Что же касается встречи со страшными чиклеро, то я старался об этом просто не думать. Единственная надежда была на Мигеля. Только бы он согласился проводить меня! Мигеля я почти не знал и все же почему-то был уверен, что он мне поможет.

Несмотря на требования сеньора Месоса, я решил остаться в Пуа еще на день. Если за это время ничего и не произойдет, я по крайней мере сумею отдохнуть перед дорогой.

Проснувшись на другое утро, я увидел, что сеньор Месос разговаривает с какими-то двумя мужчинами. Раньше я их здесь ни разу не видел. Откуда они взялись и зачем пришли? Все мне казалось подозрительным, и я даже пожалел, что не ушел вчера, не дожидаясь неприятных сюрпризов.

Один из мужчин оказался братом сеньора Месоса. У него был маленький кокаль Чуньююн в пяти милях к северу от лагуны Йочак. Второй — его работником, жившим с ним на кокале. Очевидно, они просто пришли навестить своего соседа. Я почувствовал себя увереннее, когда узнал, что один из них хорошо говорит по-испански. Я объяснил им, что хочу добраться до Белиза. Из Пуа я рассчитывал доехать на «Лидии» до местечка Танках, а уже оттуда — в Белиз.

По их виду было ясно, что они не поверили ни единому моему слову. И тогда впервые за все время я вдруг догадался, что вызываю у сеньора и сеньоры Месос, может быть, больше опасений, чем они у меня. Ведь семья живет совсем уединенно, рядом с джунглями, где скрываются опасные бандиты, поэтому нет ничего удивительного, что они сомневаются в моих истинных намерениях. К тому же я явился к ним, как чиклеро, без продуктов, только с парой сандалий, повсюду совал свой нос и проявлял неестественный

интерес к священным постройкам карликов. А моя борода и грязная одежда? Ну конечно, я не мог не вызывать подозрений.

Сообразив все это, я пустился в длинные и путаные объяснения. Я не бандит, не чиклери, а просто путешественник, мне надо сфотографировать руины, так как это очень важно для некоторых людей в Мехико. Однако вскоре я понял, что мои слушатели не имеют ни малейшего представления о фотографии. Что же касается моих разглагольствований о важности для Мехико разрушенных построек маленьких человечков, то это навлекло на меня еще больше подозрений.

Выручило меня появление на берегу какого-то мужчины. Он приближался к Пуа с южной стороны. С радостью я узнал в нем Мигеля. Очевидно, этот день был специально назначен для визитов. Мигель приветливо поздоровался со мной. Должно быть, он тоже рад был встрече. Я тут же объяснил ему, что нуждаюсь в его помощи, так как мне надо уходить из Пуа и добираться пешком до Тулума. Не может ли он проводить меня и поднести вещи? Мигель вовсе не был в восторге от такого предложения. Он стал объяснять, почему не сможет пойти со мной. Я перебил его, предлагая деньги, но это не произвело на него абсолютно никакого впечатления.

— Очень трудная дорога, — пояснил Мигель. — Пура пьедра (одни камни) и еще калета Ялкоу. Ее надо обходить через монте.

В конце концов Мигель все же согласился проводить меня.

— Я доведу тебя до кокаля Акумаль, — сказал он. — А там ты найдешь еще кого-нибудь, кто проводит тебя дальше.

Мы договорились, что, возвращаясь сегодня вечером в Ак, Мигель прихватит мой большой мешок, а я приду туда завтра утром с одной сумкой. Потом он

поведет меня через джунгли, в обход лагуны, к следующему кокалю. А дальше — как повезет.

Четверо мужчин вели оживленную беседу на языке майя, обмениваясь новостями. Язык этот, с которым я уже был немного знаком, почти всегда звучит очень мягко и вполне соответствует сдержанности индейцев майя. Речь их постоянно сопровождается жестами, однако это не драматическая жестикуляция итальянцев (или других европейцев), а очень спокойные, мягкие движения. В основном движутся только кисти рук, обращенные к собеседнику ладонью. Удивительные жесты, удивительный язык, единственное прямое наследие времен, когда майя были властителями Кинтана-Роо. Современный Юкатан во многом мог бы позавидовать древним майя.

Процветающее некогда побережье с многочисленными портами, такими, как Йочак, Пуа, Пуэрто-Чиле и Ак, превратилось теперь в дикие джунгли, у края которых лишь кое-где можно встретить одну-две хижины.

Я стал расспрашивать Мигеля о чиклеро, мне очень хотелось узнать хоть что-нибудь о их жизни. Тема эта, видно, всем пришлась по душе. Вскоре и сеньор Месос, и Мигель, и двое других мужчин рассказывали о чиклеро всякие истории. Тут были и воспоминания об убийствах, совершенных чиклеро, и кровавые оргии в крупных поселках вроде Леона-Викарьо (унылом аде из рифленого железа, где я побывал на пути в Пуэрто-Хуарес). В общем все самое страшное, что мне говорили о чиклеро, оказалось правдой.

Очевидно, на побережье Кинтана-Роо в районе промысла чикле (участок джунглей от Тулума до мыса Каточе) действует несколько компаний, но для чиклеро самые важные компании — это два их собственных клана, которые постоянно ведут войну друг с другом. Тут я впервые услышал имя знаменитого Эль-Кавамо,

бывшего главаря одной из этих партий (кавамо — большеголовая морская черепаха). Другой главарь и смертельный враг Кавамо получил ироническую кличку Ля-Тортуга (сухопутная черепаха). Из разговора я узнал, что три года назад Эль-Кавамо нашел в конце концов свою смерть. Этот человек, который всю жизнь выслеживал отдельных чиклеро из враждебного клана и убивал их, чтобы забрать у них чикле, был наконец схвачен возле Ака. Его поймали люди Ля-Тортуги, ранив при этом кинжалом в челюсть. Больше двух миль они тащили Эль-Кавамо до калеты Йочак, а оттуда на лодке увезли на Косумель. Он был убит на другой день в тюрьме. Слушая такие разговоры, я начинал понимать, что тут в монте было полным-полно этих чиклеро и что рядом с ними любой чикагский гангстер выглядел бы просто невинным ребенком. Основное правило чиклеро — стрелять при малейшем поводе и приканчивать своего противника ударом мачете.

Набравшись храбрости, я спросил, прекратилась ли теперь эта резня, и в ответ услышал совсем неутешительные слова. Нет, все остается по-старому до сих пор. Кажется, в январе, за три месяца до моего, приезда в Пуа, сеньор Месос нашел на берегу тело какого-то чиклеро с тридцатью ножевыми ранами.

— Бедняга умирал в течение восьми часов, — спокойно рассказывала сеньора Месос. — При каждом его вдохе высоко в воздух взлетала струйка крови.

Такие события были здесь в порядке вещей. Вероятно, несколько лет назад убитый оскорбил кого-нибудь и его убийца поклялся ему отомстить.

Я услышал еще много чудовищных историй о драках и кровавых потасовках, особенно в поселке Леона-Викарьо, где чиклеро, получив плату за чикле в конце сезона, регулярно напивались по субботам. После этих страшных вечеринок с вином и танцами около центрального барака в Леона-Викарьо неизменно

лежало два или три трупа. Сейчас сезон сбора чикле, очевидно, еще не наступил, и в лагерях чиклеро убийства случались не чаще раза в неделю. Однако никто не может сказать, сколько людей погибает в глубине джунглей во время сезона сбора, когда чиклеро сводят счеты друг с другом без свидетелей. Позднее мне пришлось услышать подтверждение этих историй из уст человека, возглавлявшего лагерь в Леона-Викарьо.

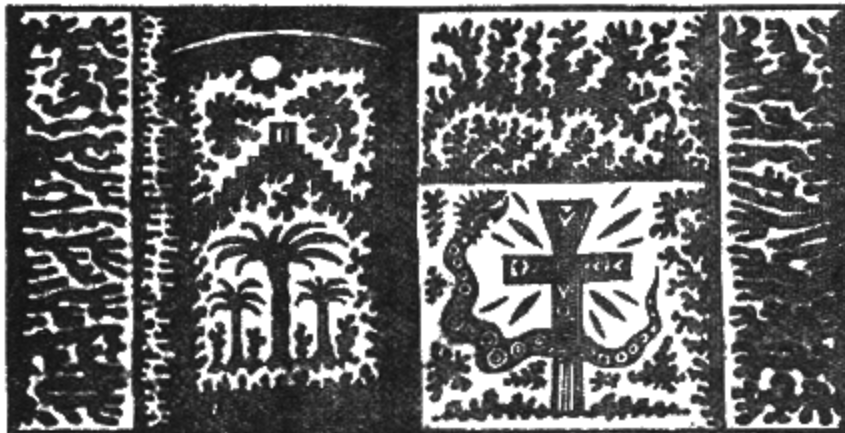
Тогда в Пуа я не мог поверить всему, что слышал. Если бы эти люди сами не были когда-то чиклеро, я бы вообще посмеялся над всеми их рассказами, как над пустой выдумкой. И действительно, чтобы поверить историям о чиклеро, нужно было понимать основы их морали, иметь представление об их мире, где смерть подкарауливает человека на каждом шагу и где спастись можно только ценой жизни другого. Смерть для чиклеро всего лишь спорт, забава. Одно слово, один не понравившийся взгляд, любой пустяк — вполне достаточный для них повод, чтобы лишиться человека жизни. И тем не менее эти жестокие люди были добры во многих отношениях. И Мигель, и работник брата сеньора Месоса, и многие другие чиклеро, которых мне потом пришлось встретить, в большинстве своем имели на счету по два или по три убийства, но никто из них не считал себя преступником. Слушая теперь рассказы о чиклеро, я вспомнил отчаянные драки в Тепостлане, когда индейцы хватались за нож по любому поводу. Чиклеро были лишь самыми буйными среди многих, бандой головорезов, которых ожесточила борьба за существование в джунглях, где их врагом была не только природа, но и каждый человек, не принадлежавший к числу верных друзей.

Как бы ни занимательны казались мне разговоры в тот день в Пуа, все же я извлек из них и полезные сведения о характере чиклеро и кокалеро (обитателей

кокалей). Там я усвоил свой первый урок, который в очень скором времени спас мне жизнь: никогда не разговаривать с чиклеро громким голосом и никогда при разговоре не прикасаться к ружью или мачете.

Со смешанным чувством смотрел я в тот вечер на свой хенекеновый мешок, который уносил на спине Мигель, убийца и мой друг. Сам я собирался отправиться в путь на рассвете...

5. Кокали и чиклеро

На другой день я поднялся до восхода солнца. Сеньора Месос тоже встала рано, чтобы дать мне на дорогу две дюжины испеченных накануне лепешек и связку сушеных черепаших желтков. С моря дул сильный восточный ветер, шумели пальмы, грохотал риф. Я пробирался вдоль берега в неясном призрачном свете раннего утра. Шагать по сухому рыхлому песку было очень трудно, поэтому я шел у самой воды по влажной полоске пляжа и вскоре наткнулся на жуткие остатки черепахи, убитой нами три дня назад. Ауры потрудились над ними основательно. Гладкий череп с двумя темными дырками глазниц блестел, как отполированный. Когда пляж кончился, я свернул в джунгли, чтобы избежать предательских острых скал на берегу. Однако я старался не слишком углубляться в чащу. Сквозь листву мне было видно, как восходит жаркое тропическое солнце, и я прибавил шаг, зная, что через несколько часов жара станет невыносимой.

В то утро я чувствовал себя особенно одиноким на этом затерянном в неведомых далях чужом берегу. Как я был далек тогда от мира, где людей подымает по утрам звонок будильника, а затем поглощает и несет на

работу общественный транспорт. Удивительно далекий мир, и, однако, я все еще чувствовал какую-то связь с ним.

Временами из темной чащи доносились странные звуки, заставляя меня всякий раз вздрагивать. Шагая по камням, я вспугивал иногда больших, похожих на пауков сухопутных крабов, которые стремглав уносились прочь, а у меня душа уходила в пятки. Чем больше я думал о змеях, выбирая место, куда поставить ногу, тем сильнее боялся их. Удастся ли мне заметить змею? А что, если я наступлю на нее? Мне не раз приходилось слышать о смертельно ядовитой «барба амарилья» (желтой бороде) и маленькой коралловой змее длиной всего пятнадцать дюймов, от яда которой жертва умирает в страшных мучениях меньше чем за пятнадцать минут. При одном только ее названии мне представлялись страшные картины. А еще есть такая же опасная змея «куатро нарисес» (змея с четырьмя ноздрями)... Однако меня скоро утомил страх перед змеями, и я стал относиться к ним более рассудительно, философски.

Меня всегда удивляло, что при ходьбе ум человека бывает очень активен, а в то утро буквально каждый мой шаг становился мыслью, надеждой, наблюдением, недоумением, вопросом. Отыщу ли я Мигеля? Не задумал ли он украсть мой мешок? А что, если я ему все-таки не понравился? Я был теперь в его власти, и никому даже в голову не придет искать меня здесь. К счастью, в то раннее утро на пути в Ак я еще не знал, что ждет меня впереди. Не знал, что мне предстоит пройти пешком до самого Британского Гондураса. Целых сорок дней шагать через бесконечные джунгли, болота, лагуны и пляжи этого самого дикого побережья Центральной Америки, название которого готическим шрифтом наудачу напечатал Болл, чтобы подогреть мой энтузиазм. Наивно было верить Боллу, но еще наивнее

было думать, что до Белиза можно добраться за неделю. Теперь Белиз стал труднодоступной целью. Между ним и Пуа лежало больше месяца неведомых опасностей и страха, лежал целый мир, из которого я вышел другим человеком.

Солнце уже поднялось высоко, когда, еле живой от усталости, я добрался наконец до кокаля Ак. От края кокаля мне были видны бесконечные ряды кокосовых пальм, а в середине его удивительная естественная пристань — скала с маленьким храмом. Не выйдет ли оттуда мне навстречу древний майя? Должно быть, у меня было такое же чувство, как у первых испанских конкистадоров, ступивших на неизвестную землю, такую не похожую на все, что они до сих пор привыкли видеть. Иная растительность, иной климат, необыкновенные люди с их удивительной культурой, не поддающейся оценке Запада. Недаром испанцы восприняли цивилизацию Нового Света как деяние дьявола. И в самом деле, разве не казалась дьявольской эта цивилизация, такая далекая, такая чуждая всем понятиям христианского мира? Испанцы даже не сразу признали, что у индейцев есть душа, зато довольно быстро обнаружили, что у них есть тело, и знаменосцы христианства стали также и распространителями сифилиса и разврата, превзошедшего все, что было известно индейцам доколумбовых времен.

Когда я вошел в хижину, Мигель готовил себе завтрак — какое-то неаппетитное на вид рыбное блюдо. Стряпал он по-холостяцки, неумело, испеченные им тортильи размером с граммофонную пластинку и толщиной в полдюйма невольно вызывали смех. Дружеская улыбка Мигеля успокоила меня. Заметив, что я обливаюсь потом, он тут же принес мне кокосовый орех. Мы сели с ним рядом на песок лицом к морю и принялись за завтрак. Теперь-то уж я постарался рассмотреть Мигеля как следует. Для индейца он был

довольно высокого роста, и только много времени спустя, уже по фотографии, я увидел, что Мигель намного ниже меня. Все его тело состояло из стальных мускулов, а грудь была широкая и очень мощная. Впоследствии, тоже по фотографии, я понял, что в его красивом индейском лице, в его пронзительном взгляде было что-то зловещее, и я бы наверняка испугался, если бы встретил этого человека где-нибудь на улице цивилизованного города. Но там, в Аке, на песчаном пляже он мне казался очень красивым. Бронзовое лицо, выразительные, словно высеченные резцом скульптора веки, высокие сильные скулы и изящный нос, образующий с покатым лбом одну плавную линию. Он был молод, поэтому вызывал у меня особенный интерес. Мне хотелось узнать его мысли и его восприятие действительности.

Однако я не в состоянии был понять склад ума майя, людей очень молчаливых. Такая молчаливость часто бывает просто невыносима для нас, болтливых европейцев, — экспансивных южан и речистых саксов. Философская сдержанность майя проявляется не только в разговоре, но и в чувствах. Это молчаливость полная смысла, а для меня — полная таинственности. Позднее мне пришлось узнать молчание Востока, негативное молчание китайца, который не говорит потому, что ему не хочется говорить. Может, это и банально — давать определение молчаливости, но все-таки скажу, что у майя она имеет особый смысл, и я надеюсь со временем понять его.

Как и большинство индейцев, Мигель отличался немногословностью. У него не было потребности европейца всегда объяснять свои действия. Он не говорил «начнем, пожалуй», «выпьем», «давай, давай», «минуточку» и прочих слов, на которые не ждут ответа, а просто сопровождают ими действие, подкрепляют принятое решение. Мигель же только действовал.

Когда он говорил, его фразы всегда имели точный смысл.

После еды Мигель поднялся и произнес одно лишь слово «коош», первое слово на языке майя, которое я узнал. Оно значило просто «идти». Не знаю, сколько раз мне приходилось слышать это слово, но оно скоро стало привычным и означало для меня, что путь еще не окончен, что надо идти дальше.

Мигель молча взял мой хенекеновый мешок, приделал к нему ремень из волокна хенеке и взвалил на плечи. Ремень охватывал его лоб. Заметив, как неловко я тащу свою сумку, он остановился и привязал к ней полоску материи, чтобы и мне можно было перенести нагрузку на лоб. Такой способ носить тяжести оказался на удивление удобным. Сумка сразу потеряла вес, да и руки освободились.

Кокаль Ак тянулся на две мили, а потом мы вышли на каменистый берег. Размытый морем серый коралловый известняк был сплошь покрыт острыми выступами и усеян дырками, будто сыр. Если тут упадешь, то весь изрежешься об острые края и зубцы. Вымытые кое-где глубокие ямки заставляли идти с величайшей осторожностью, так как об их края можно было в один миг сломать ногу.

Я не знал толком, куда мы идем и сколько надо еще пройти. От Мигеля я сумел узнать только расстояние в лигах — три лиги. Где-то я слышал, что одна лига равна двум с половиной милям, но вскоре мне пришлось пересмотреть такое определение. В Кинтана-Роо лига очень неопределенная единица, она означает расстояние, которое можно пройти за час, и изменяется в зависимости от характера местности и скорости пешехода. Три лиги казались мне бесконечными. Нам понадобилось четыре с половиной часа, чтобы добраться до Акумаля.

После часа ходьбы путь нам преградила лагуна среди высоких болотистых зарослей. Это была калета Ялкоу. Идти дальше по берегу моря стало невозможно. Вынув мачете, Мигель начал прорубать дорогу сквозь густые заросли. Передвигались мы очень медленно, ноги наши по щиколотку вязли в липкой, нагретой солнцем грязи.

Когда мы прошли ярдов триста, Мигель вскарабкался на ствол поваленного дерева и показал на стены полуразрушенного храма, выступающие над зарослями, — еще один след древних майя. Тут я впервые подумал, что испанским конкистадорам приходилось не так уж туго. Земля эта была тогда цветущим краем. Во всяком случае испанцы не страдали от бездорожья, они шли по тропам древних майя. Там, где теперь тянулись лишь дикие джунгли, раньше поднимались города и селения, в них всегда можно было найти воду, а может быть, кров и пищу. Нам же с трудом приходилось прорубать себе путь сквозь заросли. Я с восхищением смотрел, как ловко орудовал Мигель своим мачете. Срубленные сучья, корни, листья пальм валялись перед ним беспрерывно с обеих сторон. Под шум ударов и шелест падающих ветвей мы медленно продвигались сквозь чащу.

Через час снова показалась лагуна, бирюзовой рекой уходящая в глубь побережья, и вскоре мы уже шли по голому ноздреватому камню. К моему удивлению, это оказался естественный мост — тонкий пласт известняка, вымытый морем. Внизу со всех сторон голубела прозрачная вода — целая подземная сеть соединенных друг с другом маленьких сенотов, наполненных морской водой. По словам Мигеля, тут было царство ламантинов, удивительных тропических животных вроде тюленя. Ламантина считают виновником возникновения легенд о русалках. На это животное размером с крупного моржа индейцы

охотятся до сих пор ради его мяса. Говорят, что оно вкуснее свинины. Из толстой жесткой кожи ламантина делают хлысты и веревки. Есть поверье, что человек никогда не может оправиться после удара таким хлыстом. Как я ни всматривался в прозрачную голубую воду, где сновали яркие рыбки, увидеть прославленных ламантинов мне так и не удалось.

Солнце немилосердно жгло нам спины, пока мы шагали по камням среди сенотов. Как же отрадно было наконец вступить под прохладную сень джунглей! Мы снова принялись прорубать себе дорогу среди пальм и лиан. Ноги наши утопали в зловонной грязи, а вокруг головы гудели неотвязные комары. Ремни на лбу не давали двинуть шеей, и комары впивались в наши неподвижные лица. Казалось, Мигеля они несколько не беспокоят, я же все время размахивал руками, пытаюсь отогнать назойливых насекомых, благо руки у меня были свободны.

В час или два пополудни мы опять вышли к морю и по песчаному пляжу добрались до пальмовых рощ. Это был Акумаль. На берегу стояли три хижины, окруженные частоколом. Мигель издал свой особый крик «у-угх» и получил на него ответ. За частоколом появился низкорослый метис, он открыл нам ворота. Уставший до полусмерти после восьмичасовой дороги, я присел отдохнуть и попросил Мигеля срезать кокосовый орех. Утолив жажду, я собрался выяснять, можно ли заночевать в Акумале, но, оказывается, Мигель уже договорился, чтобы кто-нибудь проводил меня дальше. Сам он поспешил обратно в Ак, отказавшись принять от меня какую бы то ни было плату.

Я остался один с хозяином Акумаля. Звали его Руфино. Он велел мне подождать, пока его жена, красивая, миниатюрная индеанка в уипиле, пекла ему тортильи. Мне Руфино еды не предложил, а когда сам кончил есть, объявил, что проводит меня только до

конца кокаля. Там, в двух милях отсюда, жили четверо его рабочих, которых он нанял для сбора копры. Может быть, кто-нибудь из них и согласится проводить меня дальше.

Мы шли вдоль берега в тени кокосовых пальм. Я с трудом тащил свои мешки, стараясь не отставать от Руфино. Вдруг издали донеслись какие-то неясные звуки. Руфино остановился, и мы оба начали прислушиваться. Это был человеческий крик. Он становился все громче и громче, а потом в дальнем конце кокаля появился человек. Не переставая отчаянно кричать, человек направился в нашу сторону. Теперь я увидел, что это индеец. Весь взмокший, еле переводя дух, он подбежал к Руфино и что-то сказал ему на языке майя. Не успел я ничего сообразить, как Руфино повернулся и помчался обратно по берегу, оставив меня с индейцем, который все еще тяжело дышал и был чем-то сильно возмущен и взволнован. Явно тут случилось что-то серьезное. Мне вдруг захотелось бросить свои мешки и убежать вслед за Руфино.

Страх охватил меня еще сильнее, когда через несколько минут Руфино прилетел как безумный обратно. В руках у него было ружье. Не говоря ни слова, он выстрелил куда-то мимо нас и скрылся среди пальм.

Я стал расспрашивать индейца, что случилось, но тот почти не говорил по-испански. Сначала из всего потока слов я мог разобрать только то, что зовут его Бенансио и что он из Чан-Санта-Круса. Индеец с гордостью повторил это несколько раз.

Я уже был порядком наслышан об индиос сублевадос, поэтому старался держаться поосторожнее с этим индейцем, хотя и заметил, что у него не было никакого оружия, даже мачете.

Когда индеец наконец отдышался, я начал немного понимать, что он говорит. Очевидно, трое остальных

работников, нанятых Руфино, оказались грабителями. Они украли у Бенансио ружье и, что еще хуже, забрали его мачете. Вот Руфино теперь и бросился вслед за ними, предупредив выстрелом людей в соседнем кокале.

Вскоре я узнал, что именно эти трое грабителей плыли со мной на «Лидии» с Косумеля. В Акумале они нанялись на работу, чтобы при первом же удобном случае прихватить с собой все, что можно, и сбежать. Недаром эти трое показались мне подозрительными еще на «Лидии». Слава богу, что в Пуа мне не пришлось провести с ними ночь в одной хижине. Уходя на рассвете, они наверняка бы унесли с собой все мои вещи.

Продолжая тихонько ругать бандитов, забравших его мачете, Бенансио взвалил себе на спину мои вещи, и мы двинулись вдоль берега, сначала по рыхлому песку, а потом по камням. Бенансио шел впереди, я за ним.

Через два часа показался следующий кокаль. Там мы застали хозяина Акумала, который разговаривал с каким-то мужчиной. Грабители прошли через кокаль часа два назад, так что преследовать их не было смысла. Руфино решил вернуться домой, а Бенансио остался со мной. Кокаль назывался Матансерос. На мои расспросы о развалинах мне ответили, что тут есть только один дом, на самом кокале. Когда-то он принадлежал пиратам.

Разумеется, мне не терпелось взглянуть на пиратский дом, я попросил проводить меня туда и вскоре рассматривал еще один маленький прямоугольный храм майя в десяти ярдах от моря. Он был в приличном состоянии. Я тут же подумал, что если на берегу есть хоть одна постройка, то непременно кое-что найдется и в монте в нескольких милях отсюда. Так было в Пуэрто-Чиле, так было и во всех остальных местах, где я уже останавливался. Однако здесь мои

расспросы ни к чему не привели. Меня продолжали уверять, что постройка на берегу была убежищем пиратов. Как бы в подтверждение своих слов человек с кокаля Матансерос и Бенансио вошли в море и, стоя по колено в воде, принялись шарить по дну. Через минуту они с трудом стали что-то вытаскивать из воды. Мало-помалу среди легких волн, набегавших на скалы бухточки, где стоял маленький храм, я начал различать какой-то длинный, похожий на бревно предмет. Войдя тоже в воду, я с удивлением увидел, что это старинная пушка. Мужчинам в конце концов удалось вытащить ее на скалу. Конец пушки остался в море, и теперь из ее жерла время от времени выбивались фонтанчики воды. Все это было настолько удивительно, что я сперва просто не поверил своим глазам, продолжая разглядывать мокрую пушку, дерзко обращенную своим жерлом прямо на берег. В длину она достигала четырех футов, ствол был покрыт водорослями и ржаво-зеленым налетом. Должно быть, пушка была очень старая, если судить по ее калибру в сравнении с диаметром ствола. Мне сказали, что в тихую погоду на дне моря всего в нескольких ярдах от берега можно увидеть еще девять таких же пушек. Пушки объясняли возникновение легенды о сокровищах и веру людей в то, что дом на берегу некогда был прибежищем пиратов.

На секунду мне представилось, что я отыскал давно погибшее сокровище. В моем воображении галеон, потерпевший сотни лет назад крушение у пустынных берегов Кинтана-Роо, был нагружен золотом, которое он вез из Перу в Испанию.

На мой вопрос о сокровище владелец кокаля ответил, что он уже обыскал все вокруг, но ничего не нашел. Однако он уверен, что у кого-нибудь на Косумеле есть карта, где точно указано место. По его словам, три пиратских клада уже были найдены не то на Косумеле, не то на побережье Кинтана-Роо. Он даже

покаялся, что несколько лет назад капитан Канто, владелец судна, утонувшего в заливе Четумаль, нашел сундук с бриллиантами. Капитан Канто и до сих пор носит на пальце бриллиантовое кольцо из этого драгоценного сундука.

К сожалению, один я тут ничего сделать не мог и только сфотографировал пушку и храм. Уже после моего пребывания в Матансеросе туда отправилась экспедиция на розыски остатков кораблекрушения. С большим трудом удалось установить, что это было торговое испанское судно, затонувшее у побережья в конце восемнадцатого века. Через год после кораблекрушения часть груза была спасена, однако и нынешней экспедиции все же кое-что досталось, в том числе множество медных крестиков. Корабль назывался «Нуэстра сеньора де Матансерос». Последним словом стали называть местность на побережье, где затонуло судно.

Позднее я узнал, что точное место кораблекрушения определил американец Боб Маркс, очень способный молодой водолаз. Во время моего пребывания на побережье Кинтана-Роо он находился на Косумеле и как раз готовился к экспедиции.

Выпив сок еще одного ореха, мы с Бенансио отправились дальше. Около пяти часов мой проводник остановился и объявил, что ему нужно возвращаться обратно. Дальше я уже могу идти один. Примерно через час мне встретится кокаль Шкассель, там можно заночевать, а ему надо засветло вернуться в Акумаль. Идти один я, конечно, боялся, но выбора у меня не было. Узнав, что я хочу добраться до местечка Танках, Бенансио посоветовал мне завернуть по пути в его деревню в джунглях. Примут меня там хорошо, уверял он, и попросил передать его брату Пабло Канче, что он и сам скоро его навестит. Мне не хотелось забираться в глубь джунглей, но все же я пообещал выполнить

поручение. Тогда я даже и понятия не имел, что Бенансио посылает меня в одно из самых глухих поселений Кинтана-Роо, один из последних оплотов индиос сублевадос, знаменитых страшных индейцев Чан-Санта-Круса.

Около шести часов я вышел к широкому пляжу кокаля Шкассель, где стояли три хижины. Одна из них почти развалилась, но две другие были совсем крепкие. Жили в них двое мужчин и три женщины, все чистокровные индейцы. На мою беду, никто из них не говорил по-испански, а по выражению их лиц можно было вполне допустить, что они приняли меня за человека с Марса. Я сумел объяснить им жестами, что умираю от жажды и хотел бы переночевать у них на кокале.

Старая женщина пыталась что-то сказать мне на языке майя, а потом принесла в кalebасе воды, на вид не очень-то чистой. Я не решался ее пить, опасаясь амёб, но все же не рискнул опустить в воду дезинфицирующие таблетки, понимая, что мне дали напиться из общей посуды. Да и можно ли особенно привередничать после такой изнурительной двенадцатичасовой прогулки? Я выпил воду и отправился вешать свой гамак и противомоскитную сетку в старую, ветхую лачугу на берегу.

При свете маленькой свечи, которая была у меня с собой, я принялся записывать в дневник события минувшего дня. За этот день я прошел, должно быть, не меньше двадцати пяти миль. Вокруг стояла тишина, и лишь временами до меня доносились голоса моих хозяев. Я представил себе, как на меня набрасываются и отнимают вещи. Тогда я еще не знал, что у индейцев существует неписанный закон гостеприимства. Если уж вы попали в их дом, никакой беды с вами не случится.

Так я и задремал с мыслью, что меня зарежут во сне. Около полуночи я вдруг проснулся. Вокруг меня

была сплошная темь, и чья-то рука дергала мой гамак. От страха я вывалился из гамака и уже было схватился за нож, но в это время в темноте прозвучало по-испански:

— Вставай, идем в Танках.

Полусонный, я никак не мог сообразить, что происходит. На минуту все это показалось мне сном; мне даже представилось, что я уже умер, но тут ко мне приблизился огонек, и я разглядел человека, разбудившего меня. Это был хозяин Акумаля. Оказывается, Руфино вернулся вчера на свой кокаль за мулом, собираясь продолжать преследование грабителей, которых упустил утром. Из Акумаля он выехал ночью, в Шкасселе узнал, что я тут остановился, и вот теперь предлагал мне ехать с ним в Танках.

Все еще полусонный, я собрал свои мешки. Руфино укрепил их на спине маленького белого мула, а потом, к моему разочарованию, сам взобрался на мула, протянул мне керосиновый фонарь, велел взять узду и идти вперед. С фонарем в руках я шел среди ночи и, как Санчо Панса, вел за собой Дон-Кихота. Все в этой картине казалось мне явно не на месте. За пять долгих, изнурительных часов форсированного ночного марша мне, конечно, не могло не прийти в голову, что я со своим ростом в шесть футов и реденькой бороденкой должен был восседать верхом на муле, а круглолицый сеньор Руфино, без сомнения, мог бы стать отличным Санчо.

Я сразу почувствовал, насколько труднее идти по берегу и по джунглям ночью. Керосиновая лампа едва освещала землю, и, хотя вдоль берега тут была проложена тропинка, огибавшая скалистые участки, я все же спотыкался на каждом шагу. В призрачном свете лампы передо мной колыхались тени пальмовых листьев, и мне все время мерещилось, что из темноты на нас вот-вот набросятся тысячи диких животных и

змей. Днем я уже отшагал целых двенадцать часов, почти не спал в Шкасселе и вот теперь валился с ног от усталости, почти засыпая на ходу. От всего долгого пути в памяти у меня остались только движущиеся тени пальм, бесконечный зеленый туннель, освещенный лампой, и темнота за пятном света, темнота, откуда вдруг появлялась голова мула, которому не раз случалось подталкивать меня сзади. Зато я очень хорошо помню, как после непрерывного пятичасового пути, умирая от жажды, я наконец оказался на кокале. Из-за моря в пламенеющих красках зари начинало подыматься солнце. Было, наверное, часов пять утра. Наконец-то мы прибыли в Танках. За последние двадцать четыре часа я прошел целых сорок миль. На такой путь уходит обычно не меньше трех дней.

Теперь можно было вздохнуть свободно. Отсюда я рассчитывал продолжать свое путешествие морем и надеялся в скором времени быть в Белизе. Минувшие восемь дней, когда я вел жизнь кокалери и открывал древние храмы майя, казались мне лишь короткой интермедией. Я уже мечтал о горячем кофе, напитках со льдом и о всех других маленьких удовольствиях, к чему в сущности сводится цивилизация. Однако очень скоро мне пришлось разочароваться.

После пустынного побережья и первобытной простоты Пуа местечко Танках с его каменным домом, двумя сараями под железной крышей и четырьмя пальмовыми хижинами, несомненно, казалось уже частицей цивилизации.

Когда мы появились в Танкахе, там еще спали, но яростный лай собак возвестил о нашем прибытии, и вскоре из каменного дома с плоской крышей вышел полуодетый сонный человек. Это был сеньор Хорхе Гонсалес, больше известный как дон Хорхе.

Руфино объяснил ему в двух словах причину своего прихода. Накануне вечером дон Хорхе и вправду видел

троих бандитов, они просились работать на кокаль, но он им отказал наотрез. Когда дело с преступниками более или менее прояснилось и от погони решили отказаться, дон Хорхе с удивлением посмотрел на меня и спросил, что же я-то делаю тут, на побережье. Он перевидал немало иностранцев, прибывавших в Танках морем с Косумеля, но еще ни разу не видел, чтобы кто-нибудь приходил сюда по суше. Вероятно, я вызывал у него подозрения, пока не объяснил, какие у меня планы и почему я оказался на побережье.

Выслушав мой рассказ, дон Хорхе сердечно пригласил меня в свой дом и угостил горячим кофе. Это был высокий, стройный и довольно элегантный человек. Кокалем Танках он владел вместе со своими тремя братьями. К одному из братьев, по имени Пепе, у меня и было письмо от Альберто Руса. Каждый брат приезжал на это ранчо вместе с семьей и проводил тут по три месяца в год, присматривая за пальмовой плантацией и за приемным пунктом чикле, который они держали во время сезона сбора.

У дона Хорхе были скверные для меня новости. Раньше месяца никаких судов в Танкахе не будет. Всего лишь несколько дней назад сюда уже заходило судно с грузом и партией чиклеро, а то, которое придет через месяц, отправится потом на Косумель.

— Суда на Белиз тут никогда не останавливаются. Что поделаться, придется вам ехать обратно на Косумель.

Это меня совсем не устраивало. Однако в то утро я был слишком утомлен, чтобы обдумывать свой следующий шаг. С разрешения дона Хорхе я повесил гамак в одном из его складов и сразу уснул.

Проснулся я к полудню. За стенами темного помещения, где я спал, вовсю палило солнце. Выбираясь из гамака, я с ужасом увидел, что ноги у меня невероятно распухли, стали огромные, как корабли. С трудом удалось мне доковылять до

каменного дома, где жил дон Хорхе с семьей. Увидав мои ноги, сеньора Гонсалес принесла какую-то мазь. Опухоль от нее скоро опала, ноги приняли нормальные размеры, однако они были все в ссадинах и порезах, а в тех местах, где проходили толстые ремни сандалий, сильно растерты.

После скромного завтрака, который показался мне просто роскошным пиром в сравнении с моим недавним меню из черепаших яиц, я принялся вместе с доном Хорхе обсуждать создавшееся положение. Как я уже узнал, рассчитывать на пароход раньше месяца не приходилось, а маленький аэродром около Танкаха сейчас не действовал из-за приближающегося сезона дождей. Дон Хорхе предложил связаться по радио с Меридой, чтобы оттуда обо мне дали, знать на Косумель. С острова могут выслать судно, хотя это будет стоить недешево. Однако дон Хорхе предупредил, что затея эта не совсем надежна, так как с началом сезона дождей ни одно судно не рискнет пройти через проход в рифах. Иногда проход бывает недоступен по несколько месяцев подряд. В общем обнадежил меня, нечего сказать!

Но что еще можно было придумать? Придется запастись терпением и ждать, если только дон Хорхе согласится оказывать мне гостеприимство целый месяц, а может, и больше. Но ведь, если даже с Косумеля за мной пришлют суденышко, мне все равно потом как-то надо добираться до Белиза. Или же сразу признать свое поражение и вернуться в Мериду.

Вечером, лежа в гамаке, я перебирал в уме события недавних дней и прикидывал примерный план на будущее. Мне не хотелось признавать себя побежденным, я должен попасть в Белиз во что бы то ни стало. Да, дело решенное! Я отправлюсь туда пешком.

На следующее утро, когда я сообщил о своем решении дону Хорхе, он ответил, что я просто сошел с ума.

— Можешь ты понять, — сказал он, — что до Белиза больше двухсот миль? Ни одной тропинки, ни одного населенного пункта.

— А Вигия-Чико? — спросил я, показывая на своей карте маленький порт в глубине залива Асенсьон.

Дон Хорхе ответил, что Вигия-Чико вместе с несколькими кокалями, расположенными к югу от Танкаха, начисто сметены ураганом Жанет. Да и раньше это была всего лишь маленькая, заброшенная в глуши станция узкоколейки с тремя хижинами. Железная дорога, по которой мулы возили вагонетки, тоже исчезла уже много лет назад. Теперь я видел, что моя карта не только не была точной, но и устарела на полсотни лет. Такие пункты, как Пуэрто-Мадеро, на самом деле никогда не существовали, а город Чан-Санта-Крус был разрушен индейцами еще в 1915 году.

И тут дон Хорхе рассказал мне кое-что об этих наводящих дикий страх индиос сублевадос и об их удивительной истории.

В 1847 году на полуострове Юкатан разразилась война, известная под названием «война рас». Это было восстание майя против мексиканцев. С кличем «Смерть белым!» индейцы поднялись против своих угнетателей не в силах больше терпеть несправедливость.

Восстание началось в районе, который теперь называется Кинтана-Роо, и быстро распространилось на весь полуостров. В те времена в Кинтана-Роо было сравнительно густое население. На пустынной теперь территории встречалось тогда много маленьких поселений и больших асьенд.

Индейцы шли на север, число их все возрастало, и по пути они убивали всех мексиканцев. На границе штата Юкатан и территории Кинтана-Роо индейцы

взяли город Пето. Эта победа укрепила их силы, «поход мести» продолжался. Повсюду индейцы покидали асьенды и присоединялись к восставшим. Вскоре они атаковали Вальядолид, в те времена один из важнейших городов Юкатанского полуострова. После короткой, но кровавой осады город был взят, и жители его истреблены. Затем индиос сублевадос направились к Мериде, по пути одерживая над мексиканцами одну победу за другой. Казалось, ничто не может остановить их, и они в кровопролитных битвах выметут из Юкатана всех мексиканских захватчиков. Потомки древних майя собирались отвоевать свою землю. Юкатан должен был стать первой территорией в Америке, возвращенной своим законным владельцам. Индейцы осадили Мериду. Положение мексиканцев было безнадежным. И тут, когда все уже казалось потерянным, произошла странная вещь. Жители вот-вот готового сдаться города вдруг увидели, что индейцы уходят. Победа уже была у них в руках, но они отступили.

Внезапный уход майя не был ниспосланным богом чудом во спасение жестоких мексиканцев. Это был неодолимый зов земли, который почувствовали индейцы с наступлением посевной поры. Как и во времена древних майя, отряд индейцев распался, все разбрелось в разные стороны. Каждый из них знал, что «войне свое время, а битве за хлеб — свое». Индиос сублевадос все еще чтили эту традицию, помнили о ней даже в самый канун победы над своими захватчиками. Кроме того, майя всегда строго соблюдали законы ведения войны, а мексиканцы их отвергали. Вот почему в самом начале испанцам удалось захватить майя (однако это завоевание длилось почти двести лет, последние майя капитулировали лишь в 1696 году, в Гватемале, где они боролись с испанцами с 1519 года). И вот опять индейский обычай принес спасение мексиканцам на Юкатане, так как после быстрого и

неожиданного ухода отрядов восставших индейцев мексиканцы постепенно вновь обрели власть над той территорией, которую теперь занимает штат Юкатан.

Но «мятежные индейцы» все еще господствуют в Кинтана-Роо, они нисколько не поступились своей независимостью. Через три года после их неожиданного отступления появились первые индейские «говорящие кресты». На поляне в джунглях на стволе махагониевого дерева был вырезан крест, который чудесным образом стал говорить. Он убеждал индейцев снова взять в руки оружие.

«Говорящий крест» долгое время оказывал на индейцев необыкновенное влияние. Место, где он появился, называлось Чан, позднее там выросло поселение — город Чан-Санта-Крус, который еще совсем недавно был столицей «мятежных индейцев».

До появления Кортеса у древних майя существовало довольно много «говорящих идолов», они подобно оракулам из Дельф наставляли всех, кто к ним приходил за советом. Вот почему «говорящий крест» Чана имел такой успех и почему индейцы (их называли индейцами Чан-Санта-Круса) с такой готовностью отвечали на призывы к войне.

Первый «говорящий крест» вскоре был заменен тремя крестами, ставшими объектом особого религиозного культа. Их поместили в специальный храм, при котором находились стражи и военные вожди. Во главе стоял метис Хосе Мариа Баррера, который использовал индейца Мануэля Нуата как чревовещателя... Кресты говорили на языке майя и даже посылали письма британскому правительству с требованием снабдить индейцев оружием для борьбы с мексиканцами.

Пятьдесят лет господствовали индейцы Чан-Санта-Круса в Кинтана-Роо, подписывали соглашения с Британским Гондурасом и управляли своей небольшой

территорией. В 1895 году они потребовали, чтобы Кинтана-Роо была присоединена к Британскому Гондурасу, и англичане обсуждали это требование с мексиканским правительством. Они получили резкий отказ, а мексиканцы сразу же решили послать экспедиционный корпус для покорения Кинтана-Роо.

Так начался второй период в удивительной истории восставших майя, этих наводящих страх индиос сублевадос, которые и по сей день считают себя единственными хозяевами Кинтана-Роо.

В 1899 году, когда президентом Мексики был Порфирио Диас, правительство послало на усмирение индейцев Чан-Санта-Круса, причинявших ущерб мексиканской гордости и единству, генерала Игнасио Браво.

Генерал Браво был отчаянный мексиканец и персонаж, достойный оперетты. Облачась в шитый золотом мундир, он геройски выступил на завоевание последних мятежных майя.

Следуя на юг с небольшой армией, Игнасио Браво миновал Мериду и направился к Кинтана-Роо. Однако то, что генералу Браво представлялось простой военной вылазкой против кучки первобытных индейцев, в действительности оказалось совершенно иным делом. Во время похода его солдатам приходилось пробиваться не сквозь мятежных индейцев, а сквозь густые малярийные джунгли.

Три года мексиканские отряды под предводительством своего опереточного командира, облаченного теперь уже не в столь пышный мундир, медленно пробивались сквозь ад джунглей Кинтана-Роо, постоянно подвергаясь риску нападения хорошо вооруженных и неуловимых воинов Чан-Санта-Круса.

Наконец измотанные мексиканские отряды вступили в покинутый жителями город Чан-Санта-Крус. Формально генерал Браво одержал победу, и

мексиканский флаг некоторое время развевался над руинами города, переименованного теперь в Санта-Крус-де-Браво. Однако переименование города еще не означало победы. Генерал Браво с ужасом понял, что он оказался тут в окружении мятежных индейцев, что он отрезан от остальной Мексики непроходимыми джунглями. Генерал и его солдаты могли теперь только зализывать свои раны и ухаживать за малярийными больными. А повсюду вокруг них притаились и выжидали враждебные индейцы. Генерал Браво не потерпел поражения, но он оказался пленником в столице индиос сублевадос.

Во главе индейцев стоял человек, известный впоследствии как генерал Майо. Искусный полководец армии индейцев, генерал Майо был вождем в истинном традиционном смысле древних майя. Его боялись и уважали, и он знал о своем превосходстве над генералом Браво. Однако Майо вовсе не торопился вступать сейчас же в битву, он просто наблюдал, как с каждым днем положение генерала Браво становилось все тяжелее.

Окруженный со всех сторон индейцами, генерал Браво стал укреплять и заново отстраивать Санта-Крус. Его первой заботой была постройка дороги во внешний мир, чтобы подвозить продовольствие. Это ему удалось осуществить. Через джунгли был проложен путь к морю, к заливу Асенсьон. Так был основан порт Вигия-Чико.

Можно было подумать, что после установления связи с морем положение генерала Браво улучшится и что в конце концов он окажется тем конкистадором, каким он себя воображал. Но все обстояло совсем иначе. На его отряды постоянно нападали, и очень часто индейцы перерезали дорогу к морю.

Можно было также подумать, что генерал Браво малость свихнулся. В своем «городе-тюрьме» он

каждый день заставлял больных малярией солдат маршировать под музыку старомодного оркестра. Однажды сын генерала Браво приказал оркестру играть без ведома отца, за это генерал застрелил его на месте. Не удивительно, что многие солдаты становились дезертирами, убегали в джунгли, где их вскоре убивали индейцы. Единственное пополнение генерал Браво мог найти среди преступников, так что со временем Санта-Крус-де-Браво превратился в лагерь уголовников.

В 1911 году президент Порфирио Диас ушел в отставку. Когда произошла Мексиканская революция, генерал Браво был отстранен от командования. Его преемник столкнулся здесь с довольно тяжелой обстановкой. Приходилось управлять территорией, населенной враждебными индейцами да к тому же наводненной бандитами. В конце концов он вынужден был вернуть Санта-Крус-де-Браво индейцам.

Индейцы Чан-Санта-Круса снова вступили в свою столицу в 1916 году. Они взорвали там все здания, построенные мексиканцами. Кинтана-Роо теперь опять принадлежала майя, а генерал Майо был официально признан вождем индиос сублевадос.

Индейцы по-прежнему считали себя, независимыми. Иногда они заключали торговые сделки с Британским Гондурасом и даже сдали часть своей территории в концессию английским лесопромышленным фирмам. Надо сказать, что по деловитости индейцы Санта-Круса нисколько не уступали англичанам. Однажды они разрешили английской компании рубить махагониевые деревья, назначив плату в одно песо за три срубленных дерева. Английская фирма тут же приступила к строительству узкоколейки для вывоза бревен. Когда строительство было закончено, индейцы заявили, что в договоре не было условия о валке леса для шпал, и настаивали на расторжении договора, требуя платы в

одно песо за каждую шпалу. Этих шпал было уложено сотни тысяч, так что компании пришлось отступить.

С тех пор прошло немало времени, а индейцы Чан-Санта-Круса по-прежнему остаются хозяевами Кинтана-Роо. Всех чужеземцев, проникавших на их территорию, они убивали, или же их судьбу решал совет во главе с генералом Майо. Если косумельцы терпели кораблекрушение или по какой-нибудь другой причине оказывались на берегу Кинтана-Роо, их уничтожали без разговоров. Однажды у побережья разбилось судно с Косумеля, на котором было шесть взрослых мужчин и один мальчик. Индейцы убили всех мужчин, но мальчика пощадили. Какой-то индеец, увидев у него в руках книжки, предложил ему остаться у них и научить их читать и писать. Индейцы взяли его потом в Чан-Санта-Крус, свою столицу. Этот мальчик (теперь уже старик) до сих пор жив и даже сейчас все еще остается у индейцев «заложником», хотя и добровольным.

История индейцев Чан-Санта-Круса не кончается на возвращении им столицы. С 1915 года и почти до наших дней они оставались полными хозяевами внутренних районов Кинтана-Роо. Между мексиканцами и знаменитым генералом Майо был подписан мирный договор, по которому мексиканское правительство признавало солдат Майо официальным войском и утверждало административное устройство Чан-Санта-Круса.

Индейцы все еще проявляли враждебность, но она была значительно ослаблена к тому времени, когда здесь разразился бум из-за чикле, очень быстро изменивший весь облик Кинтана-Роо. Генерал Майо извлек из этого бума выгоду, так как именно у него компании должны были получать разрешение на добычу драгоценного сока. В 1935 году цены на чикле сильно упали, его добыча намного сократилась. С тех

пор население Кинтана-Роо с каждым годом уменьшается.

В том же 1935 году мексиканское правительство еще раз попыталось навести порядок в Кинтана-Роо. Официально были признаны полномочия всех соратников генерала Майо (вождей разных поселений), а сам Майо даже переехал в Мехико. Однако бедного генерала слишком оглушил современный город, а мексиканцы слишком злоупотребляли его наивностью, так что в скором времени его чуть ли не полуживого пришлось отправить обратно в Кинтана-Роо, где он и умер в 1952 году.

Подписав в 1935 году мирный договор, мексиканцы быстро сумели стать хозяевами положения. Они посылали своих людей в Санта-Крус, который теперь носил менее христианское название Фелипе-Каррильо-Пуэрто.

Целых девяносто лет индейцы Чан-Санта-Круса без всякой поддержки извне, отрезанные от всего мира боролись за свою независимость. За эти долгие годы борьбы их численность сильно сократилась. Да к тому же многих индейцев голод вынуждал покидать Кинтана-Роо и искать работу в мексиканской части Юкатана. А среди оставшихся сильные опустошения производила малярия и другие инфекционные болезни. В 1935 году, после заключения мира, в Кинтана-Роо осталось не больше десяти тысяч индейцев.

Продолжая свой рассказ, дон Хорхе Гонсалес сообщил, что, когда его отец впервые прибыл в Кинтана-Роо и основал кокаль Танках, ему постоянно приходилось сталкиваться с индейцами, которые считали землю своей и взымали за нее плату.

Необычайная история индейцев Чан-Санта-Круса не заставила меня изменить свои планы, как рассчитывал дон Хорхе. Наоборот, я стал стремиться на юг с еще большим рвением. В конце своего рассказа дон Хорхе

сообщил, что и после заключения договора в 1935 году индейцы продолжали вести независимый образ жизни. Со временем их численность сократилась еще сильнее, и теперь настоящих индейских поселений осталось не больше полудюжины. Самое ближайшее из них, Тулум, расположено в глубине джунглей, в четырнадцати милях от знаменитых развалин на берегу моря.

Вспомнив, что индеец Бенансио просил меня зайти в Тулум к его брату Канче, я сказал дону Хорхе о своем намерении отправиться туда. Ведь такое поручение может послужить для меня хорошим предложением и рекомендацией. Но дон Хорхе предупредил меня, чтобы я действовал очень осторожно, так как за последние годы чиклеро заставили индейцев относиться с опасением к любому пришельцу.

При мысли увидеть последних индиос сублевадос да к тому же еще узнав, что некоторые офицеры генерала Майо до сих пор живут в поселениях прибрежного района, я окончательно решил идти на юг пешком.

После своих столкновений с чиклеро я понял, что индейцев мне надо опасаться гораздо меньше или даже не опасаться совсем. Сильнее всего меня беспокоила мысль о двух заливах с болотистыми берегами, которые лежали на моем пути, — Эспириту-Санто и Асенсьон. Тут дон Хорхе не мог дать никакого совета. Сам он из Танкаха никогда не отлучался и знал только, что севернее залива Асенсьон есть два кокаля, а между заливами Асенсьон и Эспириту-Санто еще один кокаль. Что за дорога идет дальше, он совсем не знал. Когда-то к югу от Эспириту-Санто тоже были кокали, но недавние ураганы смели их начисто.

— Сомневаюсь, — сказал дон Хорхе, — что ты сумеешь пройти дальше залива Асенсьон. Конечно, если найдется проводник, ты можешь идти через джунгли и добраться до Фелипе-Каррильо-Пуэрто, бывшего Чан-Санта-Круса, а там уже отыщешь тропы для мулов, что

ведут к Четумалю. Сейчас заканчивается строительство дороги от Фелипе-Каррильо-Пуэрто до Четумалья. Впоследствии она соединит Четумаль с Меридой.

Однако меня такой путь не устраивал. Уж если я хочу добраться до Белиза пешком, лучше идти прямой дорогой, чем в обход.

Теперь я уже был закаленным пешеходом, чувствовал уверенность в своих силах и знал, что на худой конец можно попытаться пройти около самой береговой линии. Но в глубине души я все же надеялся встретить какого-нибудь индейца, который бы согласился стать моим проводником.

Мое решение пробиваться пешком к Белизу со стороны могло бы показаться чистейшим безумием. Но я думал, что, если уж все будет складываться плохо, всегда можно вернуться обратно в Танках. От Белиза меня теперь отделяли двести миль. Двести миль девственной, неисследованной территории. И конечно, я рвался вперед. Если мне уже удалось открыть четыре никому до сих пор не известных поселения древних майя, то сколько же открытий ждет меня впереди! К тому же после черепаших яиц я готов был есть все что угодно. А у индейцев наверняка найдется какая-нибудь дичь, и, без сомнения, это будет лучше того, чем я питался на кокалях.

На следующее утро, купив у дона Хорхе мазь от комаров, несколько фунтов печенья и две дюжины пачек сигарет, я отправился на его джипе к развалинам Тулума. Вполне сносная дорога сперва шла вдоль кокаля дона Хорхе, а затем сворачивала к другой, отдаленной плантации Гонсалесов. Проехав пять миль, мы миновали посадочную площадку, расчищенную в джунглях позади утеса, поднимающегося над морем. Странно было подумать, что благодаря этой полянке я могу через несколько часов оказаться в цивилизованном мире, тогда как на земле меня

отделяла от него целая сотня миль непроходимых джунглей. Втайне я радовался, что сезон дождей сделал посадочную площадку непригодной. Очень уж не хотелось встретить в Тулуме туриста, прибывшего по воздуху, в то время как сам я потратил столько усилий, добираясь до развалин пешком.

Современный мир полон всяких контрастов. Порой человек из далекого первобытного племени садится в самолет, когда он и велосипеда-то еще в глаза не видел. В сущности теперь уже нет такого места на земле, куда бы нельзя было долететь за шесть часов из крупного столичного города. Каждый день самолеты проносятся через пустыни над головами людей, умирающих от жажды. Вот и такое глухое местечко, как Тулум, может оказаться близко к цивилизованному миру, если есть возможность использовать самолет.

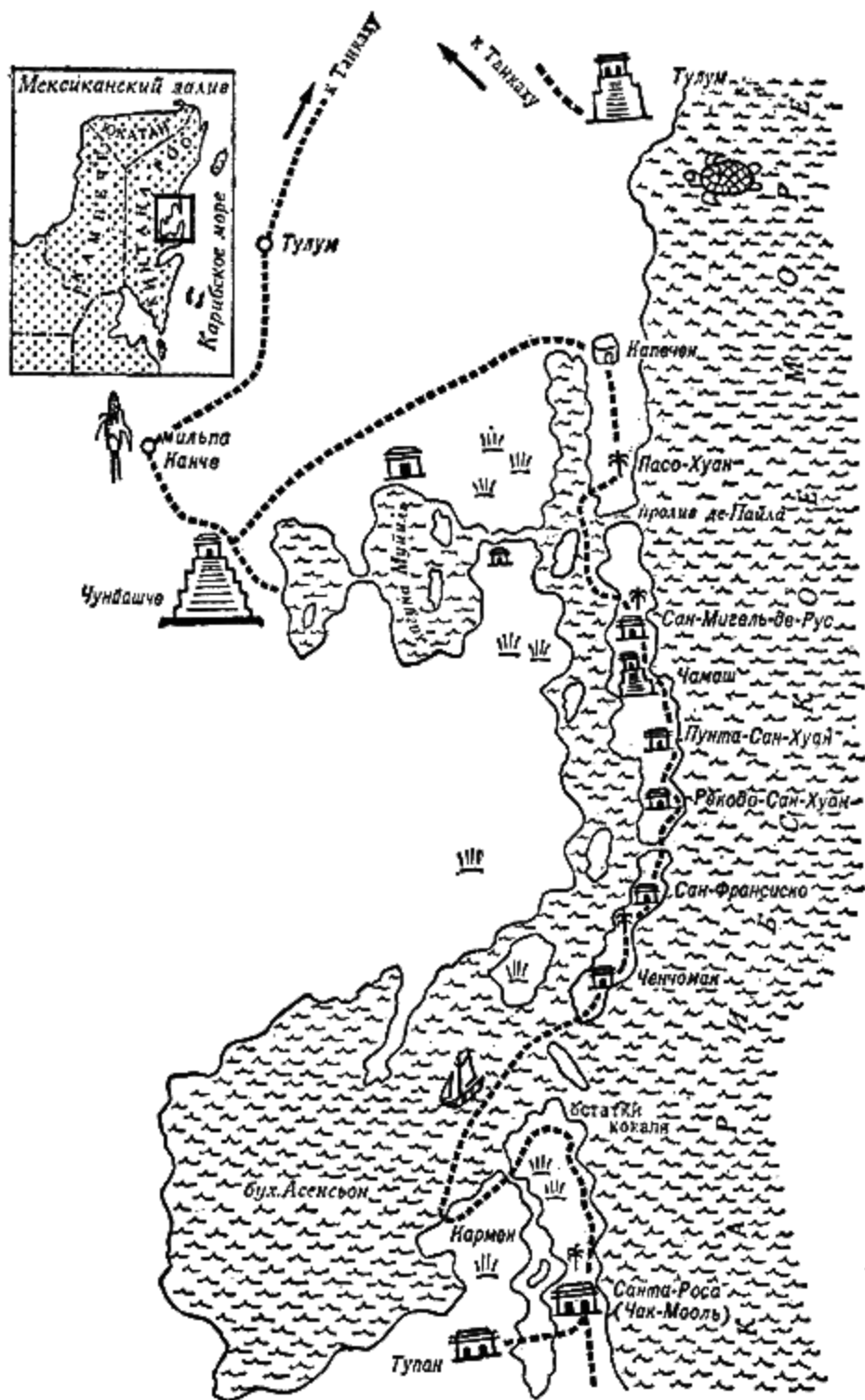
Когда мы миновали аэродром, дон Хорхе рассказал мне, что около тридцати лет назад во время аэрофотосъемки побережья Кинтана-Роо в Танкахе побывал Линдберг. Он высадился как раз перед кокалем.

Смешанные чувства владели мною, когда я попрощался с доном Хорхе Гонсалесом и он уехал обратно, оставив меня одного перед высокими стенами, опоясывающими город Тулум. Мне говорили, что у развалин древнего города в заброшенном маяке живет какой-то индеец. У него я и собирался остановиться на ночь.

Среди всех известных крупных городов майя Тулум, несомненно, самый удивительный и величественный. Когда испанцы впервые оказались у побережья Кинтана-Роо, они сравнили Тулум с Севильей. Устрашающее зрелище, должно быть, представлял тогда город для испанцев, ведь это был первый знак, что на Американском континенте существует некая могущественная культура. Колумб во время своих

плаваний видел только первобытных индейцев, живущих в хижинах. Еще не были известны ни Перу, ни ацтекская Мексика, когда испанцы вдруг увидели этот город Нового Света, город Тулум, на вершине единственной скалистой возвышенности на побережье Кинтана-Роо.

Первый город, увиденный испанцами, оказался последним городом, которым овладели их потомки, если только можно сказать, что Тулум даже сейчас принадлежит мексиканцам. Разве он не был последним оплотом индейцев Чан-Санта-Круса? За три с лишним сотни лет испанского и мексиканского владычества Тулум оставался гордым и независимым городом майя. И можно с полным правом сказать, что Тулум так никогда и не был завоеван. В 1935 году он был передан мексиканскому правительству генералом Майо.

Путь от деревни Тулум до развалин Тупака

Археологическая история Тулума еще более удивительна. В марте 1842 года Тулум был как бы

открыт заново Стефенсом и Казервудом, двумя знаменитыми основателями археологии майя. Они прибыли в город с моря за пять лет до восстания индейцев Чан-Санта-Круса. Затем в течение семидесяти пяти лет у развалин не побывало ни одного иностранца, так как город стал оплотом восставших индейцев. В 1895 году враждебность индейцев помешала высадиться на побережье экспедиции Алисона В. Армура. Правда, с яхты было сделано два наброска города. В 1911 году индейцы вынудили покинуть Тулум исследователей Хоу и Пармели, после того как они пробыли в нем два дня. Доктор С. Г. Морли с разными спутниками высаживался у Тулума в 1913, 1916 и 1918 годах. В 1922 году в сопровождении доктора Самюэля К. Лотропа Морли снова прибыл в Тулум с острова Косумель. Это происходило все еще во времена владычества индиос сублевадос.

Когда доктор Морли и доктор Лотроп высадились на побережье, их встретила делегация свирепых на вид вооруженных индейцев. Они спросили археологов, есть ли у них письменное разрешение королевы Виктории. Несмотря на всю смехотворность подобного требования, индейцы были настроены враждебно и, без сомнения, убили бы археологов на месте, если бы те не постарались объяснить положение, рассказав длинную историю о смерти королевы и о существовании наследника престола.

Затем доктора Морли осенила гениальная мысль, что и спасло им жизнь. Он продемонстрировал индейцам фонограф, так их поразивший, что они позволили археологам спокойно произвести исследования.

Тулум — один из немногих городов майя, обнесенных стеной. Стена окружает город с трех сторон, а четвертой стороной прямоугольника служит море. В каждом углу стены поднимается

четырехугольная постройка, по стилю напоминающая маленькие храмы, какие я все время встречал на побережье. В городской стене было только три довольно узких прохода. Защитить их было совсем нетрудно, так что Тулум оставался фактически неприступным.

Скалистый обрыв около пятидесяти футов высотой делал город неприступным с моря, хотя в одном месте скалы расходились. Зажатый между этими скалами песчаный пляж служил причалом тулумской флотилии больших лодок. Высоко над ним, на самом краю обрыва, стоит Кастильо (замок) — громадное здание, обращенное к морю своей глухой задней стороной, где подымается мощная башня. Эта величественная цитадель и до сих пор вызывает благоговейный трепет. Недаром же испанцы не захотели высаживаться на побережье Кинтана-Роо.

К входу в Кастильо ведет монументальная лестница, украшенная у основания двумя огромными головами дракона. Тот же рисунок повторяется в базе двух колонн, поддерживающих вход в храм, возведенный на верху замка. Отсюда открывается величественная панорама. Прежде, пока я не взобрался на Кастильо, я просто не представлял, что такое необъятность джунглей. Сверху на все стороны был виден ровный, бесконечный, таинственный горизонт. На западе протянулось безбрежное море джунглей, где зеленые волны верхушек деревьев захлестывали половину горизонта, а с другой стороны раскинулся открытый простор моря с его кристально чистой водой ярко-синего цвета, постепенно приобретающего к востоку серые тона. У Тулума джунгли и море смыкались в их общей необозримости, разделенные нескончаемой полосой прибрежных скал и пляжей, Линией, что бежит с севера на юг и делит мир на две стихии — сушу и море.

Береговая линия как будто и небо разделила на две части. К западу, над джунглями, небо бледно-голубое и ясное, а на востоке, над водой, словно гигантские грибы, подымается с полдюжины грозных бурь. Тяжелый воздух насыщен электричеством, вот-вот может разразиться ливень.

Отсюда, с высоты, я мог окинуть взглядом весь древний город. Вероятно, Тулум был крупным религиозным центром, где при храмах и святилищах жили только верховные жрецы. Полуразрушенные и обвитые лианами храмы лежали теперь у моих ног.

Как и о других городах майя, о размерах Тулума нельзя судить лишь по количеству сооружений, ведь это были только религиозные и служебные здания. Представьте себе европейский город, от которого остались одни лишь церкви. Когда на побережье я встречал три небольшие пирамиды, это означало, что там мог быть город с двумя тысячами жителей. В Тулуме, где осталось сорок с лишним зданий, могло жить очень много народу, но, возможно, и не так уж много, в зависимости от того, было ли это только место религиозного паломничества или настоящий город. В древности майя жили в таких же хижинах, как и теперь, от них уже ничего не осталось, кроме случайных «домовых холмов» — каменных оснований, на которых некогда стояли деревянные хижины.

Каким загадочным кажется заброшенный город и сколько еще тайн хранит бесконечный океан джунглей! С волнением и страхом думал я о предстоящем пути через джунгли, у которых надеялся вырвать хоть малую часть их загадок. Когда я спустился с Кастильо, у меня было впечатление, что я нырнул на дно глубокого темного моря и медленно скольжу в подводном царстве. Там, среди зеленых просторов океана джунглей, лежит мир, погруженный в пучину забвения. Там живут последние остатки индейцев Чан-Санта-

Круса, наследники традиций древних майя, потомки строителей, воздвигших величественный замок, на вершине которого я только что стоял.

Решив идти пешком, я вполне сознавал, что отдаюсь на милость судьбы. Теперь все будет зависеть от того, какой прием окажут мне индейцы, от их великодушия и доброты. Я почему-то слепо полагался на их помощь.

У меня еще совсем не было опыта, и я не представлял, какие трудности ждут меня впереди, поэтому-то и не понимал всей неразумности своего решения. Будь я чуточку поумнее, я бы, конечно, остался в Танкахе, дожидаясь там судна на Косумель. Только неведение заставило меня совершить путешествие, на которое еще никто не отваживался. Неведение мое оказалось во многих отношениях неоценимым качеством. Особенно оно помогало мне в общении с людьми. Ко всем, кто мне встречался на побережье, я относился с таким наивным и обезоруживающим доверием, что даже самые отъявленные злодеи не смели меня обидеть. Таким образом, у меня оказалась защита, о которой никто даже не подозревал.

После осмотра развалин, где еще сохранились изящные фрески, изображающие воинов и верховных жрецов, а также весьма любопытная статуя ныряющего бога, очень похожего на богов индейских дворцов, я покинул стены города и направился к маленькой полуразрушенной башне, бывшей когда-то маяком. Солнце уже клонилось к горизонту, и в его последних лучах сияли призрачные контуры древнего города майя.

«Больше Севильи...» — подумал я.

6. Последние защитники древних майя

Мне действительно удалось переночевать в заброшенном маяке в нескольких сотнях ярдов от южных ворот города. Там в полном одиночестве жил индеец по имени Шооль. Он не был ни чиклери, ни индейцем Чан-Санта-Круса, а пришел сюда из штата Юкатан. Шооль говорил немного по-испански. За руинами он стал присматривать случайно, когда служивший здесь прежде индеец сошел с ума. Как узнал я позднее, у индейцев существует поверье, что каждый, кто проведет ночь в Тулуме, непременно потеряет рассудок. Бывший сторож (индеец Чан-Санта-Круса) жил в маленькой ветхой хижине у подножия Кастильо и следил, чтобы в городе никто ничего не воровал и не портил статуй. Когда этот сторож исчез, сеньор Гонсалес пришел к Шоолю, жившему уже в то время на старом фаро (маяке), и попросил его приглядывать за руинами.

Как я ни старался расспросить Шооля, мне так и не удалось узнать, почему он все-таки пришел сюда, на побережье. Скорее всего он искал работу на кокале Танках.

Я рассказал Шоолу о своих планах, однако он не мог мне ничем помочь. Побережья он не знал, а во внутренние районы и вовсе не пошел бы, так как боялся индейцев Чан-Санта-Круса, наверное, больше, чем я.

У меня не было достаточно сил, чтобы немедленно отправиться в путь, поэтому я остался еще на день в Тулуме и теперь уж как следует осмотрел каждое здание. Внутри городской стены большинство построек было очищено от растительности, а некоторые даже немного реставрированы.

Купаясь на узкой полосе пляжа между двумя высокими обрывами, я заметил в скале, на вершине которой возвышался Кастильо, небольшой грот, где стояла миниатюрная часовенка с деревянными крестами. Шооль полагал, что часовню соорудил здесь бывший сторож.

Вернувшись в конце дня на маяк, я сел с Шоолем ужинать и снова с удивлением подумал о том, как легко переносят майя одиночество. Так же как Мигель в Аке, Шооль жил совсем один и не страдал от этого. Редкое качество для нашей западной цивилизации. Если у нас человек живет в полном уединении, его считают святым, отшельником или же отчаянным мизантропом. Интересно, какие мысли занимают этих одиноких обитателей побережья? Этого я пока не знал.

На следующее утро я сказал Шоолу, что хочу пойти в ближайший индейский поселок, и попросил его проводить меня. Шооль вежливо отказался. Никакие деньги не могли изменить его решения. Он произнес только одну фразу:

— Я могу показать, где начинается тропинка.

Видя, что уговоры на индейца не действуют, и даже немного испугавшись такого категорического отказа, я решил идти один, рассчитывая добраться до деревни брата Бенансио еще засветло.

Шооль связал мои мешки, приделал к ним более крепкий ремешок, который можно было бы надеть на голову, и проводил меня до посадочной площадки. Здесь он показал на узкую тропинку, уходящую в джунгли.

— Вот эта тропа ведет к деревне. Всего четыре лиги.

Это означало примерно пятнадцать миль.

Я попрощался с Шоолем и отправился в путь. Сначала все шло хорошо. Тропа шириной в три фута была ясно видна, и идти по ней было нетрудно. Она петляла среди деревьев, огибая иногда озерко грязной воды с пальмами вокруг. Прямой солнечный свет не проникал сквозь густую листву. Я шел как бы по узкому темному туннелю со странным зеленым освещением. Через полчаса от тяжелой ноши у меня заныла шея, и я решил передохнуть. Но не тут-то было! Не успел я остановиться, как меня облепили тучи комаров. Пришлось отправляться дальше и идти как можно быстрее. На мою мазь комары просто не обращали внимания!

Все чаще попадались ямки с грязной водой. Скоро их уже нельзя было обойти, приходилось шлепать прямо по вонючей теплой воде. Тропа все сужалась и наконец пропала среди мелких луж. Я стоял по щиколотку в воде, гадая, куда же идти дальше. Два раза принимал я за тропинку простой просвет между деревьями и вынужден был возвращаться обратно. Через некоторое время я очутился вдруг у развилки. Этого я уж никак не ожидал. Обе тропы были совершенно одинаковые, пришлось долго раздумывать, по какой из них идти. В конце концов я решил свернуть налево. Но оказывается, все мои раздумья и терзанья были напрасны, потому что скоро тропы встретились снова.

Шагая один среди зарослей, я мог не торопясь рассматривать растения по краям тропы и внимательно прислушиваться к голосам джунглей. Яснее всего раздавалось странное кваканье множества лягушек, такое же, какое я слышал в Чичен-Ице. Временами по лесу разносился пронзительный, почти человеческий крик. Это заявляла о себе птица чачалака. Название ее на языке майя дает наглядное представление о крике птицы. Размером чачалака с крупную куропатку, индейцы охотятся на нее ради мяса. Своим громким криком эта довольно смирная птица очень помогает охотникам. Изредка передо мной мелькала голубая юкатанская сойка, птица с красивым ярким оперением. Древние майя очень высоко ценили эту птицу, используя ее перья для своих огромных и сложных головных уборов. В древности из птичьих перьев изготавливалась также особая мозаика, уникальный вид искусства Нового Света, в котором майя заметно выделялись своим мастерством. Они вплетали тысячи перышек в основу из хлопчатобумажной пряжи. С такой блестящей, нарядной тканью не мог сравниться никакой шелк. К сожалению, сейчас это искусство совсем забыто.

Больше всего я старался смотреть на землю, но змей, слава богу, ни разу не видел. Через три часа тропа настолько сузилась, что приходилось раздвигать в стороны ветки.

Вскоре встретилась еще одна развилка, а потом тропы стали без конца пересекаться, все время сбивая меня с толку. Каждый раз я старался выбирать тропинку пошире и, как оказалось, не ошибся. Когда я уж совсем было решил, что сбился с дороги, где-то впереди раздался крик петуха, и через несколько минут я увидел деревню.

На полянке было разбросано с десятков маленьких овальных хижин, обращенных задней стороной к лесу.

Двери всех хижин выходили на общую площадь, где стояли еще две хижины побольше, одна овальная, с белеными стенами, другая прямоугольная. В центре деревни был вырыт маленький колодец.

Когда я вышел из темного лесного туннеля на поляну, две индеанки, заметив меня, схватили детей и скрылись в хижинах. Я остался один посреди деревни. Нигде не было видно ни души, хотя я знал и даже чувствовал, что из каждой хижины сквозь щели в стенах за малейшим моим движением следит множество любопытных глаз.

Не зная, что делать, я опустил на землю свою ношу и довольно неуверенно прошелся по поляне в надежде кого-нибудь увидеть. Но никто не показывался. Тогда я направился к одной из хижин и, остановившись в нескольких ярдах от нее, отважился не очень громко позвать:

— Канче!

Это было имя единственного человека, который мог бы меня теперь выручить. Не получив ответа, я попробовал подойти к другой хижине, на этот раз еще ближе. Сквозь щели в стенах было видно, как кто-то движется там внутри. Я снова позвал:

— Канче!

Тогда из темного дверного проема высунулась обнаженная мускулистая рука и показала через поляну на одну из трех хижин за низкой каменной оградой. Я подошел к этой хижине и, не дожидаясь приглашения, нагнулся и вошел в нее. Внутри было почти совсем темно. Распрямившись, я оказался лицом к лицу с двумя довольно неприятными с виду индейцами. Они были обнажены до пояса, на прямые плечи падали длинные черные волосы. Меня охватил страх. Я только и смог повторить: «Канче», сомневаясь теперь, поймут ли меня и существует ли на самом деле этот Канче. В ответ индейцы лишь показали на маленькую дверь в задней

части хижины. Не смея больше вымолвить ни слова, я, будто преступник, в полном смятении вышел через этот проход во двор. Позади оказалась еще одна хижина, видимо совсем новая. Жерди ее стен были желтыми, а крыша из пальмовых листьев не успела приобрести обычного рыже-серого оттенка, как у всех старых крыш.

Навстречу мне вышел молодой, очень красивый индеец с длинными волосами и тоже обнаженный до пояса. У меня отлегло от сердца, когда я увидел на его лице широкую, приветливую улыбку. Индеец сказал «Канче» и пожал мою протянутую руку.

Это был именно тот человек, кого я искал. Слава богу, он оказался в деревне. Я стал рассказывать ему, как встретился с его братом, как тот попросил меня зайти в деревню и передать, что он сам в скором времени собирается прийти сюда. Однако скоро я сообразил, что все мои разговоры бесполезны, так как Канче испанского языка в общем-то не понимает. Тогда я постарался объяснить ему все снова жестами и с радостью увидел, что на этот раз Канче меня понял.

Улыбка на его лице стала еще приветливее, и кивком головы он пригласил меня в свою хижину. Как и у всех хижин в деревне, дверей у нее не было, то есть вход ничем не закрывался. Потом я узнал, что это ведется со времен древних майя. Так же как теперь у индейцев Чан-Санта-Круса, воровство во все прошлые времена жестоко наказывалось, и поэтому в дверях нужды никто не видел. Вход обычно закрывают лишь невысокой, примерно до колена, сплетенной из прутьев загородкой, чтобы в хижину не забредали свиньи и цыплята.

Канче торжественно представил меня своей жене, красивой хрупкой женщине с грудным ребенком на руках. У них было еще двое детей — маленькая девочка трех лет, одетая в чистенький миниатюрный уипиль, и четырехлетний мальчик, бегавший нагишом по

земляному полу. Жена Канче да и все остальные в деревне совершенно не знали испанского языка.

Вскоре миссис Канче вышла из дома и вернулась с небольшим калебасом воды. Когда я наконец утолил жажду, Пабло Канче предложил мне отдохнуть. Для меня был спущен сверху гамак из суровой хенекеновой ткани. Канче забрался в другой гамак, и вот мы с ним, тихонько покачиваясь, ведем неторопливую беседу. Канче говорит, что я могу жить у него, сколько захочу. Мне повезло, что я застал его дома, ведь он как раз собирался за кукурузой на свою мильпу (выжженный участок в джунглях, где индейцы выращивают кукурузу). Теперь мое появление изменило его планы, и он послал жену за кукурузой в соседний дом.

Дом Пабло Канче в самом деле был совсем новый, так как хозяин его женился только четыре года назад, а, по древнему обычаю майя, ему полагалось первые четыре года после женитьбы жить в доме тестя. Это была как раз та большая соседняя хижина, куда пошла теперь жена Канче с большим калебасом для кукурузы.

Дом Канче строили всей деревней. В нем нет ни одного гвоздя, а высокая крутая крыша искусно собрана из длинных с развилкой жердей, которые, замысловато перекрещиваясь, образуют изящный рисунок под рядами ловко уложенных листьев веерной пальмы.

Крыши хижин майя всегда изумляли чужестранцев. Для такой крыши нужно много тысяч пальмовых листьев. Сначала листья сушат, обрезают черешки, а пластинку листа рассекают в двух местах, так что веер распадается на три отдельных пучка, прикрепленных к короткому остатку черешка. Лист затем складывают, как обычный веер, и средний пучок накидывают поверх тонких деревянных перекладин, привязанных к стропилам крыши наподобие планок для крепления черепицы. Два других пучка расщепленного листа пропускают под перекладину. Таким образом листья

заходят один за другой и не могут выпасть. Их укладывают так плотно и такими узкими рядами, что крыша получается очень толстая. Часто друг друга перекрывают семь или восемь листьев. Если смотреть на крышу изнутри, видны только аккуратные ряды коротко обрезанных черешков. Жерди, которые не могут крепиться естественными развилками, связывают лианами. В разных видах лиан майя прекрасно разбираются и по сей день. Многие из них, прежде чем пустить в дело, они вымачивают в воде. Вода размягчает лиану, которая, высыхая, сильно сжимается. Такой скрепляющий материал исключительно прочен, он никогда не рвется. Хижина майя может опрокинуться набок или даже перевернуться вверх дном, но ее стены и остов крыши никогда не распадутся.

Внутри дома Канче на двух поперечных жердях были подвешены гамаки всей семьи. Днем их поднимают повыше и подвязывают. В одном углу между тремя большими камнями, обмазанными известью, был разложен маленький костер. С крыши свисали веревки, к которым привязывались круглые плетеные корзины, где держали продукты.

В хижине была и кое-какая мебель, если можно так назвать чурбаки, предназначенные для сидения. Индеец никогда не забудет предложить гостю сесть, хотя нам такой низкий и твердый кусок дерева, может быть, и не покажется удобным стулом.

Несмотря на то что в хижинах не было окон, внутри они были очень светлые. Их стены из тонких жердей, вбитых в землю на расстоянии дюйма друг от друга, пропускали много света и воздуха. Кроме того, эти щели позволяли женщинам незаметно следить за всем, что происходит в деревне, и приглядывать за детьми, играющими у хижин.

Пабло Канче и его жена составляли очень красивую пару. Но вообще должен сказать, что европейцу трудно оценить красоту майя, так как у них довольно непривычная для нас внешность и очень своеобразные черты лица.

У Пабло было типичное лицо майя, однако его черты отличались большим изяществом. Благородный орлиный нос, узкий подбородок и сглаженная челюсть (без всякого выступа она плавно поднимается от подбородка прямо к уху). Лоб хотя и покатый, но высокий и великолепно очерченные, слегка косящие глаза. Кожа у Канче смуглая, цвета загара, а длинные черные волосы придают ему немножко пижонистый вид. Бороды, как и у всех чистокровных индейцев, у него нет.

Жена Канче была исключительно изящная женщина. Замечательная фигура, тоненькие щиколотки и запястья. Темные волосы, не черные, а скорее темно-каштановые, широкой красной лентой собраны в узел наподобие султана. В ушах небольшие колечки с подвешенными к ним маленькими золотыми шариками — тип сережек, которые я заметил почти на всех женщинах майя на Юкатане. Как и у всех соседок, ее безукоризненно чистый уипиль был довольно простенький.

То небольшое количество тканей, какое попадает в индейские деревни, приносят туда обычно чиклеро, или же за ними ходят к дону Хорхе Гонсалесу в Танках. Однако индейцы Тулума почему-то очень редко бывают в Танкахе. Сбором чикле они не занимаются, предпочитая разводить кукурузу и промыслять дичь. Тем и живут.

В доме Канче я прожил три дня три дня настоящих праздников и самого сердечного гостеприимства.

После того как я отдохнул с дороги и поел лепешек, Канче торжественно повел меня знакомить со всеми

жителями деревни. Он держал меня за руку и заходил по очереди в каждый дом.

Я удивился, что в деревне почти ни одна женщина ни разу в жизни не видела иностранца. Теперь все они с любопытством трогали мою бороду и чуть возбужденно смеялись. Я быстро стал героем дня. Пабло Канче в каждом доме объяснял причину моего прихода в деревню. Говорил он очень оживленно. К счастью, в деревне было всего десять хижин. Мужчин я почти не видел, потому что большинство из них, как объяснил мне Канче, ушли на свои мильпы.

Способы выращивания кукурузы у майя остались такие же, как и много столетий назад. Индейцы уходят в джунгли, строят там маленькую хижину и живут в ней, пока не расчистят участок, вырубая кустарник и не очень большие деревья. Деревья они срубают на высоте пяти футов от земли. Когда повалят все стволы, вырубка поджигается. Расчистку производят в конце сухого сезона, как раз перед началом дождей. Из-за того что вырубку приходится выжигать, мильпы нельзя устраивать вблизи деревень. Часто они бывают расположены на очень большом расстоянии от жилья. В Тулуме, например, до некоторых участков надо идти целый день. Когда вырубка выгорает, индейцы начинают сеять кукурузу прямо среди обугленных остатков пней. Земля здесь везде каменистая, приходится выбирать места, где побольше почвы, и бросать туда семена. Хотя почва и кажется на вид неплодородной, однако урожаи тут бывают хорошие. Именно благодаря излишкам урожая древние майя имели возможность строить многочисленные города, храмы и святилища, которые покрывают всю их страну.

Когда мужчины ходят на мильпу, они обычно остаются там ночевать, а во время посева и сбора урожая живут на участке дней по десять. Я пришел в

деревню в самом начале сезона дождей, поэтому-то там и было так мало мужчин.

Каждый год индейцы расчищают участки на новом месте, чтобы почва могла отдохнуть и опять покрыться дикой растительностью. Вторично тот же участок можно использовать не раньше, чем через двадцать лет. Все это требует организации и строгого порядка в ежегодном определении места, где можно производить посев. В Тулуме человеком, выбирающим участки для всех жителей деревни, был как раз тесть Пабло Канче, вождь деревни и второе лицо после жреца.

В Тулуме до сих пор сохраняется почти такое же общественное устройство, как у древних майя. Только этой да еще трем другим деревням индейцев Чан-Санта-Круса удалось избежать (едва ли надолго) влияния современной цивилизации. Здесь, в Тулуме, индейцы продолжают вести независимый образ жизни. Когда я спросил у Канче об индейцах Чан-Санта-Круса, он с гордостью ответил, что из них состоит вся деревня и что они одержали победу над мексиканцами, а теперь на долгое время наступил мир. Для подтверждения своих слов Канче повел меня к седовласому, старцу, жрецу деревни.

Когда мы вошли в хижину, старик сидел в углу и что-то помешивал в глиняном горшке длинной толстой палкой. Он готовил из душистого пчелиного воска священные свечи для храма, расположенного в центре деревни (хижина с побеленными стенами). На следующий день в храме должна была состояться церемония, вот он и готовил для этого свечи. Вся деревня относилась к жрецу с глубоким почтением, и только ему, как многозначительно сообщил мне Канче, разрешалось носить короткие волосы. Два часа просидел я терпеливо в хижине жреца, пока Канче переводил мне, как мог, на испанский все, что говорил старик на языке майя. Я узнал, что верховный жрец

Чан-Санта-Круса живет в деревне Чумпом, одном из трех других независимых индейских поселений Кинтана-Роо. Там же живет Главный Вега — не кто иной, как «заложник», взятый когда-то индейцами Чан-Санта-Круса, чтобы обучать их грамоте. В то время он был слишком мал и не справился бы с такой задачей, но теперь индейцы окружили его почетом, и ему так хорошо жилось, что после мирного договора 1935 года он ни разу не пытался вернуться на Косумель. Прежде он был вождем деревни Чумпом, а после смерти генерала Майо стал касиком (племенным вождем).

Я с удивлением узнал, что индейцы Чан-Санта-Круса имели свою особую религию, своих жрецов и поклонялись трем достопамятным крестам, сыгравшим такую роль в войне с мексиканцами. Верховный жрец оказывался служителем революционных крестов, а сама религия представляла собой удивительную смесь язычества древних майя и христианства. Как и в древности, у каждой семьи в Тулуме был свой домашний бог, изображенный в виде креста. Вокруг деревни, в тех местах, где начинались тропки к мильпам, чуть в сторонке от них стояли четыре святилища, где каждая семья помещала свой крест, чтобы отвращать злых духов. Святилища мне показал Канче. При этом он совершенно искренне сказал, что я не могу быть дурным человеком, иначе бы боги наслали на меня лихорадку и помешали бы добраться до деревни.

Обычно жители Тулума всегда держат при себе личные крестики. Они называют их «домашними святыми» и надевают на себя, когда ходят работать на мильпу, или засовывают в поклажу, если отправляются в другую деревню.

Кресты индейцев Чан-Санта-Круса имеют обычную форму, только верхушка у них расходится веером, образуя широкий треугольник. Почти на все кресты,

которые мне приходилось видеть, было наброшено покрывало, как это обычно делается в Мексике. Хотя индейцы используют крест как религиозный символ, но на этом, собственно, и кончается у них сходство с христианством. Религия их в своей основе языческая.

Раз в год индейцы Чан-Санта-Круса собираются на особую церемонию. Длится она неделю. Во время церемонии индейцы берут три знаменитых креста Чана, которые теперь хранятся в деревне Чумпом, и несут их в деревню Тулум. Расстояние надо пройти немалое, поэтому священная процессия делает на полпути остановку в небольшом поселении. Когда она прибывает в Тулум, там устраивается грандиозный пир, длящийся целую неделю. Каждое утро жрецы Чумпома и Тулума закалывают свинью. Все восемь дней, пока кресты Чана находятся в Тулуме, жители деревни ходят на берег к развалинам древнего города и устраивают там небольшую церемонию — перед теми крестами, которые я видел в скале у подножия Кастильо.

На праздничную неделю в Тулуме собираются почти все индейцы Чан-Санта-Круса. Все они спят в большой общественной хижине в центре деревни. Вооруженные стражи охраняют участников церемонии и священные кресты, которые, как я понял, приносят сюда вместе с «сокровищем». Вероятно, это какие-нибудь драгоценные культовые украшения.

Религия индейцев Санта-Круса имеет в некотором роде политическое значение, она помогает индиос сублевадос сохранять дух независимости.

С таким переводчиком, как Канче, было трудно получить от жреца Тулума более или менее подробное описание той странной религии, какую он проповедовал. Жрец то и дело просил Канче сказать мне, что «сейчас у индейцев Чан-Санта-Круса время мира, чужестранцы могут приходить сюда, их не убьют». Он пояснил, что до тех пор, пока они не

победили в войне, им приходилось убивать всех пришельцев, таких, как я.

— Но теперь, когда мы победили Мексику, мы, конечно, со всеми друзья.

Мне еще не приходилось слышать такого трогательного заявления, совершенно неправдоподобного для двадцатого века. По всей вероятности, жрец был среди тех индейцев, которые в 1922 году встретили у Тулума Морли, и, как знать, сколько он мог убить потерпевших кораблекрушение матросов или заблудившихся исследователей. Жрец вспоминал битвы, когда он сражался в армии генерала Майо, и я не мог не восхищаться отважными индейцами, которые так долго боролись за свою независимость.

В отличие от большинства юкатанских майя индейцы Чан-Санта-Круса не держались теперь отчужденно с иностранцами. Они с гордостью объявляли о своем благородном происхождении и охотно рассказывали всем о своей победе над мексиканцами и о заключении с ними мира по своей доброй воле.

К сожалению, число индейцев Чан-Санта-Круса неуклонно сокращается, кроме того, они часто покидают свои деревни и уезжают в другие места. Об уменьшении населения можно судить хотя бы по Тулуму. Тут пустоует уже шесть хижин, их владельцы или умерли, или уехали отсюда навсегда. В общем от некогда могущественных индейцев осталась теперь лишь ничтожная горстка. Совершенно очевидно, что по интеллекту жители Тулума стоят гораздо выше своего жалкого экономического положения. Их благородное гостеприимство, изысканная вежливость, их гордость не соответствуют всей окружающей обстановке. Уединенность и независимость этих индейцев помогли им сохранить многие особенности древних майя.

Больше всего на меня произвело впечатление их спокойствие. За все время своего пребывания в деревне я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь повысил голос. Казалось, майя просто не знают, что такое вопли и крики. Детей своих они воспитывают в такой же спокойной манере. Дети очень редко плачут и почти никогда не поднимают шума и визга. Сам язык майя отличается очень спокойными интонациями.

В такой же мере поразительна сдержанность майя и в области чувств. Приветствия их никогда не бывают шумными, а выражение любви в семье сводится лишь к ласковому слову. Большая сдержанность чувствуется и во всех манерах майя. Однако такое спокойное поведение объясняется вовсе не апатией, как могло бы показаться с первого взгляда. Наоборот, индейцев майя отличает живой ум и большая любознательность. Это я сразу почувствовал, когда пытался ответить на многочисленные вопросы Пабло Канче, которому хотелось узнать побольше о стране, откуда я пришел: хорошо ли там растет кукуруза; какие разводят фрукты; какие во Франции джунгли, сырые или сухие; много ли там дичи для охоты. На эти вопросы порой было трудно ответить, но все они свидетельствовали об искреннем и сильном стремлении к познанию.

По характеру вопросов, которые задает человек, вполне можно судить о его интеллекте. Крестьяне Центральной Мексики наивно спрашивали меня, за сколько дней можно дойти до Франции, а для индейцев майя были вполне постижимы и большие расстояния, и возможность существования мира, не имеющего к ним никакого отношения. Когда я объяснил Пабло Канче, что джунгли у нас сведены и уступили место полям и городам, по его вопросам было видно, что он вполне разобрался в смысле моих слов и в воображении мог без труда перенестись в неведомый европейский мир.

Вскоре центром всеобщего внимания стал мой фотоаппарат. Все индейцы по очереди подходили ко мне и смотрели в видоискатель, что доставляло им огромное удовольствие. Но одна женщина слишком перепугалась, когда увидела, насколько уменьшился в аппарате мир. Объяснить им, как получаются фотоснимки мне было довольно трудно, у меня даже не было с собой карточек. Я всячески старался растолковать Канче, как там в аппарате все устроено, но ему, кажется, ясно было лишь мое намерение сделать снимки, и он вежливо объяснял каждому, что надо стоять тихо и не бояться.

Подружиться с Канче мне удалось очень быстро. Нам оказалось совсем нетрудно вести интересные и длинные беседы. Скоро я увидел, что его восприятие окружающей действительности мало чем отличается от моего. Мы говорили с ним о лесных тропах, охоте и особенно о еде. Еда с момента моего прибытия на побережье стала для меня главной заботой. Нетрудно было догадаться, что вопрос этот очень важен и для индейцев. Послушав, с каким воодушевлением они говорят о еде, многие сочли бы их за обжор. Но надо помнить, что вся жизнь индейцев направлена на добывание пищи. Им приходится беспрерывно заниматься охотой и обработкой земли. В самой деревне оказалось удивительно много плодовых деревьев: апельсины, лимоны, гуава, мармеладное дерево и одна из разновидностей саподильи с большими розовыми плодами. В древности майя, должно быть, тоже употребляли много фруктов. Кажется, это утверждают и ранние испанские хроники.

Среди разнообразных плодовых деревьев, окружающих хижины, было очень много кресченции (калебасовое дерево). Ее плоды, похожие на большой стручок, суженный посредине, как у арахиса, заменяют чаши и кувшины. Мякоть этих плодов несъедобна, но

зерна, напоминающие огромные арбузные семечки, индейцы собирают и сушат. Они имеют нежный вкус, как у фисташки или миндаля, и считаются лакомством.

Из фабричных товаров в деревне можно было увидеть только белую ткань, из которой шьются уипили женщин и широкие, мешковатые брюки мужчин, да еще, конечно, ружья и мачете. Ружья большей частью были очень старые, с самодельными патронами, которые изготавливали из пороха, вымененного в каком-нибудь поселке чиклеро. Время от времени некоторые индейцы отправлялись в двадцатидневное путешествие через джунгли в штат Юкатан и покупали там порох на деньги, вырученные от продажи цыплят. Однако такие вылазки в пределы цивилизованного мира были очень редки. Большая часть предметов фабричного производства передается тут по наследству, они достались индейцам скорее всего во времена сражений с мексиканцами.

Мужчины в деревне ходили обнаженные до пояса и носили типичные для майя белые брюки длиной по щиколотку. Вечерами после работы некоторые надевали особые рубашки, каких теперь уже почти не встретишь в центральных районах Юкатана. Длиной всего до пояса, со сборчатыми рукавами рубашки эти не заправляются в брюки, а широкими складками свободно спускаются к талии. Меня поразила чистота одежды на всех людях. Если даже она была сильно поношенная, вся в заплатках, или из плохонького материала, все равно ее отличала безукоризненная чистота. Живя у Пабло Канче, я заметил, что жена его меняет свои уипили по несколько раз в день. Сам Канче каждый вечер купался за занавеской, специально для этого протянутой в одной половине хижины. Все индейцы, приходя друг к другу в гости, а также всякий раз перед едой и после еды умываются и моют руки. Детей купают

каждый вечер и держат их всегда в чистоте, хотя задача эта не из легких при такой куче ребятишек.

Индеанки майя стирают белье каждый день. Корыта у майя вырезаны из куска бревна вроде маленькой долбленной лодки.

Другая ежедневная обязанность женщин — размалывание кукурузы для лепешек. Зерна давят каменной скалкой на большом плоском камне с углублением посередине. Предварительно кукурузу замачивают в воде, добавляя туда известь, чтобы удалить с зерен верхнюю кожицу и придать лепешкам особый привкус мела. Благодаря этой извести у индейцев сохраняются идеальные белые зубы. Известь майя выжигают в квадратных ямах глубиной около ярда. На дно их закладывают дрова, а сверху куски известняка. В прежние времена из извести изготавливали цемент и штукатурку, которыми древние майя покрывали свои постройки. Сейчас индейцы иногда используют известь для побелки. Ею выбелены стены маленькой хижины-храма в центре деревни.

С наступлением вечера из густых джунглей появлялись тучи комаров и набрасывались на людей. Я с удивлением заметил, что самого маленького из детей Канче комары не кусают, хотя этот трехмесячный младенец лежал в гамаке матери совсем голенький. Как я узнал, Грудных детей майя по каким-то неизвестным медицине причинам комары не трогают.

После захода солнца миссис Канче еще раз приготовила еду — тортильи и очень острое тушеное мясо, окрашенное в ярко-красный цвет какими-то красными зернышками. Это было мясо чачалаки, Канче подстрелил ее за несколько дней до моего прихода. Я увидел, что индейцы в деревне питаются более разнообразно, чем обитатели одиноких кокалей на побережье. У тех совсем не было фруктов и едва хватало кукурузы. К тому же индейцы Тулума ели

довольно много меда, все они держали улы, сделанные из выдолбленного бревна, закрытого с обеих сторон круглыми камнями. Я с удивлением узнал, что у пчел майя нет жала!

Индейцы Чан-Санта-Круса ведут, вероятно, такой же образ жизни, как бедные слои населения в обществе древних майя. У них такая же пища, одежда, те же обычаи при вступлении в брак и рождении ребенка. Даже основы их нравственных убеждений почти не изменились. Что меня особенно поразило и на что обратил внимание еще Ланда, это целомудрие женщин и большая стыдливость всех майя, как мужчин, так и женщин. В присутствии другого человека они не только не могут сделать что-нибудь неэстетичное, но даже не посмеют завести разговор об этом. Тут они стоят намного выше бедного мексиканского населения.

Особенно сдержанны майя в половом отношении. Хотя от прежних времен осталось много эротических статуй, все письменные источники отмечают, что поведение майя во всех делах, касающихся секса, отличается предельной корректностью. Исходит ли это от особо строгих законов морали, трудно сказать. Многие думают, что такая сдержанность объясняется очень слабым обменом веществ. Некоторые даже считают, что майя могут вступать в половые отношения только весной, однако я не имел возможности проверить, насколько правдивы такие слухи. Может быть, это и соответствует действительности, но причина, видимо, заключается не в слабом обмене веществ, а в прежних религиозных предрассудках, требующих, чтобы дети рождались в определенные благословенные богами месяцы года.

Однако же майя имеют много детей, а в доколумбовы времена они прилагали все усилия, чтобы обеспечить благосклонность богини плодородия Иш Чель, святилище которой находилось на Косумеле.

Индейцы в Тулуме прекрасно ухаживали за детьми и не жалели сил для их благоденствия. Все маленькие дети у них отлично воспитаны.

Живя у Канче, я обратил внимание еще на одну странную особенность: у майя не существует определенного времени для сна. Они могут засиживаться допоздна, среди ночи поспят всего лишь час-другой, а потом отсыпаются в дневное время. Сон у них не связывается с тишиной, как у нас. Люди могут сколько угодно разговаривать рядом с гамаком спящего. Возможно, это объясняется тем, что живут майя в очень тесном помещении, поэтому и привыкают спать при шуме.

После ужина двух старших детей Канче уложили спать в одном гамаке. Если ночью в хижине бывает холодно, под гамаками разводят небольшой костерик. Когда дети были уложены, Канче вымылся и позвал меня с собой в хижину тестя.

К моему удивлению, там собрались все мужчины деревни, вернувшиеся со своих мильп. Все они сидели на корточках вдоль круглой стены просторной хижины, а посередине, как будто наблюдая за всеми собравшимися, лежала в гамаке женщина. Это была жена вождя, теща Канче. Мужчины сидели молча, лишь изредка обращаясь к женщине. Когда кто-то появлялся в хижине или, тихонько подымаясь, выходил из нее, он протягивал женщине большой палец для поцелуя. Таким же приветственным жестом мужчины обмениваются и при встречах друг с другом.

В мерцающем свете масляной лампы блестящие лица мужчин с их пронизывающими глазами выглядели довольно свирепо, особенно из-за длинных волос. Я сразу вспомнил, что передо мной индейцы Чан-Санта-Круса, опасное племя, которое вплоть до 1935 года наводило ужас в Кинтана-Роо и владело большей частью своих древних земель. Мне трудно было

разобраться во всей этой церемонии в хижине, где мое появление осталось как бы незамеченным. Я молча присел рядом с Пабло Канче и стал следить за медленной, странной, едва слышной беседой. Темные фигуры сидящих на корточках мужчин, их тускло поблескивающие лица... Огромное почтение к старой женщине, ее торжественный вид, когда она тихонько раскачивалась в гамаке над головами сидящих мужчин, навели меня на мысль, что я присутствую при религиозной церемонии. Я даже подумал: «Уж не эта ли женщина истинный вождь деревни?» Но потом догадался, зачем собрались здесь люди. По древнему обычаю, мужчины всегда должны собираться накануне религиозного праздника. А ведь старый жрец сказал мне, что готовит свечи на завтрашний день, значит, сегодня канун какого-то большого праздника.

Некоторые мужчины курили маленькие самодельные сигары. Когда я вошел, мне тоже предложили сигару. Как заядлый курильщик, я, конечно, не отказался от нее и начал курить. У сигары был странный травянистый вкус. Только на другой день выяснилось, что курил я марихуану, наркотик, растущий повсюду в Кинтана-Роо в большом количестве. Как мне объяснил Пабло Канче, марихуану очень редко курят ради опьянения, гораздо чаще ее употребляют для того, чтобы набраться новых сил во время длинных переходов через джунгли из одной деревни в другую, что у майя случается нередко.

Я был ужасно разочарован. Мне ни разу в жизни не приходилось пробовать наркотиков, и я думал, что они обязательно должны вызывать галлюцинации, у меня же ничего подобного не было. Когда закончилось это странное собрание, я мечтал лишь о сне, так как было уже очень поздно, а за день мне пришлось порядком намаяться.

В хижине Канче я повесил в темноте свой гамак рядом с другими гамаками, но заснуть, однако, не мог. Передо мной снова проходили все события минувшего дня. Сквозь щели в стенах я видел деревню, освещенную бледным светом луны, — маленький оазис среди океана джунглей. И мной на минуту овладело странное чувство. Мне представилось, что я неразрывно связан со всей этой жизнью, что я тоже майя, живущий здесь, среди необозримых джунглей. Никогда прежде я не ощущал с такой силой смысла существования, смысла жизни, жизни первобытных людей всех времен..

Утром, как только взошло солнце, меня разбудил Пабло Канче и велел быстрее идти к храму. На ночь я никогда не раздевался, поэтому через секунду был уже на ногах и поспешил к выбеленной хижине в центре деревни. Рядом с хижинкой росли три высокие сосны, три «священных» дерева, которые Канче показывал мне еще вчера днем. К храму сходились почти все жители деревни, прихватив с собой калекасы, наполненные густым кашицеобразным напитком, который они называли атоле. Вход в хижину был украшен двумя огромными ветками пальмы. Прежде чем войти внутрь, Канче велел мне снять сандалии. Как и в магометанскую мечеть, в храм майя нельзя входить в обуви. У входа уже стояло шесть или семь рядов сандалий, типичных сандалий майя, представляющих собой просто кожаную подошву с ремешками из хенекена. Сбросив обувь, я вошел в хижину. Возможно, до меня в этот храм не входил ни один белый человек.

Внутри маленькой хижины было темно. Занавеска и низкая деревянная перегородка разделяли ее на две половины. В первой половине уже стояли люди, они передавали жрецу по другую сторону занавески свои кувшины с атоле. Позднее я узнал, что это был обряд освящения напитка. Он устраивается каждые две недели, а по большим праздникам освящается также и

пища. Меня провели за занавеску, в сокровенную, так сказать, святая святых. В этом темном помещении стоял стол (алтарь), сделанный из большого куска дерева, укрепленного на треножнике — отрезке ствола с тремя суками в виде ножек. Такие же естественные треножники с небольшими дощечками наверху были расставлены вдоль всей стены. На них помещались душистые восковые свечи, которые жрец при мне готовил накануне.

На столе, служившем алтарем, стояло с полдюжины небольших крестов с характерными треугольниками. Некоторые из них были покрыты белой или красной тканью. Посередине комнаты стояло три грубо отесанных деревянных креста, рядом с ними кресты каждой из десяти семей деревни и, наконец, еще три креста — те самые три креста Чан-Санта-Круса, символы индейского восстания. Перед крестами на столе размещались сосуды — разрезанные пополам калевасы, поставленные на сплетенные из прутьев кольца. В сосуды был налит атоле, принесенный жителями деревни. Старик в своем жреческом облачении — простые, без пояса, белые штаны до колена и типичная для майя широкая вышитая рубашка — произносил молитвы, которым вторили все люди по обе стороны занавески. У стены были сложены маленькие плоские барабаны и похожие на портшез штуквины, на которых в праздники носят по деревне кресты Чан-Санта-Круса. Барабаны составляют часть оркестра, сопровождающего эту торжественную процессию.

После многих молитв на языке майя, обращенных к христианским святым, Сан-Лоренсо и Санта-Рите, а также к богу майя Канче Балам, жрец стал по очереди брать в руки сосуды и, чуть-чуть отпив из каждого, передавал остальное присутствующим в храме

взрослым и детям, которые принесли с собой собственные сосуды, чтобы пить из них на церемонии.

Это была странная смесь христианского богослужения и языческих ритуалов. После ритуального питья атоле жители деревни вернулись домой, где продолжали пить какой-то другой, своеобразный напиток из перебродившей кукурузы и меда. У Канче такого напитка было заготовлено вдоволь, и он просил меня разделить с ним компанию. Жидкость оказалась приятной на вкус. Когда я ее выпил, желая доставить удовольствие хозяину, голова у меня закружилась, я стал быстро пьянеть, так же как Пабло Канче и все остальные жители деревни. В конце концов после многих довольно бестолковых попыток показать, как мне понравился напиток и какие успехи достигнуты мной в языке майя, я плюхнулся в свой гамак и молниеносно уснул.

Когда я проснулся, было уже около трех часов дня. Миссис Канче приготовила еду. Это подкрепило меня и опять поставило на ноги. Как всегда, ел я один, а миссис Канче передавала мне одну за другой горячие тортильи.

Окончательно придя в себя, я постарался поподробнее расспросить Канче о деревне, в особенности же разузнать, есть ли тут поблизости древние руины. С этим мне пришлось порядком повозиться, потому что Канче никак не мог понять, что я подразумеваю под словом «руины». Когда же он наконец это понял, я услышал обнадеживающий ответ:

— Здесь их много.

Мы вышли с ним из деревни, миновали покрытый пальмовыми листьями алтарь, куда индейцы ставили своих идолов, чтобы отгонять злых духов, и пересекли маленькую полянку в джунглях. Канче сказал, что это кладбище. Среди высокой травы и небольших деревьев виднелись могилы, на каждой крупными камнями

выложено по два concentрических круга. Это было простое, но полное особого смысла кладбище индейцев, вся жизнь которых, как и их могилы, уместилась на одной лишь крохотной полянке среди всепоглощающих джунглей. От кладбища мы свернули на узкую тропинку и, пройдя несколько сот ярдов, оказались у невысокой каменной стены, ведущей к остаткам маленького разрушенного храма с провалившейся крышей. Заглянув поверх стен внутрь, я увидел среди груды камней обломки идола. Канче сказал, что это священная статуя.

По пучкам засохших цветов и листьев, разбросанным вокруг, можно было заключить, что индейцы все еще поклоняются идолу. Я хотел подобрать и рассмотреть обломки, но Канче запретил мне к ним прикасаться: ведь они были священны.

Осмотрев как следует маленький храм, я спросил у Канче, есть ли тут еще руины, но он явно не хотел говорить об этом. Лишь после очень долгих уговоров он наконец сообщил, что есть и другие развалины, только далеко отсюда. Место это называется Чунйашче, что на языке майя означает «ствол сейбы». Там много построек, и некоторые такие высокие, что, взобравшись на них, можно увидеть море. Канче уверял меня, что они даже выше Кастильо. Именно там останавливается на ночь ежегодная процессия со священными крестами на пути из Чумпома в Тулум.

Видимо, развалины эти находились к югу от Тулума и довольно далеко от берега. Я принялся уговаривать Канче пойти туда, но он отказывался. Это очень далеко, идти надо два дня. Вечером я снова пристал к нему с уговорами, и он наконец сдался.

Я решил воспользоваться случаем, чтобы спросить Канче, сможет ли он быть моим проводником, когда я пойду дальше на юг. Путь мне предстоит еще долгий, поэтому я очень нуждаюсь в его помощи. Канче

согласился проводить меня лишь чуть подальше Чунйашче, до того места на берегу, которое называется Капечен, что означает «четыре сенота». Там живут индейцы, его знакомые.

Уходить я решил через два дня, а пока старался узнать как можно больше о Тулуме. Видимо, до меня никто из иностранцев не бывал в этой удивительной деревне, так что теперь я не собирался терять здесь зря время. Канче обрадовался, что я хочу побыть у него еще немного, а мой интерес к делам деревни ему явно очень польстил.

На следующий день уже без всяких церемоний он водил меня по домам знакомиться с теми, кого не было дома при первом нашем посещении. Хотя я и чувствовал себя, как лев в зоопарке, все же мне нравились эти визиты. Матери показывали мне своих больных детей, и, когда я дал таблетку одному ребенку, у которого, видно, была дизентерия, индейцы стали обращаться ко мне со всеми своими болячками и хворями. Они описывали симптомы, а Пабло Канче переводил все это на свой необыкновенный майя-испанский язык, который я теперь хорошо понимал. К тому же я уже усвоил с десяток самых необходимых фраз на языке майя и несколько десятков отдельных слов.

Благодаря маленькой врачебной практике я завоевал огромную популярность. В тот день женщины допоздна приходили в хижину Канче и приносили мне в подарок свежие яйца, а я отдавал их миссис Канче, к полному ее восторгу.

Всю вторую половину дня я делал пометки в своей маленькой записной книжке, а Канче тем временем просто сгорал от любопытства. С присущей ему пытливостью он расспрашивал, смогу ли я научить его читать, и, чтобы показать всю серьезность своего намерения учиться, он подошел к маленькому деревянному сундучку, стоявшему у стены,

торжественно извлек оттуда журнал и показал его мне с величайшей гордостью, как бесценное сокровище. Это был пожелтевший грязный номер популярного мексиканского журнала за 1944 год. Целых две недели я не видел в глаза ни строчки и теперь с восторгом набросился на старый журнал. Что это было за чтение! Я не мог сдерживать улыбки, читая в своем гамаке о высадке войск союзников в Нормандии. Как удивительно было читать этот старый журнал в такой далекой стороне! Я почти перестал понимать, действительно ли тут написано о прошлом, или, может быть, затерянный среди первобытных индейцев, я читаю научную фантастику о далеком будущем.

Заметив, какой интерес вызвал у меня журнал, единственное печатное произведение в Тулуме, Канче снова подошел к сундуку и на этот раз вернулся с еще более удивительными сокровищами — маленькой жестяной коробочкой с гвоздями, фотографией какого-то негра и тремя гваделупскими монетами по десять сантимов. На мой вопрос, откуда эти вещи, Канче сказал, что нашел их на берегу. Затем, как бы желая похвастаться богатствами деревни, Канче вышел из хижины и вернулся с соседкой, которая держала в руках большую глиняную банку с надписью на крышке: «Графитовая мазь». Ее тоже нашли на берегу. В общем это были сокровища из внешнего мира, прибитые к берегам Кинтана-Роо, почти единственные посланцы цивилизации. Кроме банки графитовой мази соседка принесла кусок спасательного плота и коробку таблеток без надписи. Она утверждала, что таблетки хорошо помогают от болей в желудке.

Подобрали их тоже на берегу. В Тулуме оказалось немало разных предметов, принесенных к побережью Кинтана-Роо через Юкатанский пролив.

После обеда я пошел еще раз повидать старого жреца и порасспросить его подробнее о странной

религии индейцев. Однако Канче не знал испанских слов, относящихся к такой сложной области, как теология, поэтому мне пришлось ограничиться самыми элементарными вопросами. Я выяснил, что в основном в обязанности жреца входило устройство церемонии с освящением питья, которую я уже видел день назад, и более сложные церемонии, где благословлялось не только питье, но и еда. В эти дни, так же как в ежегодную праздничную неделю, когда приносят кресты из Чумпома, индейцы наедаются до отвала. Канче всегда вспоминал эти дни с большим удовольствием и очень сожалел о них. Я уже говорил, с какой жадностью относятся к еде люди на побережье, что вполне естественно в таких краях, где человек не всегда имеет возможность поест досыта. Если индейцу повезет на охоте или он забьет свинью по случаю праздника, ему никогда в голову не придет отложить что-то про запас (да это и невозможно в тропиках, где нельзя хранить мяса), и люди тогда наедаются сверх всякой меры. Умеренность, на мой взгляд, всегда была добродетелью тех, кто живет в полном достатке.

Сколько я ни старался, мне не удалось получить ни единого доказательства, что индейцы помнят или знают хоть что-нибудь о своем великом прошлом, если не считать имен их древних богов. Ни одной песни, ни одной мелодии не осталось от тех далеких времен, и, несмотря на всю свою гордость просто от сознания, что они майя, жители деревни были бы очень удивлены, если б им рассказали историю их великих предков.

Начинается эта история с незапамятных времен, а завершается в те дни, когда гибнут и рассеиваются последние гордые майя. Приходится с грустью признать, что никакие внутренние войны не смогли бы так быстро уничтожить древнюю культуру, как соприкосновение с европейской цивилизацией.

Все увиденное мною в Тулуме целиком завладело моим воображением, и я даже на время забыл, что впереди меня ждет еще двести миль неисследованной территории. Это расстояние как-то надо было преодолеть. Канче не мог дать мне полезного совета, потому что не знал этих районов. В тридцати милях к югу от деревни кончалась земля, населенная индейцами Чан-Санта-Круса, а дальше шла совершенно безлюдная полоса.

И все же меня ничто не пугало. Разве я не сумел уже завоевать доверие и дружбу страшных индиос сублевадос? У меня была полная уверенность, что и дальше все пойдет хорошо.

Канче соглашался проводить меня до Чунйашче и оттуда до местечка Капечен, где на несколько месяцев поселилась небольшая группа индейцев. Я надеялся, что кто-нибудь из них сможет проводить меня дальше. Правда, Канче предупреждал, что сейчас, в дождливый сезон, сильно вздулись лагуны и, может быть, они преградят мне путь, так как стали очень глубокие — человеку там будет с головой.

Я собрал свои вещи, среди которых была и голубая куртка, ставшая теперь от плесени серой, упаковал хенекеновый мешок и лег спать. Это была моя третья ночь в деревне.

Канче разбудил меня до восхода солнца, когда было еще совсем темно. Ночью прошел сильный дождь, все было мокрым. Мы молча вышли из деревни и углубились в мрачные джунгли. Мне было грустно оставлять этот удивительный уединенный мир индейцев Чан-Санта-Круса, ставший теперь и моим миром, оазис доброго гостеприимства среди джунглей, а также среди современного мира цивилизации, поселение, еще так крепко связанное с землей и такое далекое от искусственных сложностей современного общества с

его джунглями телеграфных столбов и неоновых реклам.

Канче нес мои вещи, и все же я едва поспевал за ним даже бегом. Его быстрый, как у рикши, шаг объяснялся именно его ношей, а вовсе не спешкой. Потом я и сам убедился, что при легком беге нести груз гораздо легче, так как у человека не распрямляются колени и он не испытывает толчков, обычных при ходьбе, и это намного ослабляет напряжение, когда ноша закреплена ремнем, надетым на голову.

Мы продвигались через узкий зеленый туннель под мерные взмахи мачете, которым Канче быстро и ловко обрубал ветки, преграждавшие нам путь.

7. Цитадели исчезнувшего мира

Мы шли на юг, все время удаляясь от берега. Насколько я понял, нам предстояло провести ночь среди джунглей — на мильпе, где Канче и его родственники (тесть и брат) выращивали свою кукурузу. До этого участка было около двадцати пяти миль, идти туда надо было почти весь день.

Пробираться через джунгли становилось все труднее. Ровная местность сменилась теперь вереницей холмов и понижений из кораллового известняка, где каким-то образом ухитрялись расти огромные деревья. Среди них были и саподильи, дающие чикле. Пабло Канче показал мне надрезы на их стволах, откуда вытекает сок. Рядом подымались колоссальные сейбы. Их мощные корни извивались по выступам известняка, как гигантские змеи. С деревьев свисали толстые лианы, спускавшиеся откуда-то сверху, с большой высоты, где сияло солнце. А мы шли сквозь полумрак узкой тропинки.

Изредка Канче делал остановки, и мы присаживались отдохнуть. Мои сандалии теперь уже

настолько истрепались, что ходить в них стало очень трудно. Каждые пять минут разболтавшиеся ремни соскальзывали с ног, приходилось останавливаться и кое-как прилаживать их.

У Канче была с собой эскопета — старенькое ружье с ложей, подвязанной хенекеновой веревкой. Два раза Канче осторожно садился на мешки, делал мне знак остановиться и начинал выслеживать какую-то дичь. Я, разумеется, ничего не видел. В одном месте бесшумно, как кошка, он стал пробираться сквозь заросли, пока не скрылся из виду. Потом я услышал оглушительный выстрел, и через несколько секунд появился Канче, торжествующе показывая мне большую черную птицу с ярко-желтым клювом. Это был крупный экземпляр редко встречающегося юкатанского фазана. Никогда еще я не смотрел на убитое животное с таким вожделением. Добыча вполне могла поспорить с черепахами! Канче быстро ощипал птицу, бросая перья на тропинку. Себе он оставил только хохолок из синевато-черных перышек, украшавший голову птицы. Раньше я уже видел такие хохолки, развешанные в хижинах, а в Пуа даже прибитые на столбе, только не знал, что это такое. Индейцы сохраняют все свои охотничьи трофеи: связки перьев, зубы диких свиней, шкуры небольших ягуаров. В нашем извращенном цивилизованном мире, где охота сведена к простой игре, трофеи оставляют главным образом для того, чтобы ими можно было потом похвастаться, но у майя, как и у многих первобытных народов, охотник сохраняет символ убитого им животного, чтобы показать свое почтение к нему и тем самым отвести дурное предзнаменование. Во времена древних майя, так же как и теперь, это был способ снять чувство вины за убийство как с охотника, так и с воина. Убитому животному оказывают почтение и сохраняют часть его тела, чтобы отогнать его дух, жаждущий мести.

Закинув за спину еще дымящуюся тушку огромной птицы, Канче двинулся дальше. Тропинка казалась мне теперь бесконечным ручейком, по которому я плыл, не раздумывая, механически переставляя ноги с камня на камень. Оглядываясь по сторонам, я заметил, как все время меняются джунгли. В одном месте они были сухие и не очень высокие, в другом — буйные и непроглядные, но в общем, чем дальше мы уходили, тем гуще и влажнее становился лес, выше деревья, обильнее лианы, а подлесок превратился в сплошную, непроницаемую стену. Оказавшись у развилки, мы свернули налево и пошли по узенькой тропинке. Тропа направо вела к Чунйашче. Сейчас мы держали путь к мильпе Канче, которая находилась в глубине джунглей, в стороне от дороги, соединяющей Чумпом и Тулум.

Джунгли тут были особенно густые, а тропинка настолько сузилась, что ее мог заметить только опытный глаз. Мы петляли между стволами деревьев, поднимались на каменистые холмы, встречая иногда в углублениях среди камней маленькие естественные колодцы. У одного из них мы остановились напиться. Сначала я пить боялся, потому что вода в колодце была покрыта толстым слоем пенистой слизи. Канче отодвинул эту пленку в сторону и стал пить не очень свежую на вид воду. После шестичасовой ходьбы пить мне, конечно, хотелось ужасно, и я рискнул последовать примеру Канче. К моему удивлению, вода оказалась свежей и очень вкусной. На этой последней остановке мы сели перекусить. Несколько штук холодных лепешек были не очень-то роскошным пиром, однако я не чувствовал потом голода до самого вечера.

Около четырех часов дня, совершенно измученные, мы увидели наконец большую поляну — целое море обугленных пней, среди которых кое-где поднимались огромные деревья. Это была Хонсо-Пок, мильпа Пабло Канче. Выглядела она унылой и неприятной. Среди

черных пней виднелись маленькие зеленые побеги, больше похожие на сорную траву, чем на кукурузу. Отдельные участки мильпы были обнесены невысокой оградой из земли и веток веерных пальм, что не позволяло игуанам и другим мелким животным и насекомым объедать побеги. Когда мы вышли на мильпу, Канче издал тот странный крик, какой я впервые услышал на «Лидии», и декоре откуда-то с другого конца расчистки донесся ответный гортанный возглас.

Мы пошли в ту сторону и встретились со старым индейцем. Это был двоюродный брат Канче. Он с улыбкой поздоровался с нами и повел по узкой тропинке к хижине. Она представляла собой лишь крышу на четырех столбах. Под крышей висело два гамака и курился дымок небольшого костра, у которого сидела молодая, полная и совсем миниатюрная женщина. Вот тут и жил Канче и все его родственники, когда приходили работать на мильпу. Эта открытая хижина была единственным пристанищем и признаком человеческого жилья на многие мили вокруг.

Вскоре мы уже ели теплые тортильи, а полная женщина принялась резать на мелкие куски фазана, подстреленного нами по дороге.

После еды Канче позвал меня посмотреть «санто де мильпа», то есть «святого полей». Спустившись по узенькой тропке, мы подошли к провалу вроде грота среди выходов твердых горных пород. На дне провала я увидел лужицу воды. Это было не что иное, как сенот, откуда брали воду люди, работавшие на мильпе. Канче вошел в грот и с гордостью показал мне четырехугольный каменный алтарь у края сенота. К своему удивлению, на алтаре я увидел искусно вырезанную, из камня голову на длинной шее.

Идол прекрасно сохранился. От волнения я почти не мог слушать Канче, который объяснял мне, что идол

этот священный, он охраняет мильпу, чтобы на ней хорошо росла кукуруза и чтобы никто не болел, пока работает в джунглях, Я лихорадочно соображал, как бы получить эту скульптуру, ведь она наверняка представляла значительный интерес для археологов Мексики. Если идол тут останется, его непременно разобьют или украдут.

Я прибег к довольно бесчестной уловке. С сомнением посмотрев на скульптуру, я сказал, что она не может быть священной, и попросил разрешения рассмотреть ее поближе. Канче не возражал. И вот я взял в руки замечательного идола. Это была голова без волос с огромными круглыми глазами. Надо лбом возвышалась диадема, а у основания длинной цилиндрической шеи виднелось большое отверстие.

Голова была вырезана из твердого тяжелого камня, похожего на мрамор. Меня прежде всего и поразило, что это не юкатанский известняк. Кроме того, в чертах ее не было никакого сходства с теми изображениями майя, которые я видел прежде в Паленке и на Юкатанском полуострове. Трудно сказать, откуда появился этот странный идол. Был ли это след иной цивилизации, более ранней, чем культура майя? Я видел только одно: идол не был подделкой.

Канче сказал мне, что голову эту нашел его тесть в земле у сенота рядом с тем местом, где он теперь стоит. Никакие слова не могли поколебать веры Канче в священные и чудодейственные свойства скульптуры. Как я ни старался его уговорить, было совершенно ясно, что Канче ни за что на свете не расстанется со священным идолом. Весь вечер проспорили мы с ним при мерцающем свете маленького костра. Было, наверно, не меньше десяти часов, когда я наконец забрался в свой гамак.

Из гамака я мог свободно обозревать необъятные таинственные джунгли, подступающие к хижине со

всех сторон. На бледном небе вырисовывались темные контуры огромных деревьев, залитых лунным светом. Я думал об этой древней священной земле богов майя и о том уединенном месте, где я спал, таком пустынном, таком далеком от внешнего мира — мира, в котором я всегда жил, но который казался мне теперь чем-то нереальным, бледным воспоминанием, сном. Он был где-то там, за пределами мира джунглей, и странно, что я не тосковал о нем. Глядя на другие гамаки под крышей, я опять воображал себя индейцем майя. Наконец я заснул под благословенной охраной маленького загадочного идола с круглыми глазами, который и по сей день оберегает поля кукурузы и помогает индейцам в их битве за пищу против упорно наступающих джунглей, — странного каменного лица из глубокого сенота в неизвестном районе Кинтана-Роо.

Когда я утром проснулся, солнце уже взошло. Из джунглей медленно подымался легкий туман. Отрываясь от верхушек гигантских деревьев, он исчезал в голубом лучезарном небе.

Мне на всю жизнь запомнится это великолепное утро. Тихо струящийся туман и маленькая открытая хижина, где я провел ночь, — приют в глубине сурового леса, маленький плацдарм человека среди необозримого океана всесокрушающей растительности.

Наскоро позавтракав, мы отправились в путь. Канче шел впереди с моими вещами на спине. Голову его охватывал широкий ремень, на боку висел мачете, а в руке он легонько сжимал ружье. Мы пробирались через густые заросли, оставив позади себя древнего идола стеречь мильпу. Под его строгим надзором должна расти кукуруза, чтобы дать пищу детям Канче, самому последнему среди бесчисленных поколений майя, этого загадочного народа, который вдали от нашей цивилизации, вне пределов христианского мира создал

в джунглях собственную удивительную вселенную, питаюсь кукурузой и поклоняюсь своим богам.

Мысли мои были прерваны выстрелом, за ним последовал второй. Это Канче, застыв вдруг на месте, удачно подстрелил пару чачалак. Их зловещие, панические крики продолжали звучать у меня в ушах. Я обрадовался дополнительному запасу пищи и тут же с удивлением подумал, что у меня уже выработался особый условный рефлекс на те вещи, которые еще недавно были для меня лишь развлечением, игрой. Помню, как далек я был от малейших гастрономических соображений, когда в пятнадцать лет подстрелил свою первую дичь, или позднее, когда мне столько раз приходилось стрелять по мишеням или ходить на охоту исключительно ради удовольствия.

Через несколько часов мы подошли к огромному сеноту шириной около двухсот футов. Края этого глубокого провала в известняках со всех сторон круто обрывались к воде. Сенот казался глубоким зеленым глазом среди джунглей. Теплая вода была прозрачна, и в глубине можно было увидеть плавающих рыб, загадочных рыб сенотов, живущих, можно сказать, под землей. Напиться из сенота мы не могли, так как вода была слишком глубоко.

Обогнув сенот, Канче привел меня к заброшенному навесу из пальмовых листьев, под которым стояло несколько примитивных скамей — простые бревна, положенные на колья с развилкой. Это был маленький лагерь, где во время сезонов сбора чикле когда-то жили чиклеро и варили здесь свой латекс, белый сок саподилы.

От этого полуразрушенного лагеря мы двинулись дальше на юг прямо через джунгли. Тропы здесь не было, и Канче непрерывно взмахивал мачете, прокладывая дорогу напрямик к Чунйашче. Удивительно, каким образом он определял

направление. Двигались мы очень медленно, так как без конца приходилось прорубать себе путь в непролазной чаще молодых пальм, обходить поваленные стволы и огромные деревья, но все же через час мы уже выбрались на какую-то узкую тропу (именно ее и разыскивал Канче) и пошли по ней быстрым шагом.

К полудню я совсем выдохся. Умирая от жажды, я без конца задавал Канче один и тот же вопрос:

— Много еще идти?

— Не очень, — коротко отвечал он мне всякий раз.

В пути порой начинаешь ненавидеть дороги и все эти неизвестные тропинки, у которых нет ни начала, ни конца. Они все тянутся и тянутся, и никак не дойдешь до последнего поворота, означающего остановку и отдых. В Кинтана-Роо меня часто одолевало отчаяние на этих бесконечных тропах, которые уходили в дальние дали, и последний поворот всегда показывался значительно позже, чем я ожидал. Сколько раз я бывал разочарован, сколько раз надеялся, что следующий поворот окажется последним, и бывал обманут. Мой мозг начинал уставать от утомления, от надежд, от разочарований, и я безвольно тащился дальше размеренным шагом вечности, чтобы наконец, когда уже меньше всего этого ждешь, прибыть на место.

Так было и на этот раз, когда мы, усталые и взмокшие от пота, вышли на поляну. После духоты джунглей я мог наконец свободно вздохнуть. Теперь я очень хорошо понимал, что такое клаустрофобия^[18] джунглей, о которой мне толковали в Мериде.

Это был Чунйашче — три маленькие хижины на поляне среди болотистых джунглей. Как раз в это время две женщины доставали воду из колодца. Мы утолили жажду, Канче что-то сказал женщинам на языке майя, и мы вошли в одну из хижин.

* * *

Голова знатного майя из Паленке. Условность изображения не уменьшает портретного сходства.

Сеньор Месос у своей хижины в Пуа.

Автор около храма Йочак.

Маленький храм в Мотансеросе.

Пабло Канче.

*Индейская хижина в деревне Тулум.
Каменная голова, охраняющая кукурузу на мильпе
Канче.*

Семья индейцев майя.

Вход во дворец в Чунйашче. Обратите внимание на остатки древней деревянной притолоки.

* * *

Немного передохнув, я вспомнил о главной цели своего прихода сюда и стал расспрашивать о руинах. Хотя я был страшно разбит и измучен и мне совсем не хотелось двигаться, я все же заставил себя выйти из хижины. Индейцы, наши хозяева, повели меня через поляну мимо других хижин. Остановившись в конце

поляны, мужчина показал пальцем куда-то вверх. Я поднял глаза и остолбенел. Над верхушками самых высоких деревьев вздымалось к небу сооружение типа маленьких храмов, стоящее, как я потом увидел, на огромной пирамиде. Это был знаменитый храм, о котором говорил мне Канче, храм, выше, чем Кастильо в Тулуме.

Не веря собственным глазам, я попросил индейца подвести меня к его подножию. От одной из хижин в джунгли шла маленькая тропинка. Через несколько минут я уже стоял у основания пирамиды, воистину величественного сооружения, поднимающегося среди густой растительности. На его стенах и на остатках очень крутой и широкой лестницы росли деревья. Это было самое поразительное здание из всех виденных мной до сих пор. С трудом сдерживая свой восторг, я карабкался вверх по огромным глыбам тесаных камней, то и дело хватаясь за лианы.

Монументальная лестница вела к разрушенной отвесной стене. Взобравшись на стену, я оказался на небольшом уступе, где когда-то была крытая галерея, окружавшая всю пирамиду. С двух сторон галерея довольно хорошо сохранилась, но в одном месте, куда я осторожно подполз, она совсем обрушилась. Уступ располагался на высоте, составлявшей примерно две трети расстояния до вершины. Нащупывая опору для ног среди шатких камней, я стал подниматься от уступа вверх и добрался до странной конической стены, образующей вершину пирамиды. Она тоже местами обвалилась, но подниматься по ней было нетрудно. Оказавшись на вершине, я был ослеплен ярким солнцем, будто попал в другой мир. Внизу остались сырые и темные джунгли, а передо мной раскинулся ослепительный ландшафт — сверкающая вода и зеленые волны верхушек деревьев. На востоке простиралась огромная лагуна, необозримая водная

гладь, усеянная маленькими островками, где среди травы поднимались пальмы с изодранными пальчатыми листьями. С лагуны дул свежий ветер, заставляя трепетать освещенные солнцем верхушки больших деревьев в бесконечном океане джунглей, протянувшихся к западу.

Канче был прав: эта пирамида выше, чем Кастильо Тулума. С ее вершины видно море, хотя до него больше двадцати миль. Пока я стоял здесь, в струе свежего ветерка, и жадно вглядывался в горизонт с высоты этих древних руин, откуда столетия назад жрецы майя окидывали взором свои владения, я совершенно забыл о сырых джунглях. Великолепие раскинувшейся вокруг обширной панорамы с избытком вознаграждало меня за все мучения нашего долгого пути. Отсюда, с вершины, джунгли казались усмирненными. Я подумал, что теперь они всегда будут у моих ног лишь маленьким препятствием к дальнейшему продвижению. Однако в тот же день, когда мне снова пришлось пройти двадцать миль, мысли эти немного потускнели.

Тщательно поискав на стенах рисунки или скульптуру, я спустился с пирамиды и увидел, что провожавший меня сюда индеец, счищает с себя какие-то комочки грязи. Я с ужасом сообразил, что это были клещи, бесконечное множество клещей, и что я сам весь сплошь покрыт этими крошечными серыми насекомыми, которые сыпались на мою одежду и тело с веток, где они сидели, можно сказать, всегда готовые к прыжку, стоило лишь чуть задеть ветку. Я стал поспешно стряхивать их с себя, пока они еще не впились мне в кожу. Впрочем, некоторые уже успели это сделать.

На свете существует немало старинных способов избавиться от клещей, но в то время я об этом еще не знал и безнадежно пытался вытаскивать клещей руками. Вскоре, однако, я должен был отказаться от

такой процедуры, боясь, что у клещей поотрываются головки, которые, оставшись под кожей, могут вызвать нагноение.

Но я был слишком возбужден, чтобы много думать о клещах, и стал знаками просить индейца показать мне другие сооружения. Без особой охоты он повел меня дальше. Через сотню ярдов я снова стоял перед изумительным зрелищем. Среди густых зарослей поднимался огромный четырехугольный храм или дворец. И сверху, и с боков он был, как змеями, оплетен лианами и мощными корнями. Это большое, покрытое розовой штукатуркой здание стояло на высокой платформе. Пробираясь сквозь заросли, мы медленно обошли вокруг нее. С западной стороны сохранились остатки лестницы, ведущей к вершине платформы, где был возведен дворец с двумя большими круглыми колоннами, которые когда-то поддерживали обвалившуюся теперь крышу над главным входом. Сразу за входом располагались три небольшие комнаты, заваленные камнями. Одну из них заполнял огромный муравейник.

На стенах здания, которое я окрестил «розовым дворцом», не было никаких следов росписи, зато над входом, где притолока частично обвалилась, я увидел древнюю (может быть, тысячелетней давности) деревянную балку. Я знал, что открыто уже много таких бесценных деревянных притолок, по которым можно радиоуглеродным методом установить возраст постройки, и отломил небольшую щепку от узкой подгнившей балки.

Потрясенный размерами первых двух сооружений, я пытался узнать, нет ли тут других развалин. Мой проводник тем же путем повел меня обратно к поляне с тремя хижинами, пересек ее, выбрал еще одну тропинку и снова свернул с нее прямо в заросли. Вскоре он остановился и торжественно показал куда-то вверх,

где я не увидел ничего, кроме листьев. Но через несколько шагов передо мной вдруг возникла пирамида, потом еще одна и еще. Всего их оказалось пять штук. Они стояли полукругом около маленького полуразрушенного прямоугольного храма, расположенного в центре.

От волнения я просто не знал, что делать. В моем мозгу проносились видения погребенных сокровищ, всяких ваз и нефритовых украшений. Но что я мог сделать один? Чтобы произвести археологическое исследование такого места, как это, нужны бесконечные часы терпеливых раскопок.

Видел ли кто-нибудь до меня развалины этого изумительного города? Позднее я узнал (я расскажу об этом в следующей главе), что тут побывала экспедиция, но среди буйной растительности джунглей им удалось отыскать только часть строений. Мне было совершенно ясно, что весь комплекс развалин заслуживает самого тщательного исследования и изучения.

Те постройки, что я уже видел, были больше тулумских. Я упросил индейца хоть немного расчистить пирамиды от зелени, чтобы можно было их сфотографировать, а сам помчался обратно к хижинам за новой пленкой. Канче ждал меня с нетерпением, он попросил не задерживаться, так как до Капечена идти еще далеко. Сам я пока о дороге даже не думал. Я старался объяснить Канче, какие тут необыкновенные постройки, и упрашивал его остаться. Но Канче об этом и слышать не хотел, ему надо было поскорее возвращаться в Тулум. Как я ни старался уговорить его, из этого ничего не вышло. Он предлагал мне на выбор — или остаться тут одному, или как можно скорее идти с ним до Капечена, где он договорится с друзьями, чтобы меня проводили дальше. Если бы я не чувствовал себя абсолютно беспомощным без Канче, моего единственного друга и единственного человека,

который понимал мою речь, я бы, конечно, остался в Чунйашче. Но теперь у меня не было выбора. Однако я дал себе слово непременно вернуться сюда и обследовать этот фантастический город более основательно, а пока помчался обратно к пирамидам, чтобы сделать несколько последних снимков. Когда я вернулся, мы сразу же тронулись в путь.

Только три года спустя, после дальнейших исследований и чтения литературы, я понял, как огромен был Чунйашче и какое значение он имеет для археологов. При первом посещении я, конечно, не мог определить его размеров. Позднее я подсчитал, что всего там было сто восемь зданий или их остатков^[19].

Здесь мне удалось найти идолов и множество храмов. По разнообразным признакам я определил, что это был важный торговый центр Кинтана-Роо. Точные размеры города не установлены еще до сих пор. Около четырех столетий Чунйашче был как бы затерянной столицей Восточного Юкатана. Спрятанная в глубине джунглей, неведомая внешнему миру, она была тайной индейцев Чан-Санта-Круса, которые раз в год приходили сюда к большим пирамидам по пути из Чумпома в Тулум, куда они несли священные кресты. Расположенный у большой внутренней лагуны, соединенной с морем проливами, Чунйашче был, несомненно, крупным торговым центром и важным портом древних майя. Его внутренние гавани представляли собой лучшее убежище для судов, чем даже сам Тулум, который, видимо, был в основном религиозным центром.

Мы с Канче шли теперь вдоль берегов лагуны, которую я видел с вершины пирамиды. Джунгли здесь были очень высокие. Кругом поднимались огромные деревья с гладкими стволами и мощными корнями,

уходящими в пористую почву. Наши ноги вязли в липкой грязи, с каждым шагом идти становилось все труднее.

Мы направлялись к берегу моря, но, чтобы туда попасть, надо было обогнуть две обширные лагуны и болотистые берега пролива, соединяющего лагуну Чунйашче с морем. Точных карт у меня не было, вокруг я не видел никаких ориентиров, поэтому совершенно не разбирался в дороге. Мне оставалось только целиком положиться на Канче, надеясь, что он не заблудится.

Уже четыре часа шли мы по топям. Когда Канче поворачивал ко мне свою наклоненную под тяжестью груза голову, я видел, как по его щекам струится пот. Надо благодарить судьбу за то, что она послала мне этого доброго человека. Один со своей ношей я бы никогда не смог пройти по таким местам больше десяти миль.

Около шести часов вечера мы вышли к узкому полуострову между морем и внутренней лагуной. В начале этой узкой полоски земли, которая тянулась дальше к югу, находился Капечен, временное пристанище индейцев из Тулума. У них были такие же хижины без стен, как на мильпе Канче. Три индейца лежали в своих гамаках, вокруг бегало с полдюжины черноглазых ребятишек, а у огня хлопотали женщины. Когда мы подошли, сбегавшиеся дети с любопытством стали разглядывать нас, в то время как мужчины, поднявшись в гамаке, поздоровались с нами в обычной бесстрастной манере майя. Я был так утомлен, что сразу бросился в свободный гамак, а Канче, мой добрый Канче, вскрыл для меня кокосовый орех. Видимо, кто-нибудь из индейцев работал на кокале и после работы прихватил с собой несколько орехов. Тут, в Капечене, я наконец стал немного понимать, что такое привычка майя к одиночеству. Подолгу работая на своих мильпах среди джунглей, индейцы никогда не скучают ни о деревне, ни о доме.

Утолив жажду прохладным кокосовым молоком, я принялся за тортильи и бульон, в котором было много стручкового перца и попадались куски дичи, мелко изрезанной прямо с костями. Чачалаки, подстреленные Канче, были очень желанной пищей. Не успели мы появиться в лагере, как там прилежно заработали мачете, разрубая на мелкие куски птицу, которую можно было бы отлично зажарить целиком. Но я был слишком благодарен индейцам за кров и пищу, чтобы еще навязывать им французские кулинарные обычаи. В тот вечер тушеная чачалака, хотя она и отдавала только перцем, была для меня лучшим блюдом в мире.

Пока Канче вел беседу с индейцами, я вынул свой блокнот и стал записывать все необыкновенные события этого дня. Как хорошо было снова оказаться у моря, где воздух пахнет свежестью, а комары не так свирепы. Заснул я в тот вечер очень быстро.

На рассвете к моему гамаку подошел Канче и сказал, что ему уже пора уходить. Как он выяснил у индейцев, идти дальше на юг сейчас нельзя, потому что в лагунах много воды, особенно в проливе, соединяющем их с морем. Место это называется Бока-де-Пайла, что значит «соломенный рот». В сухое время воды в проливе совсем мало, его можно перейти вброд. Правда, один из индейцев знает человека там, на побережье, у которого есть маленькая долбленая лодка. Может, он и перевезет меня через Бока-де-Пайла. Но как я смогу преодолеть другую лагуну и мутный залив Асенсьон, этого индейцы из Капечена сказать не могли. Мне вспомнились слова дона Хорхе Гонсалеса, что к югу есть еще кокали, может, на них-то я и узнаю, как переправиться через залив Асенсьон.

Мне очень хотелось заплатить Канче за все его труды и заботу, однако, боясь его обидеть, я просто подарил ему в знак благодарности две рубашки и один из двух моих маленьких мачете, купленных в Мериде.

Канче был в восторге, хотя я дарил ему не бог знает уж какие сокровища. Мои «оксфордские» рубашки с пристегивающимся воротничком и французскими манжетами, конечно, будут выглядеть на Канче смешно и долго не проносятся. Но Канче об этом не беспокоился, он горячо благодарил меня и все время повторял, что я должен снова прийти к ним в деревню и подольше пожить у него. Может быть, я обучу его всему, что есть в книжках.

Когда Канче уходил, легко шагая по зарослям, я посмотрел на его красивую фигуру и почувствовал, что теряю настоящего друга. Хотя я знал Канче всего лишь пять дней, обстоятельства превратили их в вечность. Как бы мне хотелось одарить его щедрее! И как часто потом его милое лицо стояло у меня перед глазами.

После ухода Канче я оказался совсем беспомощным, так как никто из индейцев не знал ни слова по-испански. Правда, это давало повод к немалому веселью. Мои попытки объяснить что-нибудь или понять других заставляли умирать со смеху и всех окружающих, и меня самого. Удивительно, какими прекрасными актерами становятся люди, когда им приходится выражать свои мысли действиями и жестами. В таких обстоятельствах понимаешь, что речь просто добавление к жесту и мимике, которые в обычном разговоре играют более существенную роль, чем мы привыкли думать.

Солнце уже стояло высоко, когда один из индейцев, взяв мою поклажу, повел меня по тропе вдоль лагуны. Не прошли мы и мили, как показалось море с его привычной яркой синевой и зубчатыми рифами. Теперь мы шли по узкой полоске суши. С обеих сторон была вода. Лагуны с правой стороны, разделенные болотистыми зарослями, казались бесконечными.

Часа через два мы вышли к кокалю, протянувшемуся вдоль берега перед полосой болот. Среди кокосовых

пальм красовался дощатый домик. Принадлежал этот кокаль богатому косумельцу. Когда мы подошли к дому, в дверях показался метис и подозрительно оглядел меня. Прежде чем я раскрыл рот, мой проводник объяснил, зачем я сюда пришел и какие у меня намерения. Метис сказал по-испански, что идти на юг сейчас невозможно; недавние ураганы уничтожили все кокали, кроме двух маленьких, да и вода в лагунах сильно поднялась. О заливе Асенсьон он ничего не знает, это слишком далеко. Едва ли кто-нибудь сможет перевезти меня через залив, ведь вблизи него на кокалях никто не живет.

Однако я уже забрался слишком далеко, чтобы отступать, и был уверен, что счастье меня не оставит. Я начал было расспрашивать метиса о еще более южных районах, но сразу понял, что он действительно о них ничего не знает. Дальше залива Асенсьон он не бывал да и вообще никуда не отлучался с кокаля, разве что изредка на Косумель. Все же метис предложил мне взять у него маленькую долбленую лодку. Два молодых индейца с кокаля могут переправить меня на ней через Бока-де-Пайла, где сейчас слишком глубоко, вброд не пройти. Как я понял, отсюда до Бока-де-Пайла было не больше мили.

Своему проводнику из Капечена я дал в награду довольно старую нижнюю рубашку, которую он взял с большой радостью. Потом в сопровождении двух индейских мальчиков (одному было четырнадцать лет, другому пятнадцать) я отправился к лагуне по другую сторону песчаной косы, где располагался кокаль. К воде пришлось пробираться по узкой тропке, проложенной сквозь заросли мангров, у которых воздушные корни отходят высоко от ствола и спускаются к земле. Мангры сами по себе растут не густо, непроходимыми их делают именно эти корни, твердые, как железо. В конце тропинки на топком

берегу лежала маленькая индейская лодка. Как и лодки древних майя, она была выдолблена из целого ствола дерева, только поменьше их. Предназначалась она лишь для одного человека. Мы забрались в лодку все трое, однако стоило кому-нибудь из нас кашлянуть, как она кренилась на бок и зачерпывала воду, заставляя меня опасаться за свой фотоаппарат с пленками.

Качаясь с боку на бок, лодка медленно скользила по мелкой мутной воде. Мальчик помоложе стоял с шестом на носу, его брат — на корме, а я лежал на дне лодки с мешками меж колен и боялся пошевелиться, каждую секунду со страхом ожидая, что мы вот-вот перевернемся и пойдем ко дну. Минуты через три после того, как мы выехали из зарослей, один шест завяз в иле, мальчик потянулся за ним, и лодка угрожающе легла на бок. Я и второй мальчик поспешили наклониться на другой бок. В это время шест неожиданно освободился, и мы все полетели в воду. К счастью, глубина здесь была не больше пятнадцати дюймов. Одно колено у меня упиралось в илистое дно лагуны, другое смешно зацепилось за лодку, фотоаппарат я держал над головой, а пленки... пленки у меня были в хенекеновом мешке, который теперь оказался в воде. Поднявшись на ноги, я в первую очередь схватился за мешок. Он, конечно, намок, но еще не успел пропитаться насквозь. Пленки, как потом выяснилось, совсем не пострадали благодаря надежной фабричной упаковке и моей всеспасительной куртке.

Мальчики снова перевернули лодку и разразились громким хохотом, оценивая все это происшествие как веселую шутку. Я сидел в лодке весь мокрый, конечности мои сводила судорога, но я не смел двинуться или заслониться от солнца и только смотрел в небо, удивительное, необозримое небо Кинтана-Роо. Мне казалось, что держится оно на двух тонких шестах моих капитанов, которые действовали ими красиво и

ловко, размеренно повторяя одни и те же замысловатые движения. Вот шест занесен над головой, взмах вперед — конец шеста постепенно погружается в слой ила, пока не упрется в твердое дно лагуны и лодка медленно продвинется вперед.

Следить за взмахами шестов, смотреть в бесконечное голубое небо и испытывать жалость к самому себе — все это не могло занять меня надолго. Из маленькой долбленной лодки мои мысли перенеслись к гондолам, и я вдруг запел. Обстановка была подходящая, гондолы пришли в голову сами собой, и я стал поражать двух юных индейцев разными ариями. «L'amour est un enfant de Bohême»^[20] и мой собственный вариант «O sole mio»^[21] (я только и знал эти три слова из всей песни) вызвали слезы у моих гондольеров, заставив их покатываться со смеху. В большем поощрении я и не нуждался. И вот над лагуной понеслись такие звуки, которые в Европе сочли бы более действенным средством вызывать дождь, чем кровавые жертвы майя Чакам. Но, видно, боги дождя слабо разбирались в музыке или страдали глухотой. Дождь не пошел, а через тихие воды лагуны до меня донеслось эхо моего собственного голоса.

Надорвав наконец голосовые связки, я принялся смотреть на воду. Когда мы проходили по самым мелким местам через вихри взбаламученной воды, лодка задевала дно. Иногда мимо проплывал островок с манграми на таком близком расстоянии, что ветки царапали борт лодки и касались моего лица. Я видел, как у островков снуют большие рыбы. Нередко это бывала опасная барракуда. Время от времени вблизи зарослей раздавался громкий всплеск большого тарпона, который сильно колотил хвостом по воде, разыскивая среди корней мангров мелкую рыбешку.

Над головой у меня прочерчивали небо черные стайки птиц, изредка я замечал где-нибудь белую цаплю. Кругом над топями и лагунами стояла какая-то жуткая тишина, будто в аквариуме, а на спокойной воде лежали причудливой формы острова. «Земля богов майя, — думал я, — таинственная земля, где среди извилистых протоков обитают лишь безмолвные твари — юркие ящерицы, коварные аллигаторы, гигантские черепахи, загадочные птицы».

Всю вторую половину дня мы продвигались на юг, петляя между островами мангров и илистыми мелями. Иногда мы плыли словно по большому озеру, но вскоре широкий водный простор опять сменялся узкими протоками между островами. По виду нельзя было определить, где тут твердая земля, а где топь.

Около пяти часов мои кормчие направили лодку к длинной полосе суши, отделяющей лагуну от моря. Сначала мы пробирались между болотистыми островками, потом вошли в грязную протоку среди сплетения мангров. Там было очень мелко, мальчикам пришлось выпрыгнуть из лодки и тащить ее по илистому дну. Остановившись наконец около купы мангров, они объявили, что мы приехали.

Прошлепав по воде, я выбрался на топкий берег, а ребята вытянули из воды долбленку и повели меня сквозь мангры, выбирая места, где кусты росли не слишком густо. Потом они показали мне песчаную дорожку, которая должна была привести к кокалю. Я заплатил мальчикам двадцать песо, и они ушли, очевидно обрадованные, что избавляются наконец от своего не совсем нормального пассажира. Несомненно, мое пение они оценили по достоинству.

Я не спеша продвигался по узкой тропинке и чувствовал себя вполне спокойно, шагая один через джунгли. Будущее меня не тревожило.

Однако через час мысли мои несколько изменились. Я стал беспокоиться, далеко ли еще до кокаля и найду ли я там пищу и воду. На тропинку ложились глубокие тени, с моря дул прохладный ветер, шелестя листвою деревьев.

Но вот наконец тропа привела меня к роще величественных пальм и превратилась в тенистую аллею. Выбравшись к берегу моря, я увидел в дальнем конце кокаля привычные теперь уже для меня маленькие хижины, приютившиеся в тени пальм.

Песок на берегу был слишком рыхлым, пришлось снова свернуть в рощу. Слева от меня плескалось море, справа в лучах заходящего солнца поблескивали воды лагуны, наполовину скрытые кустами мангров. Не дойдя до хижин, я случайно бросил взгляд на лагуну и там, на ее берегу, на высоком холме прямо перед собой, увидел в золотых лучах солнца храм. В ту минуту я совсем не думал о руинах, и эта величественная пирамида с храмом на вершине появилась будто во сне. Я бросился к ней сквозь высокий камыш. В зарослях оказались и другие здания, я сразу насчитал их не меньше шести. Несомненно, на этом месте тоже был большой город майя, и, судя по моей карте, его еще не видел глаз исследователя.

В лучах заходящего солнца руины выглядели очень эффектно, особенно высокая пирамида, поднимавшаяся над пальмами, словно она охраняла и лагуну, и море. Величественный страж, гордый осколок царства древних майя. «Как же должны были удивляться двое потерпевших кораблекрушение испанцев, когда увидели эти города, входившие во владения великого властителя Шамансаны, рабами которого они потом стали. И как же удивятся археологи в Мексике, — думал я, — когда услышат об этих руинах, неизвестных им до сего времени».

Я чувствовал себя в некотором роде конкистадором. Восторг от сознания, что я первый увидел такое чудо, быстро заставил меня забыть обо всех опасностях путешествия. До сих пор стоят у меня перед глазами все эти изумительные видения — грандиозные пирамиды Чунйашче, таинственные храмы среди болот и, наконец, этот обширный город у кокаля Сан-Мигель-де-Рус, город, давно утративший свое имя на языке майя.

Становилось уже слишком темно, чтобы продолжать осмотр. Взглянув последний раз на пирамиду, я со своей тяжелой ношей быстрым шагом направился к хижинам кокаля, поспев туда как раз до темноты. Появившиеся из хижины две индеанки посмотрели на меня с явным подозрением. Не зная толком, что сказать, я спросил, нельзя ли здесь получить еду и место, где можно повесить гамак. Одна из женщин, говорившая по-испански, ответила, что ночевать тут нельзя и вообще, пока ее муж не вернется с кокаля, она ничего не может для меня сделать. Вернулся он через час. Этот человек в синих штанах и заплатанной рубашке из грубой бледно-голубой материи показался мне симпатичным. Когда я объяснил ему, откуда пришел и куда направляюсь, он улыбнулся и выразил удивление, что я собираюсь в такой долгий путь.

Потом он радушно пригласил меня в свой дом, сказав, что спать я могу в одной из маленьких хижин, где хранится сушеная копра до отправки ее на Косумель.

Ободренный таким сердечным гостеприимством, я отважился спросить, нельзя ли мне задержаться тут еще на день, чтобы отдохнуть и осмотреть руины. Хозяин согласился. Тогда я стал расспрашивать его о руинах. Не было ли здесь кого-нибудь из иностранцев до меня? Нет, не было. Никто, кроме его семьи, этих построек ни разу не видел. Вот уже семнадцать лет он

живет здесь, и за все это время никто у них не бывал, лишь изредка забредают сюда чиклеро да приходят люди с другого кокаля. Он расположен чуть южнее и называется Чамаш.

На следующий день я поднялся чуть свет и сразу пошел к развалинам. Главная пирамида достигала в высоту сорока пяти метров, ее венчал прямоугольный храм, какие встречались везде на побережье, только он был крупнее и имел два широких входа, ведущих внутрь помещения, где не было никаких следов росписи. У подножия пирамиды высились груды больших камней, видимо остатки довольно крупных построек. Кое-где даже сохранились еще стены. Внимательно осматривая все вокруг, я наткнулся на поваленные колонны, наполовину засыпанные камнями. Тогда я стал обследовать и другие места и вскоре увидел большое прямоугольное здание с двумя огромными пилонами по бокам широкого дверного проема. К сожалению, значительная часть массивной сводчатой крыши этого здания обвалилась, засыпав почти целиком внутреннее помещение. Всего на краю кокаля и дальше к болотам я обнаружил остатки десяти крупных строений. Они были расположены вокруг сильно поврежденных корнями растений высоких пирамид с храмами наверху. Не удивительно, что здесь еще никто не побывал. Пирамиды так заросли кустарником, что их невозможно было заметить с корабля, окажись он даже у самого берега. И действительно, те немногие археологи, которые плавали вдоль побережья в поисках руин, не увидели этих пирамид, а пройти здесь пешком еще никто не отваживался.

Меня распирало от гордости. Все мои детские мечты о приключениях бледнели рядом с реальностью. Что могло сравниться с тем восторгом, который я испытывал всякий раз, когда видел неизвестные еще

постройки и заглядывал внутрь их сводчатых комнат! Разве в такие моменты я не приближался к древним майя, насколько это возможно? Разделявший нас промежуток времени в четыре столетия как будто суживался. Очень часто, подходя к этим строениям, я так и ждал, что оттуда выйдет древний воин в алой боевой раскраске.

У кокаля Сан-Мигель-де-Рус мне попался маленький храм, внутри которого был еще один храм поменьше. В наружном храме образовался таким образом узкий коридор, охватывающий внутреннюю, более раннюю постройку, где был виден древний алтарь, куда майя, должно быть, ставили своих глиняных идолов. На одной стороне внутреннего храма возвышался небольшой каменный помост высотой в один фут.

Я пошарил вокруг храма в надежде найти что-нибудь интересное и действительно вскоре подобрал черепки древней керамики, но, увы, все они были такими мелкими, что едва ли могли представлять какую-либо ценность. Я все же оставил несколько черепков, и хорошо сделал, так как все собранные мной керамические образцы оказались настоящим сокровищем. По ним можно было определить возраст сооружений. Как хорошо, что я не спутал образцы, складывая их в отдельные бумажные мешочки.

Вернувшись на кокаль, я поел кукурузных лепешек с черными бобами и опять отправился к руинам, чтобы составить подробную карту города, казавшегося мне тогда самым большим из всех городов майя, какие я только видел. Я считал его гораздо больше Чунйашче, где у меня просто не было времени осмотреть все как следует.

Целый день я карабкался по разрушенным каменным зданиям, очищая их от кустарника, чтобы можно было делать снимки. Вечером, уставший и исцарапанный, я завел разговор с хозяином маленького

кокаля о дороге к Белизу. Он сказал мне то же самое, что я уже слышал не раз: никаких тропинок там нет, только джунгли и болота. Нет там и никакого населения, за исключением очень редких кокалей. К югу от залива Эспириту-Санто из-за ураганов опасаются устраивать новые кокали на месте уничтоженных. Что же касается залива Асенсьон, то у его северного края стоит маяк, где жил раньше сторож. Однако сейчас маяк бездействует, так как сторож погиб во время последнего урагана.

Я просил хозяина проводить меня немного, хотя бы до последнего кокаля на этом узком полуострове, но он отказался. Туда и за целый день не дойдешь, а ему нельзя надолго отлучаться с кокаля.

— Но тебе нечего бояться, — добавил он. — Иди у самого берега. Через три мили будет кокаль Чамаш. Около него тоже есть развалины, только я не советую тебе туда ходить. Там живут муй мала генте (очень плохие люди).

И он стал рассказывать, что в Чамаше раньше была колония — поселок, куда стекались всякие бандиты из Веракруса. Они убегали сюда, на безлюдный берег, чтобы скрыться от правосудия, и потом все становились чиклеро. Каждый человек в этой когда-то многолюдной колонии был убийцей. Между собой они тоже часто устраивали кровавые драки, и в конце концов там осталось в живых всего пять человек. Эти-то пятеро и живут до сих пор на кокале Чамаш, занимаясь грабежами и всякими темными делишками. Они торгуют контрабандным виски. Привозят его по лагунам из Белиза, а потом по тайным тропам уносят во внутренние районы.

Разумеется, я со страхом думал о встрече с бандитами из колонии и все-таки был обрадован. Какое мне дело, что они контрабандисты? Ведь у них есть лодка, они могут отвезти меня если не до Белиза, то по

крайней мере южнее залива Асенсьон. Знал же я одного чиклоро, Мигеля, который был совсем неплохой человек. Но хозяин кокаля имел на этот счет другое мнение.

— Держись подальше от этих людей, — предупреждал он меня. — Не советую тебе даже останавливаться там и разговаривать с ними.

На следующее утро на душе у меня было тревожно. Первый раз я отправлялся в путь на целый день без проводника и даже толком не знал, куда идти.

Попрощавшись с кокалеро и его двумя женами (а может, и не женами), я покинул кокаль. Мысленно я повторял свой маршрут: идти по берегу до Чамаша, где живут эти грабители и контрабандисты, весь остальной путь тоже держаться берега, пока не встретится кокаль Сан-Франсиско. Хозяин Сан-Мигель-де-Руса считает, что до него двадцать пять миль, но я уже не доверял тут никаким оценкам расстояний.

Через час пути я стал подумывать, что двадцать пять миль, а может, и все тридцать будет для меня многовато. Ноша уже оттянула мне шею и становилась все тяжелее.

Солнце палило немилосердно, и пот катился с меня градом, когда я наконец после двухчасовой ходьбы и многочисленных остановок оказался у края кокаля контрабандистов. На берегу я заметил вытащенную на песок маленькую парусную лодку и хотел подойти поближе, но вдруг увидел негра. Он сидел около лодки и чинил изодранный парус. «Интересно, контрабандист он или нет», — думал я, направляясь к нему.

— Что тебе надо? — рявкнул негр по-испански.

В это время откуда-то появился еще один тип, очень неприятный на вид.

— Ты кто, авантюрист или пропагандист? — спросил он громовым голосом.

До смерти перепуганный, я ответил, что иду в Белиз, а потом упомянул о руинах.

— Меня интересуют руины, я слышал, что они находятся тут поблизости.

— Нет тут никаких руин, — отрезал мексиканец. Опасаясь дурных последствий, я не стал спорить с этими типами и поспешил с ними распрощаться. Шагая по бесконечному песчаному берегу, я решил все же свернуть чуть подальше в тень кокала. Если там есть какие-нибудь руины, может, я их все-таки увижу.

Кокаль казался совсем запущенным. Размышляя, насколько могут быть опасны эти люди в Чамаше, я пробирался со своей тяжелой ношей сквозь высокий кустарник под пальмами. Вдруг совсем неожиданно я увидел два больших сооружения: очень хорошо сохранившуюся пирамиду и еще какое-то полуразрушенное строение. Пирамида была поменьше той, что я видел накануне. Она поднималась гигантскими уступами и заканчивалась обычным прямоугольным храмом. Сбросив, мешки, я взобрался на вершину и осмотрел как следует верхнее здание. Затем я обследовал и второе строение. Должно быть, это был какой-нибудь дворец.

Стоял он на очень высокой насыпи и теперь наполовину обрушился. Уцелевшая часть представляла собой длинное высокое помещение со сводчатым потолком и двумя входами на одной стороне и одним — на другой. Одной стены у этой длинной комнаты не было, она обвалилась. Внутри я нашел многочисленные следы росписи, но в очень плохом состоянии. Больше всего меня поразили красные отпечатки рук, хорошо заметные на штукатурке. Будто оттиснутые кровью, они производили жуткое впечатление. В моем воображении ожили люди, оставившие здесь отпечатки своих рук. Они словно подавали весть о себе из далекого прошлого.

На Юкатане найдено много таких отпечатков красных ладоней, однако никто не разгадал их настоящего значения. Кто знает, может, это отпечатки рук жертв, предназначенных страшным Чакам.

Долго любоваться развалинами мне не пришлось. Взобравшись снова на пирамиду, я вдруг увидел три фигуры, стоявшие на крыше дворца, который я только что покинул. Заметив меня, все трое стали что-то кричать. И тут я с ужасом узнал в двоих из них тех самых бандитов, которые ехали со мной на «Лидии» с Косумеля, а потом ограбили кокаль на побережье. Третьим был тот неприятный тип, который заявил мне, что в Чамаше нет руин.

Я сразу почувствовал что-то недоброе, сердце у меня заколотилось. Опрометью слетев с пирамиды, я схватил свои тяжелые мешки и помчался сквозь кусты, не смея взглянуть назад и моля бога, чтобы за мной никто не гнался. Только ярдов через триста я рискнул наконец оглянуться. Нигде никого не было. И все-таки я не успокоился. В голове моей проносились страшные рассказы о чиклеро, и мне все чудилось, что из-за кустов за мной кто-то следит. Я шел все быстрее и быстрее. Песчаный пляж сменился скалами, идти вдоль берега стало невозможно. Я наудачу свернул в джунгли. Здесь они были не очень густые и не очень высокие. Однако через пять минут путь мне преградила вода. Это был сильно заболоченный рукав лагуны, деливший почти пополам тот небольшой полуостров, где я находился. Пришлось возвращаться обратно и искать другой путь среди колючего кустарника и пальм. Выбрать его я мог только наудачу, потому что не имел ни малейшего представления о лежащей впереди территории, и теперь, как никогда, оценил значение хорошей карты. Я старался держаться поближе к морю, но, кто знает, нет ли там впереди глубокого залива, который придется обходить не меньше трех часов.

Я неуверенно пробирался сквозь кустарник, пуская иногда в ход свой маленький мачете. Когда у меня окончательно прошел страх перед погоней, я почувствовал сильный голод и жажду. Не пил я с самого утра и не взял с собой никакой еды, легкомысленно надеясь достать все в Чамаше.

Солнце палило во всю мощь, кругом звенели и стрекотали сверчки и кузнечики, возвещая о самом жарком времени дня. Жители умеренных широт обычно думают, что солнце может приносить только радость и удовольствие. Для них холодный серый день кажется символом тоски и отчаяния. Но теперь я хорошо представлял себе, что такое сила тропического солнца, беспощадная сила, которая гораздо чаще угнетает, чем радует. Это слепящее, испепеляющее солнце жжет так сильно, что под его жаркими лучами предметы теряют свою форму, как будто их расплющил этот огромный пылающий посреди неба шар, на который никто не в силах взглянуть, но который каждый постоянно ощущает у себя над головой.

Мешки мои все тяжелели, я шел все медленнее и совсем изнемогал от жажды. Через каждые четыре шага истершиеся ремни моих сандалий съезжали вниз, и я должен был прыгать на одной ноге, чтобы водворить их на место.

Кончится ли когда-нибудь этот день и найду ли я наконец живое существо и хоть какой-то кров и воду?

Умирая от жажды, я отчаянно искал, где бы можно было напиться. Но кокосовых пальм я не видел, кокали были отсюда слишком далеко, а рассчитывать на песчаном берегу на сенот не приходилось. В изнеможении тащился я дальше, всячески убеждая себя, что в начале пути шел гораздо быстрее, чем предполагал. Может, уже скоро впереди покажется кокаль, благословенные кокосовые пальмы, что будет означать не только воду, но также пищу, жизнь.

Полузакрыв глаза и стараясь думать, что иду правильным путем, я снова свернул к морю в надежде увидеть открытый песчаный пляж. И действительно, я вышел к узкой песчаной полосе берега, где, к своему величайшему восторгу, увидел знакомые листья кокосовой пальмы. Она была маленькая, изогнутая и стояла на берегу совсем одна. На ее мохнатые корни, похожие на щупальца осьминога, набегали морские волны. Наконец-то я смогу хоть капельку освежиться! Пальма, видимо, выросла из ореха, случайно прибитого сюда морем. На ее верхушке висело с полдюжины довольно жалких на вид плодов. Мне удалось сбить один орех, но я очень долго не мог вскрыть его. Наконец мои усилия увенчались успехом, я хватаю орех, подношу к губам, начинаю пить и в ту же секунду выплевываю отвратительную соленую жидкость. Был ли орех слишком незрелым или дерево росло слишком близко к морю, только жидкость для питья не годилась. Тогда я с жадностью принялся уничтожать мякоть ореха.

Почувствовав себя чуть бодрее, я снова пустился в путь, следуя вдоль узкого песчаного пляжа, окаймленного зарослями колючих кустарников. Разморенный солнцем, я медленно тащился по берегу, увязая в рыхлом песке. Когда заросли немного поредели, я свернул в сторону от берега и теперь шел по обнаженному известняку, выходившему на поверхность отдельными плоскими пятнами, разделенными, словно участки полей, живой изгородью из пальм и кустарника. Известняк был раскален, как печка. Его белизна слепила глаза. Вдруг посередине одного из таких каменистых участков я увидел постройку майя.

В одну минуту забыв и жажду и усталость, я бросился к зданию. Это была постройка типа маленьких храмов всего в два ярда высотой, с характерным

скошенным входом. Однако храм имел одну интересную особенность — его опоясывал фриз в виде двух параллельных каменных валиков. Вдоль валиков шли прямоугольные ниши, украшенные очень изящным орнаментом из покрытых штукатуркой тонких длинных кусочков коралла, уложенных крестиками. Такое интересное украшение я встретил первый раз.

Просто чудо, что здесь мне снова попался еще один никому не известный след древних майя. Наверное, все побережье от Сан-Мигеля-де-Руса до этого места было когда-то единым огромным поселением. А может быть, это были три близко расположенных друг к другу города, о которых говорил капеллан Грихальвы? Ведь в древние времена все они хорошо просматривались с моря. Странно все-таки, почему здесь до сих пор не было сухопутных экспедиций. Отсюда по воздуху всего шестьсот пятьдесят километров до мыса Канаверал, где испытывают ракеты для посылки на луну и запускают спутники в космическое пространство. А тут лежит неисследованная земля!

Я несколько раз сфотографировал строение, сделал небольшие зарисовки и принялся разыскивать черепки. Вскоре на глаза мне попался блестящий камень. Это был осколок обсидиана, полудрагоценного вулканического камня дымчатого цвета. Древние майя делали из обсидиана ножи, бритвы и даже наконечники пик. На обломке, который я поднял, сохранились явные следы обработки, свидетельствующие, что это был обоюдоострый нож. Находка обрадовала меня больше, чем все развалины, открытые в тот день.

Но все же я по-прежнему чувствовал изнеможение, когда снова отправился в путь, шагая по каменистым участкам среди зарослей кустарника. Временами сквозь чащу проглядывало море или свинцово-серые воды лагуны, откуда изредка доносились резкие крики птиц.

Я все время старался рассмотреть, куда идет береговая линия и не покажется ли там что-нибудь впереди, но ничего обнадеживающего не видел. Сколько же мне еще идти? Может быть, пора уже выбираться к морю? Но как это узнать? Справа по-прежнему простиралась лагуна с плоскими островками и мелями, покрытыми манграми.

И вдруг кустарник кончился, путь мне преградил короткий пролив, соединявший лагуну с морем. В тридцати ярдах от этого пролива чуть возвышался плоский остров.

Сперва я просто испугался, не зная, что делать: переплывать ли пролив, переходить его вброд или же вернуться назад и поискать другую дорогу в обход лагун. Но у меня не хватило бы сил пройти весь обратный путь. Кроме того, я боялся опять встретиться с головорезами из Чамаша. С самого утра у меня во рту не было ни капли воды, а мякоть кокосового ореха, конечно, не могла утолить голода, так что я еле держался на ногах.

Надо было как-то пробиваться вперед, ведь кокаль, о котором мне говорили, расположен на берегу моря, а не за лагунами. Через небольшой пролив в лагуну вливалась голубая прозрачная вода. Течение было быстрое, но глубину я не мог определить на глаз. Не теряя времени, я сбросил мешки и осторожно вошел в воду, нащупывая дно ногой. Глубина нигде не превышала четырех футов. Я вернулся за мешками и, подняв их над головой, отправился через пролив. На половине пути я вдруг почувствовал, как из сумки выскользнул маленький мачете и упал в воду. Выбравшись на другой берег и сбросив груз, я снова кинулся на середину пролива, но, сколько ни искал, найти ничего не смог.

Силы мои были почти на исходе, губы запеклись от жары, а шея онемела от неудобного хенекенового

мешка, потяжелевшего прямо на сотни фунтов. Я снова шел по узкой полоске суши, едва поднимавшейся над уровнем моря и покрытой редким кустарником. С левой стороны кое-где попадались высокие песчаные дюны, закрывая от меня море. Все выглядело очень уныло. Ни единого признака близости человеческого жилья, никаких следов на песке — ничего, кроме крошечных веерных пальм, небольших кустиков да редких пучков травы.

Меня охватывало отчаяние. Чтобы немного набраться сил, я решил передохнуть в тени кустарника. Снова подняться потом на ноги мне стоило большого труда, я чуть не шлепнулся опять на землю. Поднимая мешки и надевая на лоб ремень, я едва удерживал равновесие.

Сбросив сандалии, которые теперь мне только мешали, я старался идти у самого берега. Однако песок у моря был колким, а соленая вода разъедала царапины и ссадины на ногах.

Я попробовал тащить свой груз по песку, привязав его за конец веревки от гамака, но из этого маневра ничего не вышло, так как перед мешком сгребались большие кучи песка. Теряя последние силы, я совсем упал духом и уже всерьез сомневался, что впереди есть какое-то жилье. Если теперь мне даже и попадетя кокосовая пальма, я все равно не смогу без мачете вскрыть прочную, волокнистую скорлупу ореха.

День был на исходе. Я отчаянно старался взять себя в руки и двигаться как можно быстрее. Пот заливал мне глаза, на каждом шагу я уговаривал себя не останавливаться, упорно повторяя, что если не за теми вон кустами, то уж за следующими обязательно откроется вид на пальмовую рощу и покажутся привычные маленькие хижины, где я смогу напиться воды и провести ночь. Но кусты следовали за кустами, сменяясь иногда плоскими каменистыми участками, а я

все шел среди бесконечного песка и камней. Солнце по-прежнему пекло что есть силы, хотя и начинало клониться к западу.

Я был на грани полного отчаяния. В мозгу у меня проносились все предостережения, все советы, которыми я пренебрег. И тут я вдруг понял, что все эти храмы не были до сих пор открыты вовсе не потому, что у людей не хватало исследовательского пыла, и не из-за враждебности индейцев, а потому, что этот берег был слишком неприютен — одни бесплодные камни, болота и лагуны, а за ними высокие суровые джунгли. Только такой дурак, как я, мог сунуться на это побережье. Ну кто мне здесь окажет помощь? Никто даже не знает, где я нахожусь. Хотя вдоль моего пути на побережье тянется цепочка имен и мест, однако ее звенья не связаны между собой. Один за другим я прошел целый ряд обособленных пунктов: Пуа, Танках, Тулум, развалины Чунйашче, кокаль на другом конце лагун. Теперь я был на острове между лагуной и морем — плоском, сухом клочке земли, протянувшемся вдоль морского берега, от которого рифы уже сотни лет отпугивают мореплавателей. И здесь мне, видно, суждено найти свою смерть!

Я уже ни на что не надеялся, а просто механически продвигался вперед, отгоняя комаров, появившихся над болотистой лагуной.

Я бы наверняка остановился, сбросил вещи и отказался от дальнейшей борьбы, если бы вдруг не увидел перед собой почти неразрушенный храм майя. Он появился как галлюцинация и выглядел очень странно в этом пустынном месте. Неожиданное появление храма заставило меня превозмочь усталость. Теперь для меня это были не просто руины древних майя, а признак жизни на диком берегу.

Новая находка подтверждала мою мысль, что все побережье к югу от Тулума представляло собой

непрерывную цепь городов и что пустынный берег Кинтана-Роо может стать в конце концов неисчерпаемой сокровищницей для археологов. Восторг от сознания, что я сделал еще одно открытие, вселил в меня новую надежду и прибавил немного сил. Это маленькой строение, сплошь покрытое растительностью, стояло за высокой песчаной дюной, закрывавшей его со стороны моря. Больше всего меня удивила форма здания. Оно было не прямоугольное или квадратное, как все те, что я до сих пор встречал, а овальное. И по размерам оно было немного побольше, достигая в высоту трех или четырех ярдов. Классический, узкий и невысокий, дверной проем был обращен в сторону песчаной дюны. Стены хорошо сохранились и по форме представляли правильный овал, немного более округлый, чем у хижин в деревнях индейцев Чан-Санта-Круса. Вверху стены были украшены типичным фризом из двух параллельных каменных валиков, покрытых штукатуркой. В архитектуре древних майя круглая форма встречается очень редко. Сохранилось всего лишь несколько круглых башен, возведенных на платформах, да те характерные конические верхушки пирамид, какие я видел в Чунйашче.

Когда я заглянул внутрь храма, заслоня своим телом узкий вход, у меня было чувство, что я оскверняю святилище. Глаза мои скоро привыкли к полумраку, и тогда я с удивлением увидел, что внутри храм не пустой. Половину всего помещения занимала огромная глыба овальной формы — гигантский коралл со своими бесчисленными тонкими отростками. Он напоминал какое-то ископаемое с губчатой поверхностью. Коралловая скала была так велика, что ее, конечно, не могли пронести через узкую дверь, а должны были установить тут еще до возведения храма. Может быть, храм посвящен морскому богу? Впоследствии этот

коралл удивлял всех специалистов по археологии майя, которым я описывал здание.

Потолок храма был куполообразный, вместо традиционного свода майя. Такие потолки — большая редкость, и я был счастлив, что мне попался один из них. Сделав снимки, я отправился дальше, в свой нескончаемый путь на юг, с новой надеждой и энергией. Солнце было уже почти у горизонта, и я старался придумать, как бы мне получше устроиться, если придется заночевать на берегу.

Через два часа, когда на голый остров спустились сумерки, я заметил кокосовую пальму, потом другую, а затем, боясь поверить собственным глазам, увидел целую рощу. Это, был тот самый кокаль, где я рассчитывал провести ночь. Все мои страхи сразу исчезли. Я шел через рощу и смотрел на гроздья тысяч гигантских орехов, свисающих из-под листьев. Это усиливало мою жажду, заставляя прибавить шаг.

Впереди, примерно в миле от меня, замерцал огонек, затем послышался лай собак, и вот я уже вижу знакомые контуры двух хижин под кокосовыми пальмами на песчаном берегу. В дверях одной из них появился темный силуэт мужчины с ружьем в руках. Я изобразил тот странный крик «у-угх», который мне так часто приходилось слышать, крик, означающий «ты слышишь меня? Я здесь», и направился к мужчине. Разглядев меня в узкой полоске желтоватого света, пробивавшегося из дверей хижины, мужчина опустил ружье.

Растерявшись, не зная, что сказать, я проямлил:
— Добрый вечер.

К счастью, человек говорил по-испански. Прежде всего я попросил напиться и совершенно без сил опустился на песок, объясняя, что пришел из Сан-Мигель-де-Руса. Это название и мой вид не могли не вызвать доверия. Мужчина очень удивился, что мне

удалось столько пройти и переправиться через рио, как он назвал пролив, который я переходил вброд, и забросал меня кучей вопросов о дороге. Я вкратце объяснил ему, зачем пришел на побережье.

Как и все кокалеро, человек оказался очень гостеприимным. Попросив жену приготовить для меня еду, он пошел срезать кокосовый орех. Я пил с собачьей жадностью, заливая подбородок и шею. Наконец-то, наконец-то я нашел и воду, и пищу, и кров!

Если б у меня были силы, я бы расцеловал своего благодетеля. Никогда еще я не смотрел на человека с такой признательностью. Ведь он спас мне жизнь! Мужчина сказал, что ни разу не видел здесь ни одного иностранца.

Позднее, уже забравшись в гамак, я понял, что прошел в тот день шестнадцать часов под палящим солнцем, без капли воды и с грузом в сорок пять фунтов. Заснул я очень быстро под тихое раскачивание гамака и шум кораллового рифа.

На следующее утро я проснулся, когда солнце уже пробивалось золотыми полосами через щели в стенах хижины. Хорошо выспавшись, я сразу забыл все мучения вчерашнего дня. Теперь я находился на кокале Сан-Франсиско, очень похожем на Пуа. Здесь тоже жили сами владельцы кокаля, бедные переселенцы с Косумеля.

Я быстро встал и тут же отправился в главную хижину, чтобы потолковать немножко с хозяином, разузнать у него о встретившихся вчера руинах. Храм с орнаментом из крестиков, который попался мне после встречи с бандитами, он никогда не видел.

— Я ни разу не был на побережье к северу от своего кокаля, — объяснил он. — А круглое здание — это, наверно, старый испанский дом, где жили пираты.

Он очень удивился, когда я объяснил ему, что постройкам много сотен лет. От него я узнал названия

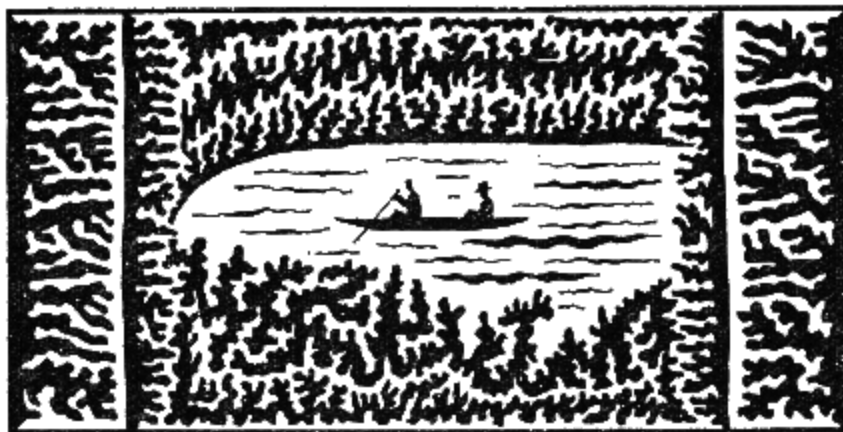
заливов, где стояли развалины, — Пунта-Сан-Хуан и Рекодо-Сан-Хуан — и на своей археологической карте поставил отметки у этих названий. С тех пор как я прибыл на кокаль Пуа, у меня на карте появилось уже девять таких значков. Сколько же еще будет археологических открытий к югу отсюда? Я предчувствовал, что там меня ждет много чудес, и не ошибся.

В Сан-Франсиско раньше тоже была одна постройка древних майя, но, к сожалению, несколько лет назад хозяин кокаля разобрал ее, чтобы использовать камни. Он повел меня взглянуть на этот, археолог бы сказал, кошмар — грудку камней, оставшуюся от маленького квадратного храма, разрушенного совсем недавно.

Существование здесь еще одного строения укрепило меня в уверенности, что вся территория к югу от Бока-де-Пайла — узкий полуостров и вытянутый остров, где я сейчас находился, — была в древности одним обширным приморским поселением.

Кокалери сказал мне, что остров тянется на десять миль к югу, вдаваясь в залив Асенсьон и почти закрывая вход в него с севера. На южном конце острова раньше стоял маяк, вернее, автоматический бакен, но он был уничтожен последним ураганом. Других поселений на острове нет. Тем не менее мне все-таки повезло, потому что на том месте, где прежде был маяк, я, вероятно, найду рыбака. Этот человек каждый год приезжает туда на некоторое время. Мой хозяин видел, как три недели назад его маленькая лодка проплыла мимо кокаля на юг. Значит, мы наверняка его там встретим, и, может быть, он перевезет меня через этот большой залив, преграждающий путь к Белизу.

8. Нефриты богов

К одиннадцати часам мы собрались в дорогу. Я был очень рад, что мне не придется нести мешок и что я встретил такого замечательного человека, как хозяин кокаля Сан-Франсиско. У этого маленького худенького косумельца с тихим голосом я был в неоплатном долгу уже за то, что он спас меня от жажды, когда я, полумертвый, вдруг появился на его кокале.

Через три часа мы подошли к жутким остаткам кокаля, где недавно промчался ураган Жанет. Мне еще ни разу не приходилось видеть последствий сильного урагана. Все здесь было разорено. Как ампутированные конечности, торчали сотни голых стволов кокосовых пальм, потерявших свою пушистую вершину. Страшное зрелище! Но еще больше стволов, целые тысячи, лежали на земле, будто поваленные рукой великана, аккуратно разложившего их в особом порядке. В этом месте прошел глаз циклона. Видимо, действовал здесь не только ветер, но и морские волны, захлестнувшие весь кокаль до самой лагуны. А вот кокаль Сан-Франсиско уцелел, хотя и был совсем рядом. Его хозяин потерял лишь несколько сот деревьев.

В конце острова, за этим печальным кладбищем стволов и страшных пней, стояла жалкая хижина. Ее повалил и потрепал ураган. Хижину потом подняли и починили, подперев стены большими кольями. Все жители кокаля погибли во время урагана, а хижина стала приютом рыбака, на которого я возлагал теперь все надежды.

У входа нас встретила старая мексиканка, видимо мать рыбака. Сам он ушел ставить сети и верши между островами мангров.

Я остался ждать рыбака, а кокалери попрощался со мной и ушел обратно. Старая женщина не в пример большинству старух была совсем неразговорчива, поэтому в ожидании хозяина я решил пока взглянуть на окрестности. Хижина стояла на песчаном мысе. На востоке простиралось синее Карибское море, а на юге — желтоватые воды горловины залива Асенсьон, протянувшегося на двадцать миль. Противоположный берег залива терялся в туманной дымке. Кое-где я видел маленькие островки с кустами мангров, как бы блокирующих вход в залив. На западе залив уходил за горизонт, глубоко вдаваясь в сушу. По берегам его тоже были мангры, они тянулись с севера, параллельно тому песчаному острову, по которому я пришел сюда. Трудно было понять, где там твердая земля, где лагуна, скорее всего это была цепь маленьких лагун, идущая к большой лагуне у Чунйашче.

Должно быть, во времена древних майя по всем этим лагунам от одного поселения к другому без конца сновали лодки. Здесь был большой портовый центр, гигантская Венеция на каналах и лагунах, усеянных островками мангров и твердыми песчаными отмелями, где высоко в небо грозно поднимались пирамиды. Теперь все тут было пустынно. Одни лишь лагуны с мутной водой, чередующиеся со светлой зеленью мангров и маленькими островами. Где-то там на берегу

залива находился порт Вигия-Чико, бывший некогда единственным выходом к побережью для осажденной армии генерала Браво. Раньше по берегам залива жили индейцы Чан-Санта-Круса, теперь же эти места совершенно обезлюдели, лишь несколько метисов с Косумеля обитает на пустынном побережье. В семнадцатом веке залив Асенсьон был важнейшей пиратской гаванью — дикое, уединенное естественное укрытие. Однако на его предательских мелях гибло не одно пиратское судно, поджидавшее здесь в засаде появления испанских кораблей, которые шли с юга навстречу пассатным ветрам, направляясь в Сантьяго-де-Куба.

Среди поломанных стволов пальм валялся помятый ржавый остов маленького бакена. Судя по его новой конструкции, бакен был установлен здесь недавно.

К полудню вернулся рыбак. Сначала о нем возвестил лай собаки, а потом я увидел маленькое суденышко с грязным треугольным парусом. Оно медленно плыло вдоль побережья, направляясь к песчаному пляжу, где вскоре со скрипом остановилось. На берег вышел сильный коренастый мужчина и стал наматывать на столб причальный канат. Выглядел он настоящим пиратом: закатанные до колен бледно-голубые пропитанные солью штаны, такого же цвета широкая, распахнутая на груди рубаша в заплатках, обветренное лицо, маленькие густые усы, повязанный на пиратский манер вокруг головы красный платок и длинный нож на боку. У него даже была золотая серьга в ухе. Одним словом, персонаж моих детских грез. Мне невольно представилось, как он держит в зубах нож. Но к моему разочарованию, мужчина просто подошел ко мне и довольно громко спросил по-испански, что мне нужно.

Я объяснил ему, что пробираюсь пешком в Белиз, разыскиваю храмы и руины и что мне нужна его помощь.

— А-а, — сказал мужчина, — ты ищешь сокровища. Я уже встречал таких людей. Есть у тебя карта?

Меня совсем не удивил этот вопрос, звучавший так естественно в устах человека с внешностью Долговязого Джона Сильвера^[22]. Я поспешил уверить его, что у меня нет никаких тайн и никаких карт. Он, кажется, поверил и обещал за двадцать песо перевезти меня завтра через пролив. Место, где мы причалим, называется Кармен и еще как-то (второго слова я не разобрал), только рыбак сомневался, что я смогу пройти потом дальше, так как к югу все кокали уничтожены ураганом. К тому же теперь сильно поднялась вода в лагунах, и их нельзя ни перейти вброд, ни обойти по берегу. Но он знает человека, который живет в местечке Кармен, и попросит его помочь мне.

Обрадованный, что с переправой через залив Асенсьон все уладилось так просто, я поблагодарил пирата и попросил у него еды и пристанища на ночь.

Проснувшись на рассвете, я узнал, что из-за встречного ветра переплывать залив пока невозможно. Для меня это было полной неожиданностью. Все утро я с беспокойством вглядывался в море, бегал чуть ли не каждую минуту в хижину сообщать о малейших изменениях, казавшихся мне благоприятными. В конце концов это даже разозлило хозяина.

Через три часа он наконец счел погоду подходящей и, попросив сперва показать ему деньги, повел меня к маленькому суденышку, не больше «Лидии». С попутным ветром мы отчалили от берега, обогнули крайнюю точку острова и вышли из синих вод Карибского моря в мелкий залив Асенсьон, направляясь к отдаленным островам с манграми. Теперь было видно, что вход в залив загроможден мелями. Как я потом узнал, залив был раньше глубоким и судоходным, а сейчас он для крупных судов недоступен. До сих пор

моряки пользуются очень старыми и неточными картами, новых карт или лоций для этих районов побережья не существует. Очевидно, береговая линия Кинтана-Роо никогда не выверялась, так что на всех мировых картах она может быть смещена на целых полградуса.

Однако моего капитана-пирата это мало трогало. Он вел судно прямым курсом через лагуну, а я лежал на спине, изредка провожая взглядом фламинго, пролетающих по небу. Теперь я уже привык к одиночеству и молча размышлял о всех странных обстоятельствах, что привели меня на побережье, и о всех последующих событиях, завершившихся этим вот плаванием через залив Асенсьон.

Плыть пришлось три часа. К полудню показался противоположный берег залива, мы направлялись в его юго-западную часть. Берег предстал перед нами частоколом мертвых кокосовых пальм и зарослями мангров. Через некоторое время я с изумлением заметил, что все мертвые деревья торчат корнями вверх. Видимо, сначала они были унесены ураганом, а потом приливные волны втиснули их как попало в песок корнями кверху. Мы подходили к узкой полоске песчаного берега, наполовину отвоеванного манграми. Там стояла какая-то странная хижина с крышей из пальмовых листьев. Вернее, это была одна лишь высокая крыша, поставленная прямо на песок, примитивное жилье без стен, с отверстием для входа.

Когда лодка подошла поближе, из хижины вылез оборванный старик в рубашке из сплошных заплат. Причаливая к берегу, мы испугнули пару черных диких уток, сидевших с расправленными крыльями на поваленном стволе пальмы. Старик бросился нам навстречу, издавая какие-то странные, пронзительные крики. Видимо, он был безумным или по крайней мере слегка помешанным. Старик говорил по-испански, но,

прежде чем произнести фразу, он издавал множество всяких гортанных звуков и бессмысленных слов.

Мой капитан-пират объяснил ему, зачем я сюда приехал, и спросил, может ли он проводить меня до следующего населенного места, если оно тут есть. После бесконечных заиканий старик ответил, что на юг едва ли можно пройти. На побережье слишком много разных протоков и проливов, с началом сезона дождей все они вздулись, человеку там будет с головой. Он добавил, что кокаль Пунта-Пааро на южной стороне залива теперь заброшен и на побережье живет лишь единственная семья косумельцев, в восьми лигах отсюда, то есть примерно в двадцати пяти милях. Услышав такие безотрадные новости, я задумался. Однако у меня не было выбора, да и на худой конец можно вплавь перебраться через эти проливы. Я стал упрашивать старика проводить меня и предложил ему деньги.

Деньги его соблазнили, только он сказал, что не умеет плавать, а рию там очень глубокие.

Пират попрощался и уехал на своем маленьком суденышке, а слабоумный старик стал собирать еду в дорогу. Вполне возможно, что странное заикание и явное слабоумие моего проводника были результатом абсолютного одиночества. Ведь он живет все время вдали от людей, на пустынном побережье, питается рыбой, которую ловит вершей. Любой человек, оставшись, как и он, один на болотистых берегах этого пустынного залива, лишился бы рассудка.

Когда все было готово, старик взвалил себе на плечи мой мешок, и мы тронулись в путь. В тех местах, где мангры наступали на узкий берег залива, приходилось идти прямо по воде. Жара стояла невероятная. Солнце не только палило на нас сверху, но и, отражаясь от воды, било в глаза снизу, заставляя щуриться. Зато в такую жару не изводили комары. Все

притаилось и замерло под палящими лучами полуденного солнца, лившимися в сероватые воды залива, словно расплавленный свинец. Солнце было такое ослепительное, что все вокруг теряло свои краски и выглядело как на черно-белой фотографии. Случайная рябь на воде превращалась в тысячи искр и слепила глаза. За густыми манграми на берегу торчали ужасные останки погибших пальм, перевернутых ураганом вверх корнями. Душные джунгли порой действуют на человека угнетающе, но они не идут ни в какое сравнение с унынием и мертвенной пустынностью лагун под беспощадным солнцем.

Вскоре путь нам преградил водный поток, заросший манграми. Его удалось перейти вброд. Быстро высохшая на солнце одежда стала жесткой от соли.

Временами мой проводник оборачивался и бормотал какие-то неразборчивые слова. К счастью, ответа на них он не ждал.

Я начинал изнывать от зноя и жажды, но воды взять было негде, нельзя было даже рассчитывать на случайную кокосовую пальму. Песок на берегу так накалился, что приходилось то и дело охлаждать ноги в воде.

Скоро нам встретился еще один водный поток, который мы одолели без труда, потом еще один, на этот раз пошире и с быстрым течением. Здесь проводник мой немножко помешкал, затем, оставив вещи на берегу, осторожно вошел в воду и добрался до середины риа. Вода доходила ему почти до подбородка. Из-за сильного течения он стал терять равновесие, но в конце концов ему удалось найти твердую опору на песчаной мели и благополучно выбраться на другой берег. Мне предстояла нелегкая задача самому перенести мешки через поток. Но я был выше своего проводника, вода нигде не доходила мне до груди. Я медленно шел по дну против течения, чувствуя, как вымывается песок у

меня из-под ног, и без особых происшествий добрался до противоположного берега. Это было последнее препятствие на нашем пути к южной оконечности залива, где песчаный мыс отделял его мутные воды от Карибского моря.

Освежающий ветерок дул над пустынным мысом, и перед нами открылось страшное зрелище гибели и разрушения. Прежде на этом месте был кокаль, тут стояли две большие хижины, от которых остались лишь жалкие обломки, разбросанные среди множества изуродованных стволов вырванных с корнем деревьев, принесенных сюда откуда-то из джунглей. На песке валялось несколько ржавых измятых котелков — печальное напоминание о том, что раньше здесь жили люди. Во время урагана погибла вся семья из четырех человек. Очевидно, были сметены даже археологические развалины, потому что, сколько я ни искал вокруг, так ничего и не нашел, а ведь на карте доктора Альберто Руса у Пунта-Пааро стояла отметка развалин. Последние ураганы и сильные волны сравняли с землей строения майя, которые чудом сохранялись больше тысячи лет.

В Пунта-Пааро побывал знаменитый археолог Морли. Плавая вдоль побережья, он обнаружил также руины между заливами Асенсьон и Эспириту-Санто и назвал их Чак-Мооль, по имени бога древних майя — полупростертой загадочной фигуры, напоминающей сфинкса древних египтян. Чак-Мооль и был тем местом, куда мы в тот день направлялись. Около него находился наполовину уничтоженный кокаль, где все еще жили люди. Очень жаль, что Морли и другие археологи, бывавшие в Кинтана-Роо, исследовали побережье с моря — они не заметили многих руин. Потому-то и считалось, что на всем побережье, длиной в три сотни миль, было лишь с полдюжины поселений древних майя.

К югу от Пунта-Пааро мы наткнулись на маленький храм. Возможно, что вдали от берега за манграми тут было еще пять или шесть сопутствующих построек, так же как и в других местах, открытых мною. Храм стоял в нескольких милях от Пунта-Пааро, и мой чудаковатый проводник наконец понял, что именно я ищу. Это было маленькое разрушенное квадратное строение, не очень-то величественное, но тем не менее значительное, так как свидетельствовало, что в древние времена на этом пустынном берегу тоже были поселения.

По словам моего проводника, место, где стоял маленький храм, называлось Пунта-Арена. Немного передохнув, мы двинулись дальше, следуя вдоль берега, окаймленного джунглями и бесконечными, нагретыми солнцем болотами.

Никогда прежде я не постигал с такой ясностью, что значит берег, место, где встречаются суша и море. В тот день у меня было достаточно времени, чтобы поразмыслить о неподвижности берега и неустанном движении моря, приносящем всякую всячину, смытую с других берегов. Некогда море принесло сюда со своими волнами и ветрами испанцев, а теперь, как и всегда, приносит разные обломки с далеких земель. Прибитые сильным Юкатанским течением, на берегу дерзко красуются такие удивительные вещи, как спасательные пояса, бутылки, электрические лампочки. Для меня все эти фабричные предметы казались подарком, счастливым напоминанием о мире, который остался где-то позади. Мне попалась бутылка, тюбики дезодоранта, французские и американские лампочки и бесконечное множество других незначительных предметов, имевших, однако, в моих глазах важное значение. Что же находили древние майя на этом берегу? Возможно, им попадались римские вещи и множество разных примет Африки и других мест Старого Света.

Таким же образом в 1511 году сильные течения принесли к побережью Кинтана-Роо двух испанцев — Гонсало Герреро и испанского монаха. Точно так же к острову Косумель был прибит один из жителей Ямайки, а позднее трое французских бандитов. Вполне вероятно, что и до испанской Конкисты течения и ветры приносили к майя каких-нибудь моряков из Старого Света, сбившихся с курса. Возможно, первыми людьми, увидевшими Новый Свет, были потерпевшие крушение арабы или португальцы, которых течения Атлантического океана забросили к берегам царства майя.

Мы медленно продвигались вдоль берега, шагая то по камням, то по песку, то по гнилым красным водорослям, похрустывавшим у нас под ногами. Иногда мой гид нарушал молчание, произнося одну или две бессмысленные, на мой взгляд, фразы. В одном месте я еще издали заметил какой-то странный предмет. Это оказался огромный двигатель с погибшего у берега судна, жертвы рифов.

С наступлением темноты, уставшие до изнеможения, мы подошли к остаткам растерзанного ураганом кокаля Санта-Роса. Он располагался неподалеку от развалин Чак-Мооль. Как только мы прибыли на кокаль, мой странный проводник моментально куда-то исчез, и больше я его не видел. Тут, на кокале, меня приветствовал метис с Косумеля. Он был удивлен моим появлением, однако явно обрадовался встрече и отнесся ко мне очень доброжелательно.

За все это время я отлично научился вести беседы с кокалеро. Хозяин Санта-Росы весь вечер расспрашивал меня о побережье и о своих друзьях, с которыми он не видится годами. Я старался ответить на его вопросы и рассказал все, что мог, о кокалях, где успел побывать.

Было уже совсем поздно, когда я повесил в пустом сарайчике свой гамак. Теперь я научился делать это мастерски, что имело для сна немаловажное значение. Надо стараться не очень сильно растягивать гамак и определить точный изгиб, наиболее удобный для спящего. Забираясь в гамак под свою ветхую противомоскитную сетку, я каждый раз возносил хвалу древним богам за то, что они послали в этот неустроенный мир такой славный подарок.

Утром я принялся расспрашивать кокалеро о руинах, но оказалось, что, кроме тех построек, которые были рядом с кокалем, он ничего не видел. Разговор наш слышал маленький индеец по имени Чук (он был из группы индейцев Чан-Санта-Круса). Перебив хозяина, Чук сказал, что видел когда-то во время охоты большую постройку далеко на болотах. Хозяину, видно, не понравилось, что ему возражают; он выслушал эти слова с сомнением, а я обрадовался и стал просить Чука вспомнить это место и проводить меня туда. Место он, пожалуй, смог бы разыскать, но сейчас к нему без лодки не добраться: после дождей лагуны стали слишком глубоки. К моему огорчению, на кокале лодок не было. Все же я надеялся как-нибудь пройти через лагуны и продолжал уговаривать Чука проводить меня. Он охотно согласился, только снова повторил, что из этого ничего не выйдет.

Я взял свой фотоаппарат, и около девяти часов мы с Чуком отправились в путь. Сначала дорога шла по берегу, а примерно через милю Чук остановился и показал на густые заросли мангров и нагромождение мертвых деревьев за песчаной полосой, где раньше был кокаль. Тут надо было сворачивать в джунгли.

Пробираться через путаницу стволов, мангров и лиан было нелегко. За четверть часа мы продвинулись всего лишь на несколько футов. Чук рубил направо и налево, как свирепый сарацин в битве на Востоке. Под

непрерывным натиском мачете Чука кругом летели щепки, с шумом валились скользкие ветки мангров.

Вскоре под ногами у нас захлюпала вода. Заросли становились все гуще, вода прибывала, и наконец показалась лагуна. За полосой мангров поднималась целая гора деревьев, вырванных или сломанных катастрофическим ураганом. Ноги вязли в теплой вонючей грязи. Мои сандалии пропитались этой жижой и наконец свалились с ног. Разыскивая их в липком иле, я вымазал руки по самый локоть. Потом сандалии пришлось все же снять и шагать босиком по острым камням и сломанным веткам. Чук шел впереди, выбирая места помельче.

Осторожно переставляя ноги и размахивая руками, словно канатоходцы, мы медленно двигались через лагуну, стараясь держаться поближе к островам мангров. Два или три раза мой фотоаппарат чуть не оказался в воде, его удалось спасти только благодаря немыслимым акробатическим трюкам. Как единственный свидетель всех моих открытий, аппарат теперь приобрел для меня исключительную ценность. От сырости кожаный футляр его позеленел, металлические части покрылись ржавчиной. Вместе нам пришлось вынести немало трудностей, оттого-то он стал для меня еще дороже. Сначала, болтаясь на шее, фотоаппарат мне порядком надоедал и казался просто туристским украшением. Потом я к нему привык и не упускал случая (часто потрясая людей, никогда не видевших такой штуки) запечатлеть каждое лицо, каждую постройку, какие встречал на этой удивительной земле.

Три часа пробирались мы через лагуну и болота, шли по густым зарослям островов среди нагромождений поваленных деревьев. Без конца вытягивая шею, Чук старался разглядеть свои зарубки, указывающие дорогу к развалинам.

Бредя по мелкому болоту между стволами и манграми, я вдруг увидел, как навстречу мне плывет ядовитая водяная змея (недаром Чук все время громким голосом предупреждал меня, что идти надо осторожнее). Редко в своей жизни я испытывал такой страх. Убежать здесь было некуда. Боясь привлечь своими движениями внимание ужасного пресмыкающегося, я застыл на месте. Плавнo извиваясь, змея проплыла мимо в дюйме от моих голых ног.

Как бы в награду за перенесенный страх вскоре показались руины. Сперва мы увидели просто скопление кустов, поднимавшихся над болотом, но потом они приняли определенные очертания большого прямоугольного здания. На его верхушке, наполовину скрытой кактусами и пальмами, поднималось что-то вроде небольшой квадратной башни высотой в один ярд с дверными проемами со всех сторон.

В целом постройка производила удивительное впечатление, отражаясь в мутной воде, словно венецианское палаццо. Мы подошли к храму с востока, с той стороны, где не было никакого входа и только виднелся фриз, украшенный крестиками из кораллов. Такой рисунок я уже видел на храме по другую сторону залива Асенсьон.

Здание имело пятнадцать ярдов в длину, восемь в ширину и около пяти ярдов в высоту. Только с одной, западной, стороны в нем был широкий прямоугольный проем. Притолоку поддерживали две массивные круглые колонны с квадратными капителями. Фриз шел вокруг всего здания, а по обеим сторонам от входа на каменной стене были высечены две головы дракона. Храм на удивление хорошо сохранился, видимо потому, что стоял посреди соленой лагуны.

Судя по размерам, это могло быть главное здание всего поселения, возможно торгового центра, одного из

звеньев цепи морских портов — Сан-Мигель-де-Рус, Чамаш, Чунйашче. Вполне вероятно, что порт имел связь с другими прибрежными поселениями через давно исчезнувшие внутренние каналы.

Я нерешительно вошел в храм. Внутри на голом гладком полу валялись обвалившиеся с потолка камни. Вдруг где-то у меня над головой послышался шум. Взглянув вверх, я увидел в полумраке сотни летучих мышей — вампиров. Одни из них кружились под потолком, другие, зацепившись своими огромными когтями за камни, висели вниз головой. Когда мои глаза привыкли к слабому свету, я заметил в задней части храма три низких входа во внутреннее помещение. Согнувшись, я прошел в эту комнату, где было почти совсем темно и раздавался писк вампиров. Я чувствовал, как они рассекают воздух и носятся, будто сумасшедшие, у меня над головой.

Обе комнаты тянулись во всю длину храма, у каждой был высокий массивный потолок с характерным ступенчатым сводом. Пока я обследовал внутренние помещения, Чук нерешительно топтался у входа, не рискуя войти. При слабом свете, проникающем в заднюю комнату, я рассмотрел на полу поднятие высотой в один фут, образующее широкий прямоугольный алтарь. Возможно, здесь сидела знать и помещались идола и статуи свирепых богов майя. По всей вероятности, я был первым человеком из внешнего мира, кто со времени исчезновения древних майя проник в эту святая святых. Казалось, ничто не нарушало покоя храма с тех пор, как его покинули. Если не считать широкой трещины на алтаре, все во внутренней комнате было в полном порядке.

Я позвал Чука в храм. Пусть убедится, что я не причиняю вреда древнему зданию. Чук спросил, что здесь было прежде, не старое ли это ранчо. Я объяснил,

что здание построили древние майя очень и очень давно, но, кажется, он мне не поверил.

Присев перед алтарем, представлявшим собой широкую плоскую каменную плиту, покрытую штукатуркой, я пытался рассмотреть что-нибудь в трещине, но сначала видел только обломки штукатурки. Когда я объяснил Чуку, что разыскиваю глиняные черепки и хочу взять их с собой в Мексику, он посмотрел на меня с явным недоверием. Но ему не пришлось долго стоять сложа руки. Вскоре я вытащил из-под плиты черепок с искусным витым рисунком. Это очень заинтересовало Чука, и он тут же принялся помогать мне, роясь под алтарем и в трещине.

Скоро мы начали вынимать оттуда один за другим черепки из разной глины всяких размеров и форм. Значит, это не остатки идола. Черепки, видимо, были просто замешены в штукатурку. Я собрал около двадцати штук маленьких обломков. На некоторых из них был вытравлен рисунок из крестиков или кружков.

Черепков набралось уже вполне достаточно, чтобы по ним можно было потом определить время постройки храма. Я было хотел бросить поиски, когда Чук, рывший своим мачете глубже, чем я, вдруг выкопал какой-то маленький ярко-красный предмет и протянул его мне. К моему удивлению и восторгу, это оказалась цилиндрическая бусина из красного камня.

Я принялся рыть снова и вскоре рядом с тем местом, где Чук нашел бусину, откопал красивый нефрит в форме трапеции размером в два квадратных дюйма. В верхней части трапеции было отверстие, чтобы нанизывать нефрит в ожерелье. Я уже мечтал о сказочных сокровищах и, позабыв, что любителям не полагается вести раскопки, продолжал рыться под плитой, просеивая сквозь пальцы сухие комья штукатурки, среди которых оказалась еще одна бусина

из нефрита. Размером она была чуть поменьше первой и имела овальную форму.

Теперь меня уже ничто не могло остановить, да и Чук увлекся, роясь в щели под алтарем. Однако все дальнейшие поиски оказались бесплодными. Я понимал, что пора прекращать раскопки, и чувствовал себя, как голодная собака перед лавкой булочника. Но продолжать поиски было бесполезно. Ведь раскопки надо вести методически, с соответствующим снаряжением. Мне снова захотелось вернуться сюда еще раз при более благоприятных обстоятельствах и с хорошими специалистами-археологами. А пока я был доволен и тем, что первый увидел эти заброшенные храмы.

Находиться внутри помещения становилось уже трудно. Воздух был душный и спертый, одолевали комары, над головой по-прежнему носились вампиры. Все вокруг выглядело жутко и странно. Порой мне начинало казаться, что я просто задохнусь тут, в этом забытом храме посреди болотистой лагуны, что за каждым моим движением следят загадочные индейские глаза моего проводника Чука, а его длинный мачете может сослужить ему хорошую службу, если только он заподозрит, что я что-то от него скрываю. Ведь нефритовые бусины лежат уже у меня в кармане.

Я двинулся к выходу, и Чук, явно миролюбиво настроенный, последовал за мной, поторапливая в обратный путь. На открытом воздухе я немного пришел в себя и, вздохнув полной грудью, стал осматривать и фотографировать храм снаружи. По монолитности это было единственное в своем роде сооружение. Таких я еще не видел ни на побережье, ни в других частях Юкатана. Массивность прямоугольного здания контрастировала с воздушной легкостью маленькой башни. Интересно, какое назначение имела эта открытая прямоугольная надстройка. Может, это был

своего рода маяк древних майя? Ведь огонь внутри башни должен быть виден издалека. Я еще больше укрепился в своем предположении, когда на следующий день увидел сходное с этим сквозное сооружение, стоявшее на высоком земляном холме рядом с главным храмом Чак-Мооля — развалин у кокаля Санта-Роса.

Перед тем как пуститься в обратный трудный путь через болота и лагуны, Чук расчистил здание от покрывавшей его растительности, и я смог сделать хорошие фотографии.

Когда мы снова брели через лагуну, я пытался вообразить, какими были внутренние воды во времена древних майя. Я представлял, как бесчисленные четырехвесельные лодки непрерывно скользят между городами на побережье и по ту сторону лагун.

Руины, где мы только что побывали, индейцы называют Тупак. Я очень гордился новой находкой. Эта Венеция Кинтана-Роо тоже не была отмечена на картах ни одним археологом.

С такими мыслями я и уснул. Это была моя тридцать третья ночь на побережье Кинтана-Роо. Во сне мне снился Болл и наши планы поездки в Колумбию. Однако действительность превзошла сны. Мне уже давно казалось, что я всегда принадлежал этому странному миру храмов, песчаных пляжей, джунглей, болот — миру побережья Кинтана-Роо. Я даже не мог представить себя отдельно от побережья. Оно уже перестало быть для меня просто белым пугающим пятном, как на карте в Тепостлане. Теперь это была земля легенд, людей, пейзажей, храмов, земля с таким богатым прошлым и настоящим, что я дорожил ею, как своим отечеством.

Открыть храм или даже сразу шесть храмов стало для меня обычным, повседневным делом. Я говорю здесь об этом потому, что, когда я вернулся из

экспедиции, многие упрекали меня в недостатке серьезности. Им казалось, что каждый день моего пребывания на побережье требовал, чтобы я отдавал исследованию все силы. Люди, для которых находка вазы — великое открытие, не могут понять, что я просто потерялся среди всего увиденного в Кинтана-Роо. Мой глаз слишком привык ко всему, что в иной обстановке показалось бы действительно необычным. Кроме того, не надо забывать, что из-за таких прозаических, однако очень существенных обстоятельств, как комары, жажда, усталость, неуверенность, страх, я часто упускал многое и в открытых памятниках, и во встретившихся мне людях. Мой мозг был постоянно занят решением мелких будничных задач, что отодвигало научный интерес на второй план. Каждый раз, когда над лагунами сгущались сумерки, мне приходилось думать, где я проведу ночь, но еще более важной для меня проблемой была вода, малярийные комары и ядовитые змеи. Я боялся, что никогда не дойду до Белиза. Ведь за все первые двадцать три дня пути я ни разу не услышал ни одного обнадеживающего слова. И в любую минуту я мог ожидать, что мне придется отступить и возвращаться тем же путем обратно. Но разве это было возможно? День за днем распадались звенья таинственной человеческой цепи — от индейца к кокалери, от кокалери к рыбаку, от рыбака к чиклери. А ведь только благодаря им я и смог пройти это побережье.

На следующее утро я достал блокнот, где уже были записаны индейские названия мест, которые я узнал, когда приехал в Мексику. Теперь эти непривычные индейские слова звучали для меня настоящей музыкой: Пуа, Ак, Шкассель, Ялкоу, Тулум, Чунйашче, Чамаш и вот теперь Тупак и Чак-Мооль. Станные, непривычные для нашего языка слова, но они ласкают слух, когда мягко и прерывисто звучат в устах майя. Для меня все

эти названия означали скрытые сокровища, которые с каждым ударом мачете показываются на свет божий и предстают перед взором современного человека.

В двадцать один год радость открытий опьяняла меня, но все-таки не была такой отравой, как для других людей, которых я простодушно посвятил во все свои тайны. К счастью, мне не пришлось разочароваться в этих людях.

На другой день я осматривал развалины Чак-Мооля, расположенные в нескольких сотнях ярдов от кокаля. Тут и до меня побывали люди, более сведущие в археологии, поэтому я решил ограничиться лишь созерцанием развалин, уверенный, что их уже исследовали и измеряли, ведь для каждого археолога очень важно определить размеры постройки.

Как я уже сказал, в Чак-Мооле была такая же открытая башенка, как в Тупаке, что подтверждало мое предположение о маяке. Конечно, определенного я ничего сказать не мог, так как даже не знал точных размеров этих башен.

От Чука мне посчастливилось получить очень интересные сведения, оказавшие мне существенную помощь при исследовании некоторых построек и определении их назначения. Когда мы с Чуком были в Чак-Мооле, я показал ему красные отпечатки рук на стенах одного здания, такого же, как в Чамаше. Чук как будто немного удивился, а потом кое-как объяснил мне по-испански, что в его деревне Чумпом люди оставляют на стенах церкви голубые отпечатки рук как знак какого-нибудь обета. Слова Чука едва ли можно принять за научную основу, но все же это довольно правдоподобное объяснение тайны красных ладоней, покрывающих стены многих построек древних майя. Скорее всего Чук был прав, и отпечатки рук в ЧумпOME означали то же, что и повсюду на Юкатане. Эти отпечатки как бы воскрешают для нас древних майя,

оставивших навек свои личные *ex voto*^[23] на стенах храмов, где они молились, — более трогательный знак, чем мраморные плитки и золоченые сердечки в местах паломничества в христианской Испании и Италии или же варварские надписи, которые многие миллионы туристов считают своим долгом сделать на высоких башнях или пьедесталах памятников.

У человека есть неодолимое желание оставлять свой след везде, где бы он ни появлялся. Майя, кажется, придумали наиболее интересный способ оставить по себе память. Каждый отпечаток так отчетлив, что Скотланд-Ярду, несомненно, удалось бы проследить все странствия отдельного индивида по знакам, которые он оставлял на стенах разных святилищ.

Всего в Чак-Мооле оказалось семь построек. Все они были похожи на те, что я уже видел на побережье. Украшений вроде резных голов драконов или же других существ на них не было, но одно здание меня заинтересовало. Вместо стен у него было девять колонн. Видимо, раньше они поддерживали балки и пальмовую крышу, как и колонны Храма Воинов в Чичен-Ице. Древние майя нередко покрывали каменные здания пальмовыми листьями, что давало возможность увеличить внутреннее пространство, тогда как тяжелый каменный свод делал помещение более тесным. Чаще всего для балок древние майя использовали стволы саподильи. Многие балки были покрыты резьбой, некоторые из них уцелели до сих пор, сопротивляясь свыше тысячи лет влажному климату и атакам бесчисленных насекомых. В городе Тикаль в Гватемале были обнаружены притолочные балки, украшенные очень искусной тонкой резьбой, и это тем более поразительно, что дерево оказалось необыкновенно

твердым, а ведь у майя были только каменные и обсидиановые ножи.

Вообще удивительно, как древние майя могли создать такую высокую цивилизацию, не зная металлов. Правда, золото и медь им были известны, украшения из этих металлов они покупали в Панаме.

В своих записках испанцы оставили доказательство, что мореходы из тех городов, где я теперь побывал, плавали на больших долбленых лодках до самой Панамы, останавливаясь по пути во всех поселениях на побережье. Я очень сожалел, что такое плавание вблизи берегов в настоящее время почти невозможно. Какие странные повороты истории! Сейчас мне нужно в десять раз больше времени, чем древним майя, чтобы пройти вдоль некогда густонаселенного побережья Кинтана-Роо.

Чак-Мооль стоял как раз на середине моего пути. До Белиза оставалось больше сотни миль, а я уже совсем выдохся.

Однако в Чак-Мооле я получил хорошие вести. Мне больше не надо было терзать себя мыслью о переправе через залив Эспириту-Санто, потому что у местечка Сакрифисио (названное так, быть может, в память о каких-нибудь жертвоприношениях индейцев Чан-Санта-Круса) живут три рыбака и у них есть две лодки. Чук согласился проводить меня туда. Но что было южнее залива Эспириту-Санто, оставалось тайной. Я смог лишь узнать, что ураганы уничтожили несколько кокалей и что все побережье стало безлюдным до самого Шкалака, на границе с Британским Гондурасом. Оставалось только надеяться на случайную встречу с каким-нибудь одиноким сольтеро (холостяком). Может быть, не все кокали были уничтожены там полностью. Однако никаких надежных сведений об этом я получить не мог, так как на побережье совсем не существует связи между отдельными пунктами.

Судя по моей карте, к югу от Эспириту-Санто должен был находиться большой маяк. Возможно, из этого пункта я сумею попасть в Белиз морем.

Утром я собрался в дорогу. Снова надо было шагать целый день сквозь кусты по раскаленному берегу. Ноги мои уже привыкли к острым камням, поэтому я почти всегда снимал сандалии. Теперь они совсем растрепались и расслоились, я подвязывал их хенекеновой веревкой, обматывая ее вокруг лодыжек.

Храмы на пути нам больше не встречались. Вдали от берега Чук тоже не знал ни одного места с развалинами, за исключением Тупака, где мы с ним уже побывали. Я теперь начал заметно сдавать в ходьбе — сказывались последствия моего довольно беспорядочного питания тортильями и черепашьими яйцами, постоянной жажды и нередких голодовок, длинных переходов, непрерывного напряжения и усталости от непривычной обстановки.

Кожа у меня стала смуглой и кое-где облезла, борода достигла внушительной длины, а штаны и рубашка так изодрались, что выглядел я чуть получше нищего. Это меня вполне устраивало, потому что такой оборванец меньше привлекает к себе внимание грабителей. Чтобы скрыть дырки, я закатывал свои штаны все выше и выше. Когда мы прибыли в Сакрифисио, они уже были завернуты до колен. Возможно, такой вид сочли бы шикарным на Бермудских островах, но здесь он вызывал удивление. Я уже больше трех недель не видел зеркала и почти забыл, как выглядит мое лицо (правда, я не считал это великой потерей).

Поразительно, с какой легкостью я расстался со всеми привычными вещами, которые раньше всегда были в моем обиходе, вещами, казавшимися мне по-настоящему необходимыми, такими, как стулья, тарелки, суп. Моя тоска по цивилизации сводилась

лишь к тоске по еде и питью. Ночью мне постоянно снились сказочные пиры, а глотая черепаший яйца, я всегда мечтал об антрекоте. Что же касается питья, то безумная тоска по свежей прохладной воде никогда меня не покидала. В самые отчаянные моменты я мечтал даже о кока-коле. Теперь-то уж я всегда буду ценить воду! Невольно я начинал строить планы будущих пиров и банкетов, где было столько еды, что хватило бы мне по крайней мере на пять лет.

Но если не считать этих гастрономических грез, я не испытывал особого желания вернуться в цивилизованный мир, и только временами мне не хватало собеседника. Я испытывал нужду в таком собеседнике, которому бы мог сообщать обо всем виденном и открытом и таким образом доказывать самому себе, что это не сон. Нереальность всего, что я видел и делал, простота и естественность, с какой я совершал поступки, которые еще месяц назад показались бы мне невозможными или комическими, заставляли меня задавать себе вопрос, происходят ли все события в настоящее время или же это мой призрак идет по какому-то странному побережью в далеком прошлом. Я начал сомневаться даже в существовании Белиза и просто не мог вообразить, что в конце путешествия встречу говорящих на английском языке людей, которые пьют чай или, быть может, джин и тонизирующие напитки...

Однако конца моим испытаниям еще не было видно, впереди меня ожидала самая трудная часть пути, целых двадцать дней неопределенности и одиночества. Пока я не переправился через залив Асенсьон, я даже и не представлял, как мне все время везло. Всегда к концу дня после долгого и трудного пути мне удавалось находить пищу и кров да к тому же еще встречать добрых, гостеприимных людей. И вот сейчас эта цепь

готова оборваться, и дальше я, может быть, уже не сумею соединить ее звенья.

Пока все шло хорошо. Теперь ветер мог перемениться...

9. Отверженные в Кинтана-Роо

В Сакрифисио мы нашли двух рыбаков, живших в маленькой хижине, возведенной на сваях на краю мангрового болота. За небольшую плату они согласились перевезти меня через залив до маяка Пунта-Эрреро на другом конце Эспириту-Санто. В Сакрифисио я расстался с Чуком, подарив ему на прощанье свою последнюю рубашку.

В отличие от залива Асенсьон залив Эспириту-Санто сиял голубизной, по его ясной поверхности тихо скользила маленькая рыбацкая лодка, заостренная с обоих концов. Сейчас я направлялся к последнему участку побережья, отделявшему меня от Британского Гондураса. Это был пустынный прямой берег, который от залива Эспириту-Санто шел строго на юг, до маленького поселка Шкалак у самой границы Мексики с Британским Гондурасом.

Пересекая Эспириту-Санто, я оставлял позади область, где обитают индиос сублевадос, и вступал на «ничейную землю», отделявшую мир современной цивилизации от мира индейцев.

Берег, вдоль которого я собирался следовать, составляет внешнюю сторону огромного треугольника

суши, отделяющего Карибское море от широкого залива Четумаль. Их воды встречаются в узком проливе Бакалар-Чико, у мыса, которым заканчивается треугольник. Этот клин суши к югу от заливов Асенсьон и Эспириту-Санто представляет собой обширное болотистое пространство с редкими участками джунглей и поэтому почти безлюдное. Я знал, что там мне могут встретиться одни лишь подонки рода человеческого, бездомные бродяги и чиклеро — этот, так сказать, передовой отряд цивилизации, призванный завоевывать девственные земли.

Меня всегда удивляло, шла ли речь об Австралии, Бразилии или о любой другой огромной стране, почему западная цивилизация непременно должна выставлять себя в самом невыгодном свете, посылая на освоение девственных территорий отверженцев и преступников, которые своей дикостью и жестокостью заставляют аборигенов смотреть на «белого человека» как на носителя зла. И вот когда доверие к нам бывало полностью подорвано, наступала очередь ученых, исследователей и миссионеров, отважно вступавших на новые земли, чтобы проповедовать всякие истины остаткам туземцев, уцелевших после буйных маршей авангарда блестящей цивилизации, к которой мы себя охотно причисляем.

Примерно в таком же духе вот уже двадцать лет ведется освоение южного побережья Кинтана-Роо. Этот процесс был лишь в своей начальной стадии, поэтому я не рассчитывал встретить на своем пути каких-нибудь людей, кроме преступников и бандитов. Попытки заселить и освоить Кинтана-Роо пока не увенчались успехом. Встретившиеся мне впоследствии ржавые куски рифленого железа — вот почти все, что свидетельствовало о таких попытках. Остальное смели ураганы. Таким образом стихийные силы еще раз

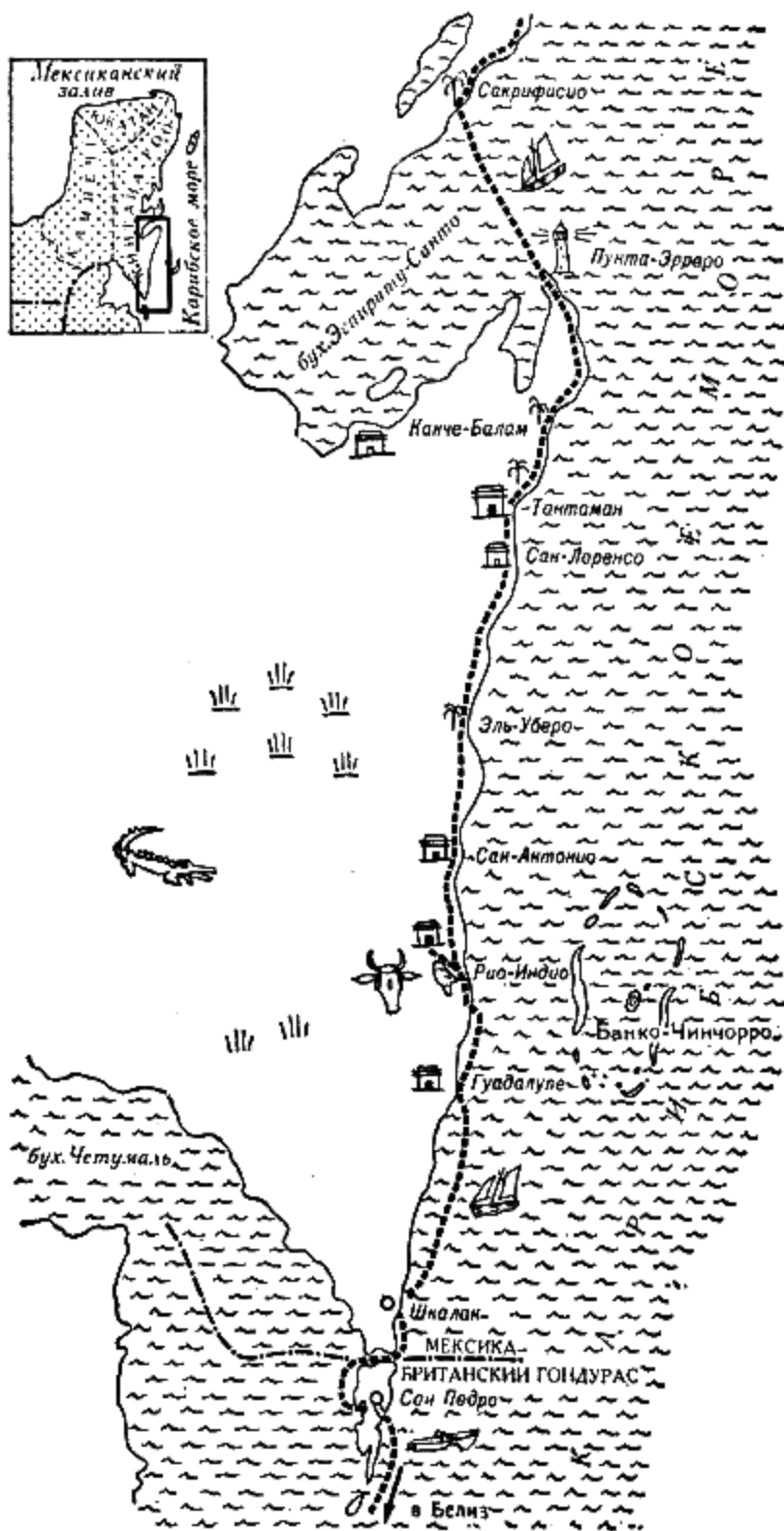
отвели разрушительную длань цивилизации от этой удивительной земли.

Высокий маяк, к которому мы теперь направлялись, был первым признаком цивилизации. Он стал виден с середины залива — большая ржавая башня около сорока футов в высоту. Мы причалили к узкой песчаной полоске берега у подножия маяка.

Расплатившись с рыбаками, я подошел поближе к маяку и увидел, в каком он жалком состоянии. Цементный фундамент башни был когда-то прочно заделан в скальных породах узкого мыса, отделяющего Карибское море от вод залива Эспириту-Санто. Постоянные ураганы понемногу подтачивали фундамент и скалы, так что теперь весь маяк угрожающе наклонился — сильнее, чем башня в Пизе. У основания маяка стояли остатки покосившегося деревянного дома, подпертого толстыми бревнами, не дававшими ему завалиться совсем.

Здесь жил какой-то юкатанец с женой и двумя дочерьми. На побережье он приехал недавно, сменив на маяке прежнего сторожа, погибшего два года назад во время урагана — его смыло в море волной!

Смотритель маяка был простым человеком, но мне он тогда показался прямо-таки образованной личностью — ведь он умел читать! Впервые за три недели встретил я грамотного человека. Однако потом он меня сильно разочаровал, так как был лишен того интеллекта, какой часто встречается у так называемых необразованных индейцев и чиклеро. От этого спокойного обывателя мне было мало проку. О побережье у него ничего нельзя было узнать, оно его нисколько не интересовало. Он просто коротал свои дни, поедая те запасы, которые раз в три месяца доставлялись сюда на пароходе, а его жена и дочери усердно плели гамаки для продажи в Мериде.

От развалин Тупака до Сан-Педро

Сам маяк был куда интереснее своего зрителя. У него, несомненно, была удивительная история. Построили его в 1905 году французские инженеры, прибывшие сюда с моря. Возведение маяка означало вторжение на территорию индиос сублевадос. Когда строительство закончилось, индейцы осадили маяк и убили сторожа. Маяк не действовал вплоть до подписания «великого мира» в 1935 году. С тех пор во время ураганов погибло не меньше трех его зрителей. По существу свет на маяке горел без всякой пользы, так как лучи его едва доходили до Банко-Чинчорро, иными словами, чтобы увидеть свет, надо было сначала пересечь самые опасные рифы во всей Центральной Америке. Свет маяка мог бы служить лишь дальним ориентиром для потерпевших кораблекрушение моряков. Ведь Банко-Чинчорро представляет собой очень опасную цепь скал, выступающую на тридцать пять миль в море в южной части побережья Кинтана-Роо. На картах Банко-Чинчорро выглядит как скопление черных точек, по размерам и по форме сходное с островом Косумель. Общая длина Банко-Чинчорро — тридцать миль, ширина — двадцать. На протяжении сотен лет тут было страшное кладбище для тысяч кораблей. На этих опасных скалах и теперь еще можно увидеть остовы современных грузовых судов, а в прошлом здесь разбилось немало груженных золотом кораблей, шедших из Панамы. Плывая навстречу пассатным ветрам, корабли старались держаться поближе к берегу и находили там свою погибель. В последние годы на крайних точках этой зоны зубчатых скал пытались установить автоматические бакены, но ураганы положили конец таким попыткам.

Поднимаясь на маяк, я с удивлением обнаружил, что совсем разучился ходить по лестнице. Как ни глупо звучит такое заявление, но это чистейшая правда.

Спускаться мне пришлось еще осторожнее. Я сосредоточенно перемещал одну ногу перед другой, перенося на нее при этом основную тяжесть тела, — движение, которое кажется всем нам таким естественным, однако на самом деле требует определенного навыка и ловкости. Я вспомнил, как неуклюже спускаются индейцы по единственной лестнице, какую они знают, — лестнице их деревенской церкви.

В тот вечер я впервые за четыре недели ел за столом из тарелки и настоящей ложкой и вилок. Подумайте, ложкой и вилок! Зато я не мог получить на маяке нужных мне сведений. Сторож ничего не знал о территории, лежащей к югу, и не мог сказать, встретятся мне там люди или нет.

Впереди снова была неизвестность. Ничего себе перспектива: больше сотни миль опустошенного ураганом берега, никаких источников воды, никакого населения, кроме «случайного рыбака» (слова сторожа) и, может быть, чиклеро. Сторож отказался проводить меня даже на небольшое расстояние, он считал, что пройти на юг пешком почти невозможно.

Но я уже пересек залив Эспириту-Санто, отступить было поздно. Тут мне впервые пришла в голову мысль, что я ушел слишком далеко и возвращаться отсюда уже нельзя. Оставалось только сидеть и ждать целых два месяца, пока на маяк прибудет судно, или лее идти вперед пешком. Ни минуты не раздумывая, я стал собираться в дорогу.

У меня была уверенность, что по пути мне все же встретятся кокосовые пальмы и от жажды я не погибну, а если купить у сторожа немного продуктов, можно пройти по крайней мере половину пути до Шкалака, лежащего в ста двадцати милях от маяка. Сторож продал мне несколько фунтов сушеных черепаших яиц и ножик, а его жена испекла сотню тортилий.

На следующий день на рассвете я тронулся в путь, надеясь, что счастье мне не изменит. До сих пор со мной ничего не случилось, и к тому же я теперь не был новичком в джунглях.

С новым ножом за поясом, с остатками своей поклажи, с черепашьями яйцами, тортильями и двумя жареными цыплятами я снова шагал по безлюдному побережью.

Некоторое время можно было, оглянувшись, увидеть маяк, потом он стал постепенно скрываться за горизонтом, словно труба парохода. Впереди темно-зелеными фестонами тянулись многочисленные мысы, замыкавшие мелкие заливы, без конца сменявшие друг друга, пока не сливались в одну светло-серую полосу, уходившую за синий морской горизонт.

Пляжи были совсем пустынные, лишь кое-где попадались гигантские стволы, наполовину засыпанные светлым песком. Я шел около самой воды. Следы моих ног тут же смывались волнами, с легким всплеском набегавшими на берег.

Через два часа я был на заброшенном кокале.

Стволы кокосовых пальм усеивали песок, словно рассыпанные спички. Джунгли не заставили себя ждать. Поваленные стволы уже были оплетены зеленой сетью лиан — неподвижными, безмолвными щупальцами джунглей. Что-то трагическое чувствовалось в мертвых пальмах, как будто эти серые гладкие стволы были остатками живого существа — конечностями какого-нибудь огромного толстокожего зверя. Уничтоженный ураганом кокаль напоминал скорее мифическое кладбище слонов, куда приходят умирать тысячи животных. Однако две-три сильно согнутые пальмы все же сумели устоять. После того как их пригнуло почти до земли, они кое-как распрямились и на их покореженных стволах все еще торчал к небу пучок огромных зеленых листьев. Я срезал с этих пальм

несколько орехов, решив таким образом свою водную проблему.

Целый день шагал я под жарким солнцем, а к вечеру мне встретился еще один кокаль. На песке были разбросаны печальные остатки цивилизации: ржавые котелки и пустые бутылки — материал для будущих археологов. По всей видимости, кокаль тут был обширный. Среди стволов пальм я увидел две поваленные большие хижины, служившие раньше складом для копры. Ураган не смог разнести их в щепки. Жалкие, потрепанные остатки хижин валялись теперь среди беспорядочной груды стволов и веток поваленных деревьев у самого края джунглей — за полосой песчаного берега.

Искупавшись в море, я принялся устраивать лагерь в этой жуткой обстановке мертвого кокаля. Разыскал полуразбитую дверь, сделал из нее нечто вроде навеса и растянул под ним свой гамак. На кокаль спустилась теплая тропическая ночь, кругом стояла тишина. Я лежал в гамаке, прислушиваясь к шуму далекого рифа и неожиданным, резким крикам, изредка доносившимся из темноты джунглей. Весь день я старался идти быстрым шагом и теперь чувствовал себя ближе к Белизу. Первый раз за все время мне вдруг захотелось, чтобы весь путь уже был позади. Может быть, за мной послали на розыски? Нет, едва ли это возможно. Теперь мне даже не верилось, что где-то существует мир с автомобилями и электричеством. Поскорее бы кончилось мое одиночество здесь, на побережье... С этой мыслью я и заснул.

На следующее утро, едва солнце успело выйти из-за горизонта, как я уже снова отправился в путь. Все утро мне казалось, что я почти не продвигаюсь вперед, так как берег уходил в необозримую даль, будто у него не было конца. Меня стали тревожить мои скудные запасы еды. Сумею ли я продержаться до встречи с людьми?

Судя по солнцу, было уже около двух часов дня, когда я подошел к остаткам еще одного кокаля. Как и первые два, он представлял собой лишь беспорядочное нагромождение стволов. Вдали я увидел маленькую, вполне крепкую на вид хижину и уже гадал, можно ли провести в ней ночь, как вдруг заметил тонкую струйку дыма, поднимавшуюся над крышей из пальмовых листьев.

Когда я подошел ближе, в дверях хижины показался приземистый плотный человек лет пятидесяти. Он был без рубашки. На груди его я увидел ужасный шрам дюймов двадцати длиной. Человек улыбался, и это меня несколько успокоило. Он спросил по-испански, кто я такой и куда иду. Я тоже спросил его, кто он такой, на что он с гордостью ответил:

— Хозяин кокаля, — и показал на истерзанную пальмовую рощу.

Он объяснил, что прежде был чиклеро, а теперь вот поселился тут, на заброшенном кокале. Несмотря на его довольно свирепый вид, я был очень рад встрече с ним, мне хотелось познакомиться поближе с настоящим, страшным чиклеро.

Вскоре я понял, что имею дело с человеком, который наверняка был бандитом, хотя сам он с гордостью заявил, что, так же как и я, он авантюrero!^[24] Бывший чиклеро любезно пригласил меня провести ночь на «его кокале» и поужинать с ним, на что я охотно согласился.

Когда мы вошли в хижину, я удивился, что она в отличие от всех других хижин, где мне приходилось бывать, обставлена грубой самодельной мебелью. В ней стояли стулья, стол и, что самое удивительное, кровать — похожее на сундук сооружение, такое непривычное и почти незнакомое в этих краях. Мое удивление доставило хозяину явное удовольствие.

Пригласив меня сесть, он стал расспрашивать об истинных причинах моего пребывания на побережье. Его любопытство скоро показалось мне подозрительным, особенно после того, как он очень уж заинтересовался моим фотоаппаратом и спросил, сколько он стоит. Я постарался выдать себя за бедного человека. Иду в Белиз искать работу, а этот фотоаппарат мне подарили, но, к сожалению, он поломан, да и новый-то он едва ли мог стоить больше нескольких песо.

Я предложил своему хозяину сигарету, и он стал приветливей. В свойственной мексиканцам манере он подошел ко мне, похлопал по плечу и довольно неискренно заявил:

— Эстамос амигос.

Я вспомнил вечера, проведенные с Боллом в Тепостлане, где после такого чисто внешнего проявления дружбы чаще всего вынимают ножи. «Эстамос амигос» скорее означает «мы пока не враги», чем «мы друзья».

Но какие бы ни были тайные мысли у моего хозяина, совершенно очевидно, что он прежде всего рад был видеть живого человека. Он щедро разделил со мной свой примитивный ужин, состоявший из огромной костистой рыбьей головы, плавающей в какой-то неопикуемой похлебке. Из его короткого рассказа я выяснил, что раньше он не только собирал чикле, но и работал лесорубом на разработках махагониевого дерева в Четумале и Белизе. Из Четумала он «удалился по личным соображениям». Мне казалось, что соображения эти были связаны со страшным шрамом на его груди.

Узнав, что он был в Белизе, я тут же стал расспрашивать его, как попасть в Британский Гондурас. Он подробно рассказал мне о местности к югу от кокаля и обо всем, что может мне встретиться на пути.

По его словам, до конца побережья Кинтана-Роо, то есть до местечка Шкалак на границе с Британским Гондурасом, оставалось около сорока лиг (примерно девяносто миль). По пути мне встретятся четыре населенных места: два кокала не очень далеко отсюда, колония и небольшое ранчо Рио-Индио на берегу морского пролива к северу от Шкалака. Добраться до Рио-Индио можно за четыре или пять дней. Мой хозяин предупредил меня, что на одном кокале (он называется Эль-Уберо) живет «нехороший человек», который присматривает за остатками наполовину уничтоженной плантации. От Эль-Уберо до Рио-Индио можно дойти за два дня.

Дай бог, чтобы старый бандит говорил правду. Первый раз за все время своего пребывания на побережье я имел ясное представление о дальнейшей дороге. Беспокоила меня только колония.

Я припомнил все, что говорил мне дон Хорхе Гонсалес из Танкаха об этих маленьких поселениях беглых преступников из Центральной Мексики. Репутация таких поселений была более чем сомнительна. Даже в собственной колонии бандиты продолжали совершать преступления, убивая друг друга. Убийство было для них обычным делом. Я даже не смел подумать, что в таком месте можно остановиться или просто пройти мимо него. Стоит только вспомнить, как приняли меня в маленькой колонии Чамаш, откуда пришлось бежать без оглядки.

Я слегка опасался и своего новоявленного друга. Его ужасный шрам и что-то сардоническое в его лице, казалось, не предвещали ничего хорошего. Я снова помянул о своей бедности и, видимо, немного переборщил, потому что мой хозяин вдруг встал и со вздохом сострадания произнес:

— Разве мы все не бедные изгнанники?

В ответ я едва смог выдавить из себя еле слышное «да», но, если бы в тот момент у меня в руках оказалось зеркало, я бы не очень удивился его словам, потому что со своей жиденькой бородкой, драными штанами и жалкими клочьями рубахи я вполне бы мог сойти за юного и прилежного ученика убийцы.

Сказав вполголоса, что мы «одного поля ягоды», мой новый друг, гордо называвший себя авантюrero, поведал мне со всеми жуткими деталями наиболее страшные эпизоды своей «карьеры» и был очень разочарован и даже оскорблен, когда я отказался поделиться с ним подробностями своих бесчисленных преступлений.

Из содержательного монолога старого бандита я извлек много сведений о чиклеро, о том, как отличить их соперничающие партии, и о законах суровой жизни этих людей, добывающих жевательную резинку.

Я еще раз услышал, что из меня мог бы получиться отличный чиклеро, ведь с таким ростом удобно делать надрезы на стволах, откуда вытекает драгоценный сок. Живя в джунглях, среди бесконечных опасностей, чиклеро научились добывать удивительные целебные средства. Например, они постоянно жуют какую-то травку, которая вызывает у них колики, зато спасает от дизентерии. А ведь чиклеро почти всегда приходится пить грязную воду. Мой хозяин показал мне, как дуть в ствол ружья, чтобы извлекать особый звук, которым чиклеро «окликают» друг друга, если заблудятся в джунглях. Теперь я впервые услышал о страшной «мухе чикле», представляющей одну из самых серьезных опасностей для чиклеро. От укуса этого насекомого образуются жуткие язвы, начисто разъедающие носы и уши. Позднее мне приходилось видеть ужасные последствия таких укусов, которые могут изуродовать человека на всю жизнь, так как заражение распространяется наподобие проказы.

Мой новый друг поверил мне также множество секретов приготовления комков уваренного чикле для продажи их специальным компаниям. Чиклеро сами выпаривают белый, как молоко, сок саподильи, превращая его в твердую резиноподобную массу, которую затем скатывают в рулоны и относят на приемный пункт, где их прежде всего взвешивают. Самый распространенный вид обмана, к которому прибегают все «честные чиклеро», заключается в том, что в котел, где уваривается чикле, подсыпают песок. Можно добавлять и камней, но это рискованнее, так как агенты на скупочных пунктах могут легко их обнаружить.

Узнав, что я француз, хозяин рассказал мне историю моего соотечественника Пьера, одного из трех преступников, бежавших с Чертова острова и проплывших на плоту от Ямайки до Косумеля. С Косумеля Пьер отправился на побережье Кинтана-Роо, где некоторое время работал на складах большого приемного пункта чикле. Однажды Пьера обвинил в обмане какой-то чиклеро и поклялся его убить. Но видимо, Пьер тоже «умел держать в руках оружие», он застрелил обвинившего его человека. Тогда целая банда чиклеро поклялась убить Пьера, и его убили.

Страшный удар мачете, оставивший шрам на груди моего нового друга, тоже был получен во время кровавых драк между двумя партиями чиклеро. Я уже начинал проникаться симпатией к этому одинокому бродяге, который так просто излил мне свою душу. Его жизнь, полная опасностей, как у большинства чиклеро, и непрерывная битва с джунглями развили в нем острый ум и сообразительность.

Я стал понимать смысл этих бесконечных убийств и потасовок. Все преступления чиклеро объясняются самим образом их жизни. У чиклеро нет своей страны и, кроме ружья и мачете, нет имущества. Вся его

собственность заключается в чести и гордости, и на их защиту он бросается при малейшем поводе, не щадя жизни. Большую часть так называемых уголовных преступлений чиклеро совершают не из алчности, а во имя спасения своей чести. В артельном объединении оскорбление одного человека становится личным оскорблением для всех его членов. В таких местах, где нет полиции, каждый сам устанавливает свои законы и меру наказания. А для чиклеро существует лишь одно наказание: немедленная смерть.

Я сидел на самодельном стуле, наблюдая, как мой друг готовит ужин. Разглядывая его морщинистое лицо в отсветах пламени маленького очага, где он стряпал еду, я чувствовал себя словно в логове дьявола. А когда я уже лежал в гамаке, мне было видно при свете догорающего огня, как у старого авантюrero вздымается грудь с ее страшным шрамом. Больше всего меня поражало то, с какой легкостью я принял дружбу такого человека.

На другое утро мы вместе собрались в дорогу. Мой друг взялся нести вещи.

Вдоль всего побережья я видел ужасные следы урагана. Обрушившаяся на берег огромная волна вывернула с корнем деревья и кустарники и унесла их в море, а потом они были выброшены другой волной, сокрушившей все, что еще оставалось на берегу. Трудно себе представить силу этого тарана из тысяч огромных деревьев, поднятых на гребень гигантской волны.

Очень немногие, кто был в то время на берегу, остались в живых. В Шкалаке, куда я теперь направлялся, из ста пятидесяти жителей погибла половина. Волна высотой в двадцать футов накрыла весь поселок и прокатилась от Карибского моря до залива Четумаль. Когда волна отошла, часть жителей оказалась на верхушках устоявших пальм или на высокой груде обломков. Только эти люди и уцелели.

Однажды в Вест-Индии силу этих ураганов продемонстрировал мне лист какого-то дерева. Под давлением ветра лист стал таким плотным и жестким, что, налетев на дверь какого-то дома, врезался в нее, как лезвие бритвы.

Мы шли по опустошенному побережью до самого захода солнца и останавливались только два раза, чтобы поесть сухих лепешек, оставшихся от моих запасов с маяка. По пути нам почти ни разу не встречались скалистые участки, так что весь день можно было идти у самого берега. То и дело мы натыкались на множество самых разнообразных, иногда совсем неожиданных предметов, прибитых сюда атлантическими течениями. Как-то я поднял запечатанный аптечный пузырек. Через темное стекло я с удивлением увидел внутри листок бумаги. Представьте себе, это оказалась написанная карандашом записка:

«Карибское море
26/I —1958
Кнут Фуллингло
Лундис Лейн
Осло Норвегия».

Потом я наткнулся на истрепанный спасательный пояс с надписью «Энджел Хорас». Кто знает, может, это были остатки какой-нибудь страшной катастрофы.

Примерно через каждые пятьсот ярдов мой друг, шагавший впереди меня, нагибался и что-то подбирал на песке. По виду это были просто серые и бурые камни. Он осторожно бросал их в хенекеновый мешочек, привязанный у пояса. Я спросил, что это за камни. Он назвал их лаком и объяснил, что за килограмм таких камней в Мексике можно получить восемь песо. Я тогда не знал, что собой представляет этот лак, но подумал,

что он не морского происхождения. Рассматривая похожие на камни кусочки, я удивился их легкости: они даже плавали в воде. Потом я заметил на некоторых кусках явные отпечатки формочки, похожей на блюдце. Это совершенно сбило меня с толку, и лишь много позднее я узнал об истинном происхождении этого самого лака, который можно подобрать повсюду на побережье Кинтана-Роо. Особенно много его бывает после сильных бурь.

«Камни» оказались действительно лаком, а то, что их приносило море, было, можно сказать, явлением второго порядка. Кажется, в 1942 году большое торговое судно, груженное лаком, разбилось о скалы у Банко-Чинчорро и затонуло. Лак этот, полученный из сока какого-то дерева, как и большинство камедей, плавает в воде. Год за годом корпус затонувшего судна трепали бури, некоторое количество ценного груза вымывалось из него и прибывало к берегам Кинтана-Роо. Чиклеро, иногда подбиравшие лак, совершенно не знали ни его происхождения, ни его истинной ценности. Она была намного выше тех восьми песо, которые компании чикле назначали за килограмм лака. Должно быть, на судне было много сотен тонн этого лака, если в течение восемнадцати лет море все время выбрасывает его на берега Кинтана-Роо и даже Британского Гондураса.

Еще один вид ценного приношения моря назывался на побережье охо-де-венадо, то есть «олений глаз». Это были какие-то овальной формы семена в твердой светло-коричневой оболочке с четкой темно-коричневой полосой. Такие семена, похожие на глаз оленя, очень ценились индейцами. Они полировали их и делали из них украшения — бусы и подвески. Родом эти семена были откуда-то из внутренних районов Венесуэлы. По рекам их сносило в море, а потом прибывало к берегам Юкатанского полуострова. По словам моего друга

авентуреро, который их тоже собирал, в Мериде за них платили песо за штуку. Как видите, сбор на берегу всякой всячины не такое уж новое хобби. Вполне возможно, что эти семена тщательно собирали еще древние майя. На берегу можно найти и ствол бамбука, который на Юкатане не растет. Жители побережья собирают бамбук и делают из него шесты для своих долбленых лодок. Используют его также и для мачт на мелких парусных судах.

Под вечер мы дошли до большого кокаля, кажется, не очень сильно пострадавшего от последних ураганов. В центре кокаля (назывался он Киче) стоял маленький каменный дом довольно примитивной конструкции. Это было первое каменное жилье, которое я встретил после кокаля Танках. Мы подошли к дому и на ступеньках увидели мертвеца пьяного старика, а вокруг него с полдюжины маленьких ребятишек. Это был хозяин кокаля и некоторые из его десяти отпрысков. Когда мы приблизились, пьяный приподнялся на локте и стал поносить нас последними словами. Он ругался до тех пор, пока у него не началась рвота. Жалкое это было зрелище — отец, распростертый перед собственными детьми, которые глядели на него со страхом и некоторым почтением. Они напоминали мне сыновей Ноя, именно так я их себе и представлял.

Жена пьяницы, толстая метиска, посоветовала нам не обращать внимания на ее мужа. Мой друг объяснил ей, зачем я здесь, а потом стал прощаться со мной, собираясь идти обратно. Но мне вовсе не хотелось явиться на следующий день одному в колонию бандитов, поэтому я попросил его остаться. После некоторого колебания он согласился.

На другое утро меня вытряхнул из гамака пьяный владелец кокаля. Уходили мы под градом ругательств, которых я, к счастью, не понимал.

Через три часа мы добрались до жалких остатков кокаля Тантаман. По словам моего проводника, здесь были древние руины, однако я их не нашел и не знал, можно ли верить его словам. Позднее на подробной археологической карте (более полной, чем моя) я нашел в той части побережья отметку с подписью Тантаман.

В нескольких милях к югу от Тантамана, в местечке Тампалан, на самом берегу мы обнаружили остатки каменного сооружения, наполовину залитого морем. Я не смог установить, действительно ли это постройка древних майя, хотя у нее было такое же квадратное основание, как у многих классических храмов на побережье. Мой проводник сообщил мне, что здесь были спрятаны сокровища, и показал на высеченную на одном из камней стрелу, якобы указывающую его местонахождение. На своей карте я прибавил еще одну точку и поставил около нее знак вопроса.

В четыре часа мы наконец достигли знаменитой колонии. На очень широком пустом пляже с молочно-белым песком стояло пять хибарок, кое-как сколоченных из бревен и разных выброшенных морем обломков. Навстречу нам вышли двое мужчин с красными платками на голове. Вид у них был довольно отталкивающий и не предвещал ничего хорошего. Оба были мексиканцы, оба с солидной бородой. Вместе они составляли довольно противную пару. С моим другом они поздоровались со спокойным безразличием, а на меня посмотрели нагло и враждебно.

Я сразу понял, что пришли мы совсем не вовремя. В колонии явно что-то стряслось, произошла какая-то крупная ссора. Как выяснилось, пятеро колонистов собирались устроить взбучку своему главарю, потому что вся колония почти умирала от голода. Еще две недели назад из Шкалака должно было прийти небольшое судно с продовольствием и до сих пор не пришло. Несмотря на просьбу моего друга авантюрера, в

гостеприимстве мне отказали. Гамак я могу повесить на ночь в каком-нибудь доме, но еды мне никакой не будет. Они сами давно сидят без кукурузы, питаюсь лишь черепашьими яйцами да тем, что удается подстрелить на охоте.

Вот в этой компании и оставил меня авантюrero. Два дня он таскал мой тяжелый мешок, но взять за это какую бы то ни было плату отказался. Теперь, когда он уходил, я почувствовал, что теряю еще одного хорошего приятеля, которого, вероятно, больше никогда не увижу. На этот раз я даже не знал его имени, а ведь как-никак мы с ним провели рядом две ночи и вместе разделяли тяготы двухдневного пути. Мне казалось, что я по-настоящему узнал этого человека. В другой обстановке такое короткое знакомство, может быть, ничего бы и не значило, но тут мы были совершенно одни, и это очень способствовало нашему сближению.

И вот теперь я вдруг остался один с пятерыми голодными мужчинами, которые нападали на своего главаря за то, что он не сумел обеспечить лагерь продовольствием. Впервые я почувствовал себя, словно муха в паутине. Меня занесло в стан грабителей, и, что самое скверное, я знал об этом. Никакой голливудский кинодеятель не смог бы придумать более типичную бандитскую внешность, чем у этих пятерых мужчин с их подвернутыми до колен штанами в заплатках, волосатой грудью и красными платками. Длинные мачете особенно подчеркивали их пиратскую свирепость.

Повесив свой гамак, я отважился войти в главный дом, где кричали и спорили все эти люди. Никто из них не обратил на меня внимания. Я присел в сторонке, стараясь понять, о чем идет разговор. Видимо, какая-то еда у них еще оставалась, потому что, заметив меня, главарь велел дать мне одну лепешку. Такое проявление щедрости вызвало явное неудовольствие остальных. Было уже очень поздно, когда я наконец

забрался в свой гамак. Из соседнего дома по-прежнему доносились крики, но я почти мгновенно заснул, измученный дневным переходом.

Однако у меня были слишком напряжены нервы, чтобы спать спокойно. Встал я еще до восхода солнца. Мне хотелось уйти, пока не проснулись мои страшные хозяева. Я выбрался из дома и вдруг замер от неожиданности, увидев перед собой одного из бандитов. Мне стало неловко за свой незаметный уход, и я пустился в объяснения: мне нужно обязательно уйти пораньше, не согласится ли кто-нибудь из них проводить меня и поднести вещи? Бандит ответил, что я просто психопат. Неужели они станут тратить свои последние силы на такого сукина сына, как я? После этих слов я постарался поскорей убраться из колонии.

Голодный со вчерашнего дня, я совершенно выдохся уже через несколько часов. Когда колония окончательно скрылась из виду, я подошел к прибрежным скалам и решил отдохнуть. Настроение у меня было подавленное. Я сидел на камне, свесив ноги в воду, и вдруг заметил электрическую лампочку. Подобрав эту далекую посланницу цивилизации, я с радостью прочитал, что сделана она во Франции. Это подняло мое настроение, и, как бы в благодарность, я решил не выбрасывать лампочку, а закопать ее. Когда она была погребена, я возвел сверху небольшой холмик из камней. Может быть, большинство людей назовет мои действия глупостью. Разумеется, это была глупость. Однако она спасла мне жизнь.

Я сидел на песке и не спеша строил свою маленькую гробницу для французской электрической лампочки, приплывшей к берегам Кинтана-Роо, как вдруг увидел на берегу пятерых мужчин. Умирая от страха, я быстро спрятался за небольшую скалу. Когда мужчины подошли поближе, я разглядел, что это бандиты из колонии, все с ружьями. Бели бы я не возился со своей

гробницей, то не заметил бы их бесшумного приближения. Они шли по берегу быстрым шагом и направлялись как раз в мою сторону. Хорошо, что я остановился у прибрежных скал. В двадцати ярдах от них тропинка сворачивала с песчаного пляжа в сторону, в обход этого скалистого участка, слегка выступающего в море. Бандиты прошли всего в нескольких ярдах от меня. У каждого из них на поясе болтался мачете, а в руках было ружье. Если бы они заметили мои следы, мне бы, конечно, не поздоровилось. С минуту я просто не мог шевельнуться от ужаса. Что же мне теперь делать? Идти обратно — можно наткнуться на человека, оставшегося в колонии, идти на юг — там до ближайшего пункта, где есть люди, целых двадцать миль. Намерения бандитов не вызывали у меня сомнений. Ясно, они гонятся именно за мной и обязательно ограбят меня, а то и убьют. Ведь я для них очень легкая и подходящая жертва. Мне сразу вспомнились все страшные рассказы о чиклеро и молодой археолог, убитый здесь на побережье. Эти преступники не такие уж дураки, чтобы не знать настоящей цены моего фотоаппарата.

Мне ничего не оставалось, как только сидеть тут, за скалами. И я приготовился к долгому, тревожному ожиданию, самому долгому в моей жизни. Прошла целая вечность, когда вдруг вдалеке раздался выстрел. Сердце у меня бешено заколотилось. Через некоторое время слышался шум шагов. Отказались они от погони или нет? Этого я определить не мог и не смел даже поднять голову. Наконец бандиты прошли мимо. Когда я отважился выглянуть из-за скалы, они уже были далеко.

Тогда я схватил свои вещи, и помчался по тропинке, оглядываясь каждую минуту назад. Солнце пекло невероятно, мешок был тяжелее, чем всегда, но от

страха я летел как на крыльях. Несомненно, я побил тогда какой-нибудь олимпийский рекорд.

Около пяти часов дня, обессилив от быстрой ходьбы, нервного напряжения и голода, я пришел наконец к остаткам огромного кокаля, который тянулся когда-то по берегу на шесть миль. Должно быть, это был Эль-Уберо. Тут я еще не мог почувствовать себя спокойно, так как авантюrero предупредил меня, что сторож кокаля «нехороший человек». В устах моего приятеля со шрамом это была очень нелестная характеристика. Эль-Уберо производил удручающее впечатление. Бесконечные ряды изуродованных пальм, страшные остовы разбитых складов и среди них огромное бунгало на сваях с полусорванной ржавой крышей — настоящий дом с привидениями. Часть бунгало была снесена ураганом и валялась тут же рядом.

Некоторые пальмы все же уцелели, и кокаль, бывший прежде самым крупным на побережье, не был заброшен, хотя и давал теперь совсем незначительный урожай. В море выступала большая поломанная пристань, у бунгало валялись бидоны из-под масла.

Я направился к полуразрушенному дому, где меня встретил молодой парень. Нетрудно было догадаться, что это сторож кокаля. Он отказался дать или продать мне какую бы то ни было еду и не сразу показал, где можно взять ведро, чтобы напиться из большой кадки с дождевой водой, стекавшей с крыши бунгало. Спать он мне разрешил в одном из разбитых сараев.

Я слишком устал, чтобы пререкаться с ним, и пошел вешать свой гамак. Взяв в сарае немного сушеной копры, я стал есть эту жирную, мерзкую, заплесневелую массу. Скоро меня начало тошнить, и тогда я опять отправился в бунгало, чтобы раздобыть еды, у меня ведь целый день крошки не было во рту. Парень снова ничего мне не дал, и тут первый раз в жизни мне искренно захотелось совершить убийство. Наш громкий

разговор привлек внимание индейцев, живших рядом с бунгалом, и, когда я, ничего не добившись, ушел, они позвали меня в свою хижину и тут же накормили тортильями и бобами. Эти индейцы, нанятые для расчистки кокаля, оказались очень хорошими людьми. Вместе со мной они с большим удовольствием ругали энкаргадо (управляющего).

Кокаль Эль-Уберо в действительности был гораздо больше, чем я подумал вначале. Раньше тут по берегу шла проезжая дорога до Рио-Индио, смытая во время урагана. Все-таки по этим местам продвигаться будет легче, а в Рио-Индио я рассчитывал найти судно, идущее до Шкалака. Один из рабочих соглашался проводить меня на следующий день до самого Рио-Индио. Это был очень великодушный поступок, так как индеец терял на кокале плату за целый рабочий день. В ту ночь я крепко спал и видел сны о сладостной мести сторожу кокаля. Впоследствии я простил ему — работа у него была нелегкая и жить он вынужден был в одиночестве на безлюдном берегу. В таком месте лишняя осторожность с пришельцем никогда не помешает.

Столько раз принимал я невинных людей за бандитов! А теперь пришла моя очередь вызывать подозрения. Кто мне поверит, если я расскажу, что прошел пешком все побережье? И действительно, вскоре меня приняли за убийцу, а немного позже первые же встреченные мною так называемые цивилизованные люди заподозрили во мне преступника и посадили в тюрьму.

К концу следующего дня я пришел со своим проводником в Рио-Индио. Там жил человек, о котором я много слышал, — Хоакин Агиляр, известный пионер Юкатана. Одно время он был крупным лесопромышленником и очень влиятельным человеком. За свою полную приключений жизнь он сколотил не

одно состояние, но последнее его предприятие — Рио-Индио — из-за ураганов оказалось неудачным. В Рио-Индио у него был кокаль, теперь полностью уничтоженный. Владел он также концессией в джунглях на тысячи акров земли, где разводил крупный рогатый скот, если можно назвать это разведением, когда животные свободно бродят по джунглям и болотистой саванне, кишасей змеями. Скот тут никто не считает, и покой его нарушают лишь при заходе какого-нибудь судна, когда требуется отправить дюжину голов в Четумаль или на Косумель.

Сейчас скот был в жалком состоянии. Стада бродили по берегу моря, спасаясь от комаров, которых в джунглях было такое несметное множество, что бедные животные предпочитали умирать от голода на пустых пляжах, чем пастись в глубине леса. На берегу валялись, разлагаясь на солнце, две зловонные бычьи туши. Их осаждали сотни аур, этих отвратительных мексиканских стервятников.

Здесь, в Рио-Индио, кончалось мое сухопутное путешествие. Я заранее радовался, узнав, что сын сеньора Агиляра, только что прибывший из Шкалака, отправится обратно через несколько дней и сможет взять меня с собой. Наконец-то я был в безопасности, на пороге цивилизованного мира. Все мои страхи теперь рассеялись, и я с гордостью оглядывался на пройденный путь в двести пятьдесят миль через джунгли и дикое побережье. Каким далеким казался теперь Пуа и сколько удивительных людей встретилось мне с того дня, когда я с Мигелем из Ака впервые тронулся в путь.

Радость моя была несколько преждевременной, так как на следующий день поднялся сильный восточный ветер и помешал отплытию. Волны подымались все выше и выше, начинался шторм. В такую погоду невозможно пройти рифы у Шкалака. Пять дней мне

пришлось ждать в Рио-Индио. Сгорая от нетерпения, я то и дело бегал смотреть на изогнутые и перекрученные листья пальм — этот природный флюгер, по которому можно отлично определить силу ветра. Я был как Улисс, задержанный встречными ветрами. Еще целых пять дней предстояло мне питаться тортильями и черепашьими яйцами. Первые три дня я почти непрерывно спал в своем гамаке — сказывалась вся усталость и напряжение прошедшего месяца.

На четвертый день я наконец проснулся и нашел в себе достаточно силы, чтобы осаждать сеньора Агиляра вопросами, есть ли в джунглях вокруг Рио-Индио древние развалины. Сеньор Агиляр ответил сначала отрицательно, но потом, убедившись, что я не государственный служащий и его собственности не грозит конфискация, в случае если такие развалины будут обнаружены на территории концессии, сказал, что развалины ему встречались. Кроме сеньора Агиляра и его сына, никто их никогда не видел.

С таким же волнением, как и при первых открытиях, я отправился в джунгли с Агиляром-младшим. Развалины были очень далеко, за болотами и саванной. По дороге я вдруг впервые подумал, что чувствую себя теперь в джунглях совсем как дома. Я уверенно размахивал мачете, прокладывая путь сквозь путаницу лиан.

На пути к развалинам мы увидели оленя. Агиляр выстрелил в него, но, к сожалению, только ранил животное. Потом нам долго пришлось преследовать его, однако, когда олень направился через болота, мы потеряли его след.

Среди развалин оказалось пять невысоких платформ, расположенных почти по кругу. На каждую платформу вела широкая лесенка из пяти-шести ступенек. Я сразу обратил внимание, что камни по

бокам платформы были иного размера и лучше обработаны, чем на всех храмах, попадавшихся мне до сих пор. Узкие каменные глыбы длиной в два фута были очень хорошо подогнаны друг к другу и почти не скреплены. В центре самой крупной платформы я нашел поваленную колонну, скрытую под лианами, листьями и плесенью. Чтобы как следует рассмотреть колонну, я принялся расчищать платформу от растительности и через пять минут, к собственному восторгу и удивлению Агиляра, нашел фигурку из камня. Когда я очистил ее от земли, оказалось, что это точно такая же изящная каменная «свинья», какую я видел в Пуа. Агиляр тоже стал расчищать со мной платформу и вскоре нашел обломок камня — явно часть какой-то скульптуры. Через несколько минут мне попался еще один кусок камня, похожий на первый. Когда обе половины сложили, получилась голова дракона с открытой пастью и высунутым языком. Больше ничего найти не удалось, и я принялся за поиски черепков. Мы подобрали очень много разрозненных кусков ваз, по которым впоследствии в Мексике удалось определить, что эти развалины были древнее всех других, открытых мной на побережье.

Рио-Индио было основано в 700 году нашей эры — раньше, чем были покинуты города Древнего Царства во внутреннем Юкатане и Гватемале. На побережье Кинтана-Роо к временам Древнего Царства, или классического периода, относятся только развалины Рио-Индио, Танках и Шелха. Танках, основанный гораздо раньше, в период Древнего Царства достиг наибольшей величины. Может быть, после того как были покинуты крупные внутренние города, майя переселились в приморские районы. Не проходило ли это массовое переселение как раз через Рио-Индио?

Возможно, когда-нибудь Рио-Индио откроет все свои тайны, и это поможет отгадать наконец великую

загадку майя: внезапно покинутые жителями большие города вроде Паленке. Вполне вероятно, что переселение шло морским путем, и, может, именно здесь следует искать ответ на вопрос о дальнейшей судьбе огромного числа майя, которые примерно к 900 году покинули вдруг большие старые города.

Перед возвращением на берег мы с Агиляром немного расчистили платформы от кустов, чтобы их обмерить и сфотографировать. На одной из платформ оказалась еще платформа, поменьше. Трудно сказать, для чего предназначались все эти сооружения. Может быть, на них стояли когда-то деревянные здания, а может, древние майя просто устраивали тут свои церемонии.

На следующий день погода все еще не установилась и я решил поохотиться в джунглях на оленей. Однако подстрелить мне ничего не удалось, и я уже готов был вернуться с пустыми руками обратно, когда заметил на краю болота маленького аллигатора. Его я отдал индейцам на ранчо, что доставило им немалую радость. Индейцы едят мясо аллигатора, а кожу за приличную цену продают в Четумале.

На шестой день моего пребывания в Рио-Индио ветер наконец немного утих. Я попрощался со старым сеньором Агиляром и поднялся на борт шлюпа с красными парусами. Свежий ветер понес нас через узкий проход в рифах. Впервые со времени приезда в Пуа я опять посмотрел издали на окаймленное джунглями побережье Кинтана-Роо, но теперь я смотрел на него совершенно другими глазами. Для меня оно больше не было тайной. Это был мой берег — берег, где я провел сорок незабываемых дней и узнал так много.

До Шкалака судно шло десять часов, включая короткую остановку у заброшенного кокаля Гуадалупе.

Там мы ныряли на дно прибрежной отмели и собирали среди песка огромные, похожие на камни раковины.

Было уже темно, когда вдали показался маленький маяк, построенный вблизи Шкалака. Мы подходили все ближе и ближе к пенистому рифу, и наконец рулевой направил судно между двумя маленькими буями, отмечавшими узкий проход, за которым начинались спокойные воды побережья.

Я очень волновался, когда мы подходили к деревянному причалу Шкалака. В первый момент я был просто оглушен шумом и суетой на пристани, где стояла довольно большая толпа. Впервые за последние шесть недель передо мной оказалось так много народу. Чувствовал я себя очень странно, был как-то подавлен и не сразу решился выйти на эту людную пристань. Попав наконец в цивилизованный мир, я уже с сожалением вспоминал о диком, пустынном побережье Кинтана-Роо. Все вокруг казалось мне безобразным и неестественным — заглушенный шум генератора, мерцание электрических лампочек, освещавших грязный песок улиц, вой радио, большая пристань и толпа. Не было больше отдаленного рокота рифов и шума ветра в деревьях, даже небо казалось не таким ярким над этими городскими огнями, погасившими маленькие звезды.

На пристани было много непривычных, забытых предметов: велосипед, фабричные ящики, резиновый шланг. Я начинал жалеть, что приехал сюда. Хотя на побережье Кинтана-Роо мне пришлось пробыть совсем недолго, я уже не воспринимал и не хотел воспринимать современный мир как свой собственный. До сих пор меня интересовали только дела джунглей, мои друзья из Тулума и одинокие кокалеро.

Но, выйдя на пристань, я преодолел эту первую реакцию, подумав о том, что теперь мне не придется размышлять, где повесить свой гамак и как раздобыть

еду. Пища, насущная пища, так же как и вода, слишком долго занимала все мои мысли, и теперь мне еще трудно было представить себе, что может существовать мир, где во всем этом нет недостатка. Я стал перебирать в памяти все, о чем так страстно мечтал: джин, тонизирующие напитки, лед, сладости, мясо и многое другое. Теперь-то уж все это будет к моим услугам.

Однако мне пришлось разочароваться. Шкалак, который я принял было за крупный поселок, оказался всего лишь деревушкой, где недавно во время опустошительного урагана погибла половина населения, смытого в море страшной волной. Тут и в помине не было тех маленьких гастрономических чудес, которые могли бы примирить меня с цивилизованным миром. Когда я спросил о напитках со льдом, мне показали на некрасивый дом из бетона, которым владел полумексиканец-полуангличанин, по имени Колдуэлл. Еще совсем недавно он считался здесь миллионером, но ураган разорил его.

Я вошел в дом и оказался в грязной кухне, где мистер Колдуэлл расхаживал в своих домашних туфлях. Ни джина, ни тонизирующих напитков у него не было, но из обшарпанного холодильника он извлек замороженную бутылку пепси-колы. Жалкая замена! Неужели это и есть награда за все мои мучения — безобразный мир суррогатов, наш собственный мир? Почувствовав себя тут чужим и одиноким, я направился к пристани, чтобы снова вернуть себе красоту побережья, которое теперь считал своим.

На следующий день Агиляр-младший должен был отвезти меня в Британский Гондурас. До Белиза оставалось всего лишь шестьдесят миль. С Агиляром я проплыву только половину этого пути. Он переправит меня через пролив, отделяющий Мексику от британской колонии, и довезет до Сан-Педро, маленького поселка

на одном из многочисленных островов, замыкающих с юга вход в залив Четумаль. Остров этот назывался Амбергрис-Ки.

Добравшись до пристани, я увидел, что там все еще толпятся люди и о чем-то отчаянно спорят с сеньором Агиляром. Когда я подошел, спор прекратился и толпа расступилась, давая мне проход. Сеньор Агиляр объяснил в двух словах, что тут происходит. Оказывается, жители поселка, узнав о его намерении взять меня с собой в Британский Гондурас, стали единодушно отговаривать его от такого шага. Никто не сомневался, что я бандит и непременно убью сеньора Агиляра. Как я потом узнал, у жителей Шкалака были особые причины относиться с подозрением ко всем пришельцам вроде меня. Пять месяцев назад в Шкалак из Четумалья прибыли трое таких же чужестранцев и тоже обратились к какому-то рыбаку с просьбой переправить их в Британский Гондурас. Когда рыбацкое судно вышло в открытое море, бандиты выстрелом в затылок убили двух человек из его команды, а третьему приказали вести судно к самой пустынной части гондурасского побережья. Разумеется, такая трагедия не могла не насторожить жителей Шкалака. Они стали относиться подозрительно к любому пришельцу, особенно к тем, кто хотел добраться до Белиза. Молодому рыбаку, который остался в живых, удалось скрыться от бандитов. Кажется, он прыгнул в кишасшие акулами воды залива Четумаль и спасся вплавь.

Мне оставалось только надеяться, что сеньор Агиляр не бросит меня и сумеет как-нибудь убедить этих людей, что я вовсе не преступник и не способен на убийство. Я даже пробовал показать свой паспорт, но это не пошло мне на пользу, потому что мое лицо на фотографии, как это всегда бывает в паспортах, вышло противным и злым.

Все же на рассвете судно отчалило от берега. Мы проплыли мимо тихого в этот час поселка. Теперь, при дневном свете, я увидел, что это всего лишь горстка жалких деревянных и бетонных домишек. С трех сторон их окружали мангровые болота.

Мы плыли вдоль побережья на юг, пока не достигли узкого пролива Бакалар-Чико. По-видимому, это был искусственный канал, отчленяющий остров Амбергрис-Ки от побережья Кинтана-Роо. Здесь как раз и проходила граница Британского Гондураса с Мексикой. Канал этот вел в залив Четумаль. Сквозь его кристально чистую воду было видно, как сильное течение прижимает ко дну редкие водоросли.

Этим проливом шли почти все суда из южной части Кинтана-Роо, так как до «войны рас» через Бакалар с Белизом велась оживленная торговля цветной древесиной и другими товарами. С Бакаларом связано также имя Гонсало Герреро, испанца, высадившегося на острове Косумель за одиннадцать лет до Кортеса. Впоследствии он отказался вернуться в Испанию или же присоединиться к Кортесу и, став во главе отрядов майя, оказывал сопротивление испанским завоевателям. Через пролив Бакалар-Чико Герреро посылал против испанцев лодки. У Бакалара он потом и умер, по-прежнему оставаясь во главе войск майя.

Не знаю, что произошло бы в случае его победы, но я невольно сравниваю жалкий поселок Шкалак с могущественными городами Тулум и Чунйашче. Со времени прихода сюда испанцев положение майя резко изменилось. Все американские индейцы обречены теперь на нищету. От Аляски до Огненной Земли индейцы Нового Света получили от белых лишь болезни, беды, разорение. Современные индейцы не приобрели ничего, в чем бы им могли позавидовать их предки.

К полудню мы вышли из узкого канала в синие воды неглубокого залива Четумаль и продолжали плыть вдоль подветренной стороны острова Амбергрис-Ки. Глядя на берег английской колонии, я, конечно, думал, что уж теперь-то все мои нескончаемые мучения останутся позади. Через несколько дней я доберусь до аэродрома, и он свяжет меня с остальным миром.

У меня опять появилась тысяча всяких забот, которые еще совсем недавно не могли занимать моих мыслей. Мне надо было телеграфировать о своем прибытии французскому профессору в Мериде и моим обеспокоенным, а может быть, даже отчаявшимся родителям. Я вспомнил также Болла, университет и все, что ждало меня в том странном мире, который был очень далеко от этого песчаного побережья и мангровых болот. Как грустно мне было расставаться с Кинтана-Роо...

Вдруг впереди, где-то среди пальм, показалась красная двускатная крыша. Мы подходили к Сан-Педро. И вот, ликуя от радости, под струями неожиданно хлынувшего ливня я вступил на землю Британского Гондураса.

Ту ночь мне пришлось провести в тюрьме...

10. О драконах и полицейских

Гордо шагая по главной улице города Сан-Педро, я направлялся к полицейскому участку и вовсе не думал о том, что вежливость и цивилизация не синонимы. На минуту задержавшись около универмага, я снова устремился к грязно-белому деревянному зданию, на котором развевался английский флаг. Это меня и погубило.

В тот день тишину города нарушали печальные звуки траурного марша. Хоронили ребенка, и весь город во главе с любительским оркестром шел за гробом. Население Британского Гондураса состоит в основном из цветных, так что больше всего здесь было чернокожих ребятишек, одетых в яркие ситцы.

Я поднялся на террасу полицейского участка и остановился перед высоким полицейским, полунегром-полуиндейцем, который, почтительно вытянувшись, наблюдал за процессией. В городе без всякого порядка были перемешаны дома английской колониальной архитектуры и индейские хижины, крытые пальмовыми листьями. Это была британская колония из книг моего детства. Какое бы разочарование она принесла моей няне!

Похоронный марш все еще звучал у меня в ушах, когда полицейский обратился ко мне.

— Что скажешь? — спросил он с карибским акцентом, по-особенному растягивая слова.

Я готов был броситься ему на шею — так давно мне не приходилось слышать английской речи. На минуту я растерялся, не зная, с чего начать разговор, и вообще не зная, о чем говорить. Наконец мне удалось вымолвить по-английски, что я хочу сообщить слуге ее величества о своем прибытии в Британский Гондурас. Услышав эти слова, «любезный полицейский» сразу переменял позу, подтянулся и полез в карман за ключами. Потом он молча открыл дверь в небольшое помещение, вошел туда, взял свою фуражку, надел ее на голову и важно опустился на вращающийся металлический стул за большим письменным столом. Теперь он представлял собой отличную карикатуру на бездушного чиновника.

— Что скажешь? — снова повторил он.

Мне бы надо было держаться осторожнее, ведь против меня был выставлен артиллерийский дивизион хитрой государственной администрации. Но я не придавал этому значения и с прямою чиклеро стал рассказывать о себе. Загорелый и обветренный, все еще в своих разбитых сандалиях, я чувствовал себя немного неловко в этом чистом служебном помещении. Я давно не был в стенах учреждения, и теперь все здесь подавляло меня — стулья, письменный стол, блестящий хромированный радиопередатчик на стене позади полицейского.

Казалось, что королевский герб и пачки внушительных на вид бумаг, аккуратно разложенных на металлическом стеллаже, насмешливо смотрят на меня сверху вниз. Только красочный календарь какого-то местного владельца содовых заводов выделялся ярким пятном на общем строгом фоне.

Пробормотав что-то насчет двухсот миль, пройденных мной пешком, полицейский вдруг резко спросил:

— А виза у тебя есть?

Я сразу вспомнил свой разговор в английском посольстве в Мехико. Казалось, он происходил сотни лет назад.

— Визы у меня нет, — ответил я. — Я француз, а французам не нужна виза для въезда в английскую колонию.

Потом я проямлил что-то насчет распространения англо-французского соглашения на колонии. На все мои слова полицейский твердо ответил:

— Без визы нельзя въезжать в Британский Гондурас. Возвращайся, откуда пришел.

Он был непреклонен. Закон есть закон. Без визы никто не имеет права на въезд в Британский Гондурас, а въезжать в колонию через Сан-Педро вообще нельзя. После этого полицейский подробно рассказал мне, как в Гондурас из Мексики прибыли трое головорезов — те самые типы, что причинили мне столько хлопот в Шкалаке. По всей видимости, они ограбили крупный банк где-то в Соединенных Штатах и вот совсем недавно, убив двух рыбаков на лодке, нанятой в Шкалаке, незамеченные проехали через Британский Гондурас и скрылись в собственно Гондурасе. Тогда-то и был издан указ, запрещающий въезд в колонию через Сан-Педро или через любой другой пункт на границе, за исключением Четумалья.

Другими словами, я был еще обвинен и в нарушении границ.

— Возвращайся, откуда пришел! Закон есть закон, — упрямо повторял полицейский, видимо следуя наказу своего начальника из Белиза.

Я подробно стал объяснять, почему мне нельзя вернуться туда, откуда я пришел. Рассказал ему о

болотах, о сорока днях пути пешком, однако полицейского это не проняло, и я уже чувствовал, что проигрываю эту последнюю битву своей экспедиции.

Я снова принялся толковать об англо-французском соглашении, но все было бесполезно. Соглашение недавнее, до Сан-Педро оно дойдет нескоро. Полицейский протянул мне лист дрянной желтой бумаги в мелкую линейку — один из тех бланков, на которых чернила сразу же расплываются, — и велел написать автобиографию с объяснением, зачем, когда и откуда я прибыл в Британский Гондурас. Должно быть, я написал не то, что надо, если судить по виду полицейского, который с большим трудом разбирал вслух такие слова, как «исследователь» и «пешком». Потом я сообразил, что они действительно звучат непонятно. Одно означает профессию, другое — «средство передвижения».

Полицейский перевел дух и постарался не показывать своего удивления. Когда он спросил, сколько у меня с собой денег, я стал шарить в своем заплесневелом, отдающем сыростью мешке и извлек оттуда смятые аккредитивы и пачку сильно замусоленных мексиканских денег. Всего сорок долларов. Какое-то мерзкое постановление местных властей, напечатанное мелким шрифтом, утверждало, что суммы этой было недостаточно.

— Ничего не поделаешь, парень, придется тебе вернуться откуда пришел, — снова сказал полицейский, с торжеством зачитывая закон, осуждающий меня.

Я попытался сослаться на дипломатическую неприкосновенность своего отца, забывая, что мне уже исполнился двадцать один год. Потом попросил свидания с французским консулом, но здесь не было никакого консула. В конце концов полицейский все же сжалился надо мной.

— Сегодня вечером я свяжусь с Белизом по радио, — произнес он и затем, словно распуская двор, встал и вышел из комнаты.

Исполнив свой служебный долг, полицейский стал несколько добрее, и я отважился спросить у него, где можно повесить гамак, пояснив, что мне нужна только крыша над головой. Этим замечанием я безнадежно унизил себя в глазах служителя закона и вызвал его презрение.

Оставив в полицейском участке свой мешок, я направился прямо к магазину. Еда еще раз примирила меня с цивилизацией. Я постарался напичкать себя всем, чем только мог, чтобы заглушить свою злость и разочарование. Ведь я мечтал о королевском приеме, о торжестве в английском стиле, представляя себя с бокалом в руке где-нибудь в уютном клубе у большого камина. Вместо этого я глотал сардины и шоколад у деревянного прилавка, а все жители поселка останавливались, чтобы поглазеть на чудака, появившегося на Амбергрис-Ки.

Пока я стоял в магазине и насыщался, мысли мои были снова на побережье. Я вспомнил голодных кокалеро, нищую деревушку Тулум, и мне стало стыдно. Какую радость доставила бы им хоть одна банка консервов! Как несправедливо, что у одних целые горы еды, а другие должны жить впроголодь, питаясь лишь черепашьими яйцами да кукурузой, добывая все в поте лица своего. Первый раз я оценил возможность цивилизованного человека получать пищу без особых усилий. Теперь, уже себе во вред, я набросился на плитки шоколада и маслины. Довольно скоро мой желудок дал знать, что он слишком основательно привык к простой пище побережья.

Заплатив за покупки мексиканскими деньгами и получив сдачу долларами Британского Гондураса, я вернулся в полицейский участок. Полицейский сидел у

своего радиоприемника и крутил на нем ручки, произнося при этом особые каннибальские заклинания, видимо совершенно необходимые для получения ответа из приемника. «Громко и ясно», — говорил он. «Громко и ясно», — доносилось в ответ сквозь шумы и хрипы. «Виза необходима, не имеет права на въезд, сумма недостаточна, должен вернуться». Отрывисто щелкнув, приемник замолчал.

— Мы не можем оставить тебя, — сказал полицейский, — у тебя нет ни визы, ни нужной суммы, чтобы гарантировать проезд во Францию.

Я стал доказывать, что необходимая сумма у меня будет, как только я попаду в Белиз, где есть банк. Я нарочно не брал с собой много денег, чтобы меня не ограбили.

Полицейский улыбнулся. Такие истории ему приходилось слышать уже не раз.

— Ничего не поделаешь, голубок, — сказал он. — А пока ты еще здесь, придется тебе посидеть под замком.

Я чувствовал свое полное бессилие и сотрясал деревянные стены полицейского участка громкими протестами, снова требуя свидания с французским консулом. Хотя в стране и не было консула, но в каком-то маленьком справочнике я случайно прочитал, что представитель консульства там все же есть. Я уговорил полицейского еще раз связаться с Белизом. Оттуда пришел ответ, что сейчас конец недели, связаться с вице-консулом до понедельника невозможно. Выключив эту адскую машину, полицейский снова достал ключи и открыл массивную дверь с железными запорами.

— Вы собираетесь посадить меня под замок?

— Нет, просто держать у себя на глазах, — ответил он весело.

В тюрьме мне пришлось провести два дня в ожидании решения своей участи. За это время я старался навести порядок в своих мыслях и в своем

имуществе, которое не разбирал с самого начала путешествия.

Одну за другой доставал я из хенекенового мешка слипшиеся от плесени вещи — все, что взял с собой или приобрел по пути. Половина этой тяжелой ноши оказалась совсем бесполезной в моем путешествии, например махровое полотенце или моя куртка, покрытая теперь сплошным зеленым слоем плесени. Куртку я отослал в чистку и получил ее на следующий день, снова голубую, вместе со счетом: пятнадцать центов за работу и семьдесят пять за два галлона жидкости, которые пришлось извести на нее.

Помимо того из мешка было извлечено множество небольших пакетов, фотопленка, мешочки с черепками, нефритовые бусины, обсидиановое лезвие, записные книжки (невероятно потрепанные и замусоленные) и карта побережья, усеянная теперь всюду точками, обозначающими места открытых мной развалин.

Из всех моих находок шестнадцать не были отмечены на карте доктора Альберто Руса, шестнадцать мест, где до меня, как я тогда думал, еще никто не был. Позже мне удалось изучить данные о Кинтана-Роо более тщательно, и оказалось, что в двух местах из шестнадцати уже кто-нибудь побывал, пункты просто не были отмечены на моей карте. Но и в таком случае оставалось все же целых четырнадцать археологических находок — вполне хорошая награда за все мои старания. В общей сложности в течение первого и затем второго путешествия я открыл больше ста храмов, пирамид, насыпей и других построек некогда могущественной, хотя и малоизвестной, культуры восточных майя — культуры мореплавателей.

Я первый прошел пешком побережье Кинтана-Роо и вернулся с ценными сведениями о поселениях древних майя. Впервые наметилась полная картина их приморских владений. Мой пикник в Тепостлане

закончился открытием совершенно неисследованных районов, ждущих дальнейшего изучения археологов.

Из мешка на пол тюрьмы упал листок бумаги с синими готическими буквами и три глиняные фигурки, полученные от Густава Реглера. Я взял карандаш и вычеркнул на листке слово «Дарьен», оставив только слова «Экспедиция Кинтана-Роо».

Итак, первая моя экспедиция закончилась. Что же касается глиняных фигурок, теперь я мог без труда сказать, что все они были поддельными.

Французский вице-консул, с которым мы наконец связались в понедельник, сразу же внес за меня необходимый залог. Оказывается, последние три недели его без конца осаждали мои родители, посылая отчаянные телеграммы о моем исчезновении.

Скоро моторный катер уносил меня в Белиз.

11. Опять в Кинтана-Роо

Открыть руины, многие столетия затерянные в джунглях, не так уж трудно. Во всяком случае это намного легче, чем пробираться сквозь административные лабиринты археологического музея. Я это понял сразу же, как только вернулся в цивилизованный мир.

До тех пор я наивно думал, что карта руин, привезенная мной из Кинтана-Роо вместе с черепками и фотографиями, потрясет всю археологию. К моему удивлению, этого не произошло. И даже когда мои притязания стали более скромными, я неизменно наткнулся на барьеры, существующие между профессионалами и непрофессионалами в любой области. В затхлых вестибюлях музеев я чувствовал себя куда более одиноким, чем в джунглях. Я открыл руины, еще никем не виденные, но меня никто не хотел признавать их открывателем.

Мне предстояло доказать, что было мной открыто, и я нянчил своего археологического младенца среди исследователей, которые привыкли считать важными и интересными только свои личные начинания. Таким образом я узнал о множестве чужих планов, тогда как

мои собственные оставались без внимания. Их просто, не замечали. Однако я чувствовал, что отступать нельзя. Мое путешествие не должно быть бессмысленным, поэтому надо стараться, чтобы обо всех открытых мною руинах было напечатано где следует. Я надеялся, что на побережье в конце концов отправятся опытные археологи.

Прежде всего я отнес свои карты и находки в Археологический институт в Мехико, где меня встретил директор, доктор Игнасио Берналь. Около трех месяцев назад он напутствовал меня в дорогу, ему-то я и был обязан своим первым знакомством с майя.

Мои открытия очень заинтересовали его, но не удивили. По его словам, археологи каждый год находят все новые и новые следы различных доколумбовых цивилизаций в Мексике. Культура майя лишь одна из них. Каждое новое открытие добавляет еще частицу к тому материалу, которым располагает институт, — к сотням открытых, но еще не изученных археологических объектов.

И все же мои находки вызвали особый интерес среди специалистов по культуре майя, так как проливали свет на район, до сих пор очень мало известный.

Институт как раз готовил новую подробную карту штата Юкатан и территории Кинтана-Роо. Открытые мною памятники, нанесенные на эту карту, значительно меняли всю археологическую картину побережья, считавшегося до сих пор почти пустынным.

Пока в институте исследовали мои черепки, я познакомился со справочником по керамике майя. Там воспроизводились рисунки тысяч керамических обломков, и по ним я уяснил себе, какую ценную информацию могут дать мои черепки.

В институте я также узнал, что человек может претендовать на археологическое открытие лишь в том

случае, если докажет, что до него в этом месте никто не был. В археологии, как и во многих других областях, открыть — значит найти уже забытое, и тут важно определить, что считать памятью. Прежде чем я смогу уверенно судить о ценности сделанных мной открытий, мне придется очень подробно ознакомиться со всеми экспедициями и путешествиями по Юкатану хотя бы за последние сто лет. К счастью, до меня ни один человек, во всяком случае ни один археолог, не прошел побережье пешком. И в этом нет ничего удивительного. Все люди, хорошо знающие джунгли Центральной Америки, считают просто чудом, что я не схватил там тропическую лихорадку или дизентерию, которые могли бы сыграть для меня роковую роль.

Однако с моря побережье Кинтана-Роо исследовали довольно многие, и среди них Джон Ллойд Стефенс и Фредерик Казервуд, открывшие в 1843 году Тулум. Они побывали на побережье еще до восстания индейцев майя. Следующая значительная экспедиция была организована только восемьдесят лет спустя, в 1922 году, доктором С. Г. Морли и доктором Самюэлем К. Лотропом. Они тоже исследовали Кинтана-Роо с моря. С доктором Лотропом я имел счастье беседовать в Гарварде. Он сказал мне, что со времен его путешествия на побережье едва ли что-нибудь изменилось. С доктором Морли они работали в основном в Тулуме. Это было первое серьезное изучение города.

Я узнал также, что в Тулуме были найдены две стелы с выбитыми на них датами. К сожалению, судно, на котором их везли из Тулума на Косумель, утонуло во время шторма в Юкатанском проливе, и весь груз погиб.

В 1926 году побережье Кинтана-Роо исследовала еще одна американская морская экспедиция во главе с Грегором Мейзоном и археологом Гербертом Спинденем. Спинден, сотрудник Музея Пибоди в Гарварде, во время этой экспедиции открыл много

неизвестных до сих пор археологических объектов на острове Косумель и на побережье. Среди них особенно выделяется Памуль и Шкарет, а также маленький храм Йочак, где побывал и я, думая, что открыл его первый. Но больше всего меня заинтересовало то, что экспедиция Мейзона — Спиндена прошла на моторной лодке лагуну у Бока-де-Пайла. Сначала через узкий пролив они проникли в большую лагуну, а потом через второй пролив — в малую. На берегу первого пролива был открыт великолепный храм, а у малой лагуны несколько крупных храмов и высокая пирамида. Место это они называли Муиль, хотя, на мой взгляд, его надо бы назвать Чунйашче — по имени индейского поселения вблизи развалин. Несомненно, это те самые развалины, которые видел и я. Грегори Мейзон описал их вместе с другими развалинами в своей книге «Серебряные города Юкатана». В Муиле он насчитал двенадцать храмов и других культовых сооружений и «бесчисленное множество полностью разрушенных построек». Они покидали Муиль (или Чунйашче), чувствуя, что это место заслуживает «дальнейшего пристального изучения». Необходимость в таком изучении заставила и меня принять решение вернуться туда в будущем, чтобы исследовать Чунйашче и всю лагуну. Я правильно определил, что это был центр всех прибрежных поселений майя.

Та же экспедиция исследовала развалины Санта-Роса, обозначив их на карте словами «Чак-Мооль» — в честь божества, разбитую статую которого я встретил на побережье. Но других развалин они не заметили, хотя и проплыли всего в нескольких сотнях ярдов от них.

Кинтана-Роо привлекала разных исследователей и искателей приключений. В 1929 году Чарлз Линдберг производил аэрофотосъемку побережья. На снимках оказались многие храмы, до тех пор никому не

известные. Рассматривая теперь эти фотографии, я узнал высокую пирамиду в Чунйашче Шее нетрудно было узнать по расположению у лагуны. Затем я разглядел храм Йочак и развалины Пуэрто-Чиле, куда по суше до меня никто не добирался, я же попал туда спустя двадцать девять лет после съемки Линдберга.

Однако с воздуха нельзя сфотографировать руины в глубине тропического леса. Ни один объектив не сможет проникнуть за густую крону высоких деревьев и кустарников.

Просматривая теперь литературу, я увидел, что участок побережья от Пуа до северо-восточной оконечности Юкатанского полуострова, а также окрестности Тулума, и особенно берег у Шкарета, изучались довольно тщательно разными исследователями. Десять лет назад там побывал Лоринг Хьюен, коммерсант из Нью-Йорка, он исследовал побережье и обнаружил развалины. Член нью-йоркского Клуба исследователей Хьюен работал в тесном контакте с разными музеями. В археологии это был один из тех последних представителей богатой и образованной элиты, которые тратят значительную часть своих средств и времени на решение важных проблем культуры. К сожалению, подобно многим «непрофессионалам» Хьюен не получил должной поддержки, хотя у него было гораздо больше практического опыта в исследовании Восточного Юкатана, чем у большинства профессиональных археологов.

По брошюрам, изданным Институтом Карнеги, я познакомился также с исследованиями доктора Уильяма Сандерса, молодого археолога, довольно долго изучавшего развалины Танках близ Тулума. Доктор Сандерс стал затем исследовать территорию и вдали от берега. Он шел в направлении Чумпома и встретил там немало новых археологических объектов.

Благодаря помощи гарвардского Музея Пибоди, возглавляемого доктором Джоном Бру, а также консультациям Самюэля Лотропа, Гордона Уилли, Уильяма Булларда-младшего и Ледьярда Смита мне за два года удалось определить, какие из моих археологических открытий не были еще никем упомянуты. Теперь я понимал, что все мои находки имеют определенное значение для более полного и ясного представления о поселениях майя на побережье Кинтана-Роо. Они подтверждали также, что майя были хорошими мореходами.

После просмотра всех материалов я определил, что могу претендовать только на четырнадцать археологических объектов из открытых мной шестнадцати. Однако и эта цифра была достаточно внушительной, чтобы соблазнить меня на второе путешествие. Я с самого начала чувствовал, как много тайн хранит еще Кинтана-Роо. Да и можно ли было думать, что во время своего неорганизованного и опасного путешествия я сумел обнаружить хотя бы половину того, что скрыто еще в джунглях.

В библиотеке Гарвардского университета мне удалось раскопать такой удивительный документ, как «Album Monografico de Quintana Roo». Это политическое сочинение, выпущенное в виде иллюстрированного журнала, должно было убедить мексиканцев заселять «новую территорию». Напечатали его после окончания последней мексиканской революции и подписания мирного договора с индейцами Чан-Санта-Круса. Оно содержит много ценных сведений об индейцах, их вождях, сражениях и победах, но, разумеется, индейцы показаны в ней не без предубежденности. В этой книге, а также в работах археологов Альфонсо Вилья Рохаса и Томаса Ганна из Велиза я вычитал некоторые подробности из истории индейцев Чан-Санта-Круса, истории, еще почти неизвестной и ненаписанной.

Чем больше я знакомился с археологией майя, тем яснее понимал, что всякая серьезная археологическая экспедиция в Кинтана-Роо потребует немалых денежных средств, намного превышающих возможности любого университета. Чтобы тщательно обследовать археологический объект и произвести раскопки, нужен целый отряд археологов, разных опытных специалистов и десятки рабочих. Доставить оборудование и всех участников экспедиции в Кинтана-Роо — задача не только трудная, но и дорогостоящая. Для составления точных планов четырнадцати открытых мною объектов потребовалось бы много лет и огромные средства. Кроме того, в археологии существуют сотни других задач, более неотложных, по мнению мексиканского правительства и многих университетов, как в самой Америке, так и за ее пределами. Поэтому мне пришлось распрощаться с мыслью увидеть в ближайшем будущем свои находки подробно исследованными и изученными. Если же я снова захочу отправиться в Кинтана-Роо, то путешествовать мне придется на собственные средства и в сопровождении лишь своих друзей да, быть может, одного археолога.

Я сразу понял, что расчистить развалины мне будет не по силам — ведь при этом надо уничтожить всю растительность вокруг да к тому же как-то укрепить сооружения, чтобы они не обрушились, как только с них сорвут все лианы и корни. Как это ни парадоксально, но то, что разрушает храмы (деревья и другая растительность), то и сохраняет их. Чтобы не повредить постройку, археологи нашли остроумный метод расчистки. Они поджигают выросшие на развалинах деревья, и в течение нескольких дней стволы и корни понемногу тлеют и наконец совсем сгорают. Оставшиеся от выгоревших корней узкие щели заделывают потом цементом. Таким образом развалины

оказываются скрепленными густой сетью прочных зацементированных каналов. Но, увы, способ этот, как бы он ни был хорош, требует специалистов и определенных материалов, а это мне вовсе не по карману.

По моим фотографиям и по найденным черепкам можно было определить, что все развалины, кроме Рио-Индио, относятся к периоду Майяпан. Это был период расцвета в истории майя, который продолжался примерно с 1250 года по 1450 год нашей эры. В этот период индейцы майя сохраняют свое главенство на Юкатане в полисе Майяпан, который объединял вокруг себя большинство городов полуострова. Можно сказать, что это была эпоха «Ренессанса майя». В те времена возводились прекрасные города, многие храмы в них были украшены рисунками, в которых чувствуется влияние тольтеков. Именно тогда побережье Кинтана-Роо достигло наивысшего расцвета. Этому, несомненно, способствовала процветающая торговля.

Судя по образцам керамики и архитектурному стилю, Рио-Индио относился к более раннему периоду (ошибочно названному Древним Царством), расцвет его длился от 200 до 900 года.

Начало учебы прервало мою дальнейшую работу в области археологии, и я принялся за более унылое исследование балансов и финансовых отчетов в Гарвардской коммерческой школе. С каждым днем надежда вернуться в Кинтана-Роо становилась все более смутной, но я непрестанно думал о побережье, о джунглях, о прекрасных пустынных пляжах. Здесь, в Кембридже, я был слишком далек от простой жизни индейской деревни и кокалей. Что там теперь делает Канче и все те люди, с которыми я встречался? Разве мог я забыть восходы солнца, утреннюю дымку над гигантскими сейбами, голоса птиц по берегам лагуны и суровые, но дружеские лица индейцев, которые делили

со мной пищу и кров? Я твердо решил вернуться в Кинтана-Роо, но судьбе было угодно оттянуть мою поездку.

В Кинтана-Роо я приобрел вкус к приключениям и познал волнение первооткрывателя. Теперь меня потянуло в более отдаленные районы земного шара. Когда я изучал право в Париже, мне случайно попалась в руки тибетская грамматика. Начав с нее, я понемногу увлекся и всеми другими тибетскими делами. И вот теперь, когда закончился мой первый учебный год в Гарвардском университете, у меня оказалось достаточно времени и денег, чтобы приняться за интересное дело. Благодаря щедрости одного бостонца и содействию Музея Пибоди и Йельского университета мне удалось организовать экспедицию в Гималаи. Ведь после путешествия в Кинтана-Роо я как-никак слыл исследователем.

Ровно через год с того дня, когда я впервые ступил на берег Кинтана-Роо, самолет уносил меня в Нью-Йорк вместе с одним этнографом, тоже отправлявшимся в Непал и Гималаи. На этот раз я был хорошо снаряжен и наилучшим образом подготовлен к путешествию, которое оттягивало еще на год мое возвращение в Кинтана-Роо.

Ни тибетские монастыри, ни торжественная красота Гималаев не смогли заставить меня забыть Кинтана-Роо, землю, где я впервые ощутил трепет перед неведомым. В Непале вместе со своим спутником Алланом Тиолье я исколесил почти восемьсот миль в районе Эвереста, поднимаясь к высокогорным долинам, где еще никто не бывал. Как всякого путешественника и исследователя в Гималаях, меня сопровождали носильщики, офицер связи и опытные проводники — шерпы.

Вернувшись из Гималаев, я понял, что с этого времени вся моя жизнь будет посвящена исследованию

неизвестных и малоизвестных областей.

Теперь уже можно было подумать и о возвращении в Кинтана-Роо. Я хорошо понимал, что нельзя рассчитывать на денежную помощь какого-либо музея, и собирался совершить второе путешествие на свой счет.

Я хотел вернуться в те же места, где уже побывал, надеясь найти там новые развалины, которые проглядел раньше. Теперь я был лучше подготовлен и имел опыт первого путешествия, поэтому чувствовал уверенность, что на этот раз сумею исследовать побережье более основательно.

Готовиться к экспедиции я начал в Париже. Рассматривая карту Кинтана-Роо и вспоминая злоключения своей первой поездки, я решил, что лучше всего ехать туда морем, а потом использовать судно как плавучий лагерь. Это создаст максимум удобств и облегчит поиски пропущенных раньше храмов.

Теперь надо было найти себе попутчиков, а по опыту гималайской экспедиции я уже знал, как это трудно, особенно если ты ограничен в средствах. Но все-таки в Париже нашлись желающие поехать со мной, и среди них молодая французская журналистка и молодой юрист — исследователи не ахти какие, зато хорошие друзья. У обоих достаточно времени и средств для такой поездки.

Из Парижа я улетел снова в Нью-Йорк, рассчитывая раздобыть там необходимые для экспедиции средства. Однако мне пришлось проболтаться в Нью-Йорке целых три месяца. Чтобы как-нибудь заработать деньги, я пытался писать статьи о Гималаях, но в то время они никого не интересовали. Единственное, что могло привлечь внимание журналов и газет, был пресловутый снежный человек, а мы привезли из экспедиции сведения, опровергающие его существование, что делало меня еще более непопулярным. Многие годы

газеты печатали под броскими заголовками сообщения о снежном человеке, основанные на довольно скудных или просто вымышленных свидетельствах о «его» существовании.

К концу сентября мне уже казалось, что сборы мои будут длиться вечно. Из Франции пришло письмо от моего друга юриста, который сообщал, что его свободное время истекло и ехать он не может. Я уже готов был впасть в отчаяние, когда вдруг совершенно неожиданно сбылись все мои надежды.

Благодаря стараниям Джима Драута, молодого редактора объемистого американского еженедельника «Текущая неделя», я получил часть необходимых мне средств, и почти в то же самое время мне встретился владелец яхты, готовый сдать экспедиции свое судно за очень умеренную плату.

Судно называлось «Каролина». Это была шхуна пятидесяти шести футов в длину с роскошными, обшитыми дубом каютами — всего на десять человек. Ее капитан, граф Грабовский, друг моего младшего брата, был обаятельный и смелый человек. На этом судне он сумел за восемьдесят четыре дня один пересечь Атлантический океан от Гибралтара до Нью-Йорка. Нельзя было найти более подходящего капитана, чем Грабовский, и он охотно отправлялся со мной в это далекое путешествие.

Не имея возможности нанять для яхты команду, я искал попутчиков, готовых не только разделить со мной все невзгоды в джунглях, но и пуститься в долгое морское путешествие, которое должно было закончиться в голубых водах Юкатанского пролива.

Из Парижа я получил только один благоприятный ответ — от Мари-Клер де Монтеньяк, моей приятельницы, чье страстное желание принять участие в экспедиции можно было сравнить разве что с ее привлекательной внешностью и отсутствием всякого

опыта. Она не так давно окончила школу и теперь пробовала свои силы в журналистике. Сначала я даже слышать не хотел о том, чтобы взять ее с собой. Кинтана-Роо казалась мне совсем неподходящим местом для женщины. Что же касается морского опыта Мари-Клер, то он сводился к единственной увеселительной поездке вдоль побережья Французской Ривьеры на маленькой парусной лодке. Грабовский просто пришел в ужас от этой кандидатуры, и я приложил немало усилий, чтобы уговорить его взять Мари-Клер в команду «Каролины».

— По крайней мере она сможет готовить, — рискнул я вставить слово. На самом деле готовить она не умела.

Не теряя времени, Мари-Клер вскочила в первый же реактивный самолет до Нью-Йорка и на следующий день явилась на «Каролину» вместе с семьей чемоданами, содержимое которых было так же необходимо для нашей экспедиции, как меховая шуба для индейцев майя.

Вместе с Мари-Клер к восточным берегам Соединенных Штатов примчался ураган Донна, чуть не потопивший «Каролину» у берега Сити-Айленда близ Нью-Йорка, где она стояла на якоре.

Нашему экипажу все еще не хватало по крайней мере двух человек. В то время все мои друзья, к сожалению, постигали хитрости фондовой биржи на Уолл-стрите или занимались каким-нибудь другим делом, начиная свою финансовую карьеру.

В конце концов бельгийская принцесса рекомендовала нам одного французского художника по имени Бруно, неутомимого путешественника, объездившего весь свет. Как и Мари-Клер, ему тоже никогда не приходилось плавать на большой яхте, но его физическая сила произвела впечатление на капитана Грабовского, и он взял Бруно на «Каролину». Время наше истекало, всем не терпелось поскорее

отправиться в путь, поэтому мы решили начать свое путешествие, не дожидаясь дальнейшего пополнения команды.

День накануне отъезда был очень суматошным. Все пристани на верфи, где красили нашу «Каролину», были заставлены ящиками с продуктами, которые Мари-Клер закупила в магазине самообслуживания. Ее французский акцент и количество покупок просто свели с ума директора магазина. В течение трех часов она создавала заторы у всех касс, а десятки ньюйоркцев с удивлением разглядывали французскую девушку с таким непомерным аппетитом.

Пробираясь сквозь завалы продуктов на пристани Сити-Айленда, фотограф из «Текущей недели» делал снимки, стараясь, чтобы на них не отразился беспорядок и суэта отъезда. Капитан Грабовский штудировал морские карты первого этапа нашего пути в тысячу пятьсот морских миль. Первая остановка предполагалась на острове Сен-Томас, самом крупном из Виргинских островов.

Мои родители, примилившиеся уже с мыслью, что их сын никогда не станет деловым человеком, снабдили нас французским вином и виски.

«Каролина» была элегантным судном, однако голландские судостроители не предназначали ее для экспедиций в тропиках или для путешествий с очень маленькой командой, особенно такой неопытной, как наша. Так же как Бруно и Мари-Клер, я опасался, что моряков из нас не выйдет.

Хорошо еще, что Грабовский был из тех людей, которых в среде моряков называют «сам себе капитан». Для нашего плавания именно такой капитан и был нужен. А что касается прогноза погоды, то хуже ничего нельзя было придумать. Только что пронесся ураган Донна, и теперь шторм сменялся штормом, как это всегда бывает после урагана. О погоде на побережье

Кинтана-Роо мы, естественно, ничего не знали, я только мог молить бога, чтобы Донна не причинила слишком много вреда тем руинам, которые мы отправлялись изучать.

16 октября был поднят якорь, и тут же начались всякие неполадки. Когда мы отчаливали от пристани Сити-Айленда, в моторе «Каролины» сломалась коробка скоростей, пришлось решать, возвращаться ли на ремонт, который надолго задержит нас и повлечет новые расходы, или же плыть без мотора. Капитан Грабовский, второе лицо на яхте после бога, решил плыть под парусами. Теперь до Атлантического океана нам пришлось идти сто двадцать миль против ветра через пролив Лонг-Айленд вместо того, чтобы пересечь Ист-Ривер у Манхеттена. Без двигателя нам предстояло проплыть тысячу шестьсот миль.

Мы были так рады отъезду, что вначале это нас нисколько не беспокоило. Вместе с Мари-Клер и Бруно я смотрел, как Грабовский носится по палубе, выполняя все необходимые маневры. К трем часам дня мы прошли не больше пяти миль, а потом при полнейшем штиле торчали в проливе у Экзекьюшен-Рок и, как дураки, ожидали ветра — всего в двадцати минутах езды на автомобиле от центра Нью-Йорка, одного из крупнейших городов мира. Только вчера у нас было такое горячее и торжественное прощание, мы уплывали навстречу опасностям и приключениям, а сегодня вот сидим тут беспомощно при абсолютном безветрии в окружении быстрых моторок, которые по воскресным дням сотнями носятся по всему заливу Лонг-Айленд. Кинтана-Роо казалась нам далекой, как никогда.

— При такой скорости мы и за два года не доберемся даже до Вест-Индии, — выразила Мари-Клер наши общие невысказанные мысли.

Должно быть, ветер услышал ее слова, так как ночью начался сильный шторм. Он разогнал все лодки с

отдыхающими и оставил нас в заливе одних. Все вышли на палубу, чтобы впервые поучиться, как брать рифы, определять курс судна и стоять вахту. В эту штормовую ночь наше судно казалось тенью, блуждающей между Лонг-Айлендом и побережьем штата Коннектикут. На западе подымалось зарево огней большого города, а когда на время стихал ветер, до нас доносился отдаленный рев тысяч автомобильных моторов. Всю ночь звучал у нас в ушах зловеший вой сирены на Экзекьюшен-Рок, и всю ночь я пытался справиться со штурвалом, поворачивая его то в одну, то в другую сторону в страхе сбиться с курса, а стрелка компаса в это время беспрестанно металась по квадранту, свидетельствуя о моей неопытности.

На следующий день всем стало ясно, что троим мужчинам и девушке справиться с судном в тридцать тонн будет нелегко. И все же через два дня мы вышли в Атлантический океан, что было большой победой. Лицо Грабовского сияло. Атлантика! Ее-то он хорошо изучил за те восемьдесят с лишним дней.

— Ну, — произнес Грабовский, — вот теперь мы поплаваем как следует.

И он не ошибся. После того как земля скрылась из виду, мы плыли целых двадцать четыре дня. Без остановок, часто без парусов и без пищи. Атлантический океан обрушил на нас все свое коварство. Только тот, кому довелось побывать в Северной Атлантике в октябре, может себе представить, что нам пришлось пережить во время четырех штормов, следовавших за ураганом Донна. Целых тринадцать дней (вместо пяти) добирались мы до Бермудских островов и, не делая там остановки, продолжали пробиваться сквозь штилевую зону Саргассова моря и шквалы приэкваториальных широт. Мы потеряли два паруса и раз десять рвали массивный грот.

За эти четыре недели Бруно, Мари-Клер и я прошли самую суровую корабельную практику, какую только можно себе вообразить. У «Каролины» было гафельное вооружение и такие тяжелые паруса, что нам четверым едва удавалось справляться с их постановкой. Во время страшного шторма в Гольфстриме нас относило то к северу, то к востоку и, как скорлупку, швыряло среди волн высотой футов в тридцать. Страдающая от морской болезни Мари-Клер взывала к небесам, Бруно стонал, а Грабовский клял погоду, команду и шхуну...

Только на двадцать пятый день мы наконец вздохнули с облегчением, заметив огонь маяка Сомбреро. Продукты у нас уже были на исходе, когда яхта миновала рифы Анегада в Карибском море и направилась к порту Шарлотта-Амалия, столице острова Сен-Томас.

Наша морская эпопея была нелегким испытанием и для нас, и для «Каролины». На Сен-Томасе нам пришлось пересмотреть свои планы. «Каролина» нуждалась в полной замене всех парусов и ремонте двигателя, что требовало времени и денег, которыми мы не располагали. Кроме того, всем теперь стало ясно, что для дальнейшего плавания в команду корабля необходимо взять еще по крайней мере двух человек.

Наше плавание из Нью-Йорка в Вест-Индию продолжалось на целых десять дней больше обычного срока, и это была всего лишь треть пути. Понимая, как дорого нам обойдется дальнейший путь на яхте, которую после плавания у берегов Кинтана-Роо придется еще вести обратно на север, мы решили отказаться от «Каролины». К тому же обстановка на Гаити и Кубе настолько изменилась, что плыть на Юкатан стало рискованно. В общем выбора у нас не было, и мы оставили «Каролину» на Сен-Томасе. Грабовский надеялся сдать ее туристам и на эти деньги починить паруса и двигатель.

Бруно, который уже был сыт по горло приключениями, решил распрощаться с нами и остался рисовать в Вест-Индии.

Теперь одна лишь Мари-Клер все еще рвалась в Кинтана-Роо. Ничто не могло охладить ее пыла. Тогда я решил ехать с нею вдвоем. Сначала мы вылетаем из Пуэрто-Рико в Майами, а оттуда уже на Юкатан. С морским транспортом, как и в первую свою поездку, я оказался не в ладах. Тут, на Виргинских островах, меня начали одолевать серьезные сомнения, даст ли мне что-нибудь эта вторая экспедиция.

Мне снова предстояло идти по берегу пешком, поэтому я решил ехать сначала на Косумель и оставить там Мари-Клер, позволив ей изредка наведываться на побережье на вполне надежных судах. Однако это вовсе не устраивало Мари-Клер, у нее было совсем иное представление об экспедиции. Она решила во что бы то ни стало осмотреть каждый дюйм побережья, о котором я ей столько рассказывал.

По пути, на Юкатан нас ожидало немало интересных событий. Не успели мы вылететь из Майами, как нам сообщили, что самолет сделает посадку в Гаване. Это было через три дня после разрыва дипломатических отношений между Кубой и Соединенными Штатами. В сущности наш самолет был последним американским самолетом, приземлившимся в Гаване, за те три недели, когда на Кубе была объявлена всеобщая мобилизация на случай вторжения на остров войск Соединенных Штатов. Раз уж нам пришлось остановиться в аэропорту Гаваны, мы с Мари-Клер решили не упускать случая и посмотреть на землю Кастро. Кроме русских мы были в Гаване единственными иностранцами и совсем неплохо проводили время на ее заставленных пулеметами улицах. Следующего самолета в Мексику нам пришлось ждать целую неделю.

Лучи заходящего солнца освещали широкие просторы хенекеновых полей, когда мы с Мари-Клер прибыли наконец на Юкатан.

Прошло три года после первой моей поездки на побережье Кинтана-Роо. С тех пор здесь многое изменилось. В Мексике уже давно был другой президент, а побережье Кинтана-Роо еще раз объявили «землей обетованной» и «новым краем», для освоения его прилагалось немало усилий. От Мерида к Четумалю провели дорогу для грузовых автомашин, что должно было положить начало освоению участка побережья к северу от того пункта, откуда я отправился в свое первое путешествие. У Пуэрто-Морелос солдаты приступили к сооружению дороги на месте прежней узкоколейки, долгое время бывшей единственным средством связи с морем.

Кубинская революция изменила судьбу Юкатанского побережья, так как сюда хлынули американские туристы, которым был закрыт доступ на Кубу. Три года назад на Косумеле совсем не было гостиниц, а теперь я узнал, что там их целых четыре да две еще строятся. Из Мерида на Косумель каждый день отправлялись самолеты. Остров становился еще одним курортом на Карибском море.

Я понимал, что нашествие туристов на Косумель будет концом для побережья Кинтана-Роо, того побережья, которое я знал прежде. Как же на нем отразятся все эти перемены?

А пока что мы с Мари-Клер покупали в Мериде самое необходимое для путешествия по джунглям: гамаки, противомоскитные сетки, лекарства. Как и в первую поездку, я собирался жить у индейцев и на этот раз старался взять с собой как можно меньше вещей. Приближался день отлета на Косумель, и я уже просто сгорал от нетерпения, думая о встрече с людьми, которые были моими друзьями. Найду ли я Пабло Канче

и семью Месос? Как они меня встретят? Забыли они уже меня или так же помнят, как и я их?

В Мериде люди по-прежнему говорили мне о Кинтана-Роо драматическим голосом и предрекали всякие несчастья. Я знал, куда еду, и покидал Мериду без сожаления.

Прибыв на Косумель, я сразу заметил, что остров изменился. Однако несколько гостиниц еще не смогли его слишком испортить. Мне без труда удалось найти профессора Переса. Он был все таким же общительным и по-прежнему старался просвещать своих друзей косумельцев. А на пристани я встретил Самюэля Месоса, который обрадовался мне, как родному брату. Не забыл меня и мистер Чемберлен. В своем процветающем теперь ночном клубе под вывеской «Майялуум» он от чистого сердца накормил нас обедом под звуки оркестра из неизменных гитар и барабанов бонго.

Две ночи я провел в доме сапожника, двоюродного брата Самюэля Месоса. Снова оказавшись в гамаке, я наконец-то в полной мере ощутил, что вернулся в Кинтана-Роо. Три года ожиданий остались позади, и теперь меня охватило такое же волнение, как и в первый приезд на Косумель.

Самюэль рассказал мне, что за это время на побережье перебивало немало народу. Сначала туда приехала большая американская экспедиция. Каждую неделю они приставали к берегу у Матансероса (там, где мне показывали пушку) и ныряли к останкам испанского корабля. Экспедиция была организована обществом СЕДАМ, которое специально занимается поисками затонувших судов. В распоряжении экспедиции был вертолет, и она произвела настоящую сенсацию на всем побережье к северу от Тулума.

От главного водолаза и руководителя экспедиции Боба Маркса я узнал, что судно было торговое, из

Испании, оно разбилось в 1780 году во время шторма.

Потом на побережье побывал один американский спортсмен. Он заявил, что нигде в мире не ловится так хорошо альбула и тарпон, как в лагунах у Бока-де-Пайла. Это привлекло сюда заядлых рыболовов. У Бока-де-Пайла, милях в двадцати пяти к югу от Тулума, появился палаточный лагерь, откуда компании рыболовов то и дело отправлялись на плоскодонках в лагуны Муиль и Чунйашче. Нередко они высаживались на берегу лагуны, чтобы осмотреть древние развалины майя.

Какая-то компания зубных врачей из Чикаго сумела проникнуть на моторном катере в такие места, куда я пробирался пешком помногу дней не без риска для жизни. Да, побережье теперь не узнать.

К концу второго дня мы с Мари-Клер и Самюэлем Месосом были уже на борту «Марии Фиделии» (она все еще курсировала здесь) и направились к Памулю — кокалю с храмом майя милях в двадцати к северу от Пуа.

«Мария Фиделия» отплывала в полночь, а на рассвете мы увидели берега Кинтана-Роо. В первых лучах солнца показались знакомые очертания невысоких джунглей, подступавших к песчаным пляжам. Вскоре стал слышен рев рифов. Но нам не повезло. Волны на море вздымались так высоко, что весь проход в рифах был закрыт пенистыми водоворотами. Пришлось возвращаться на Косумель в надежде, что дурная погода долго не продержится.

Мы сидели на Косумеле и с нетерпением ожидали прекращения шторма. К полуночи ветер начал стихать, а когда «Фиделия» отчалила от пристани, море было уже совсем спокойное. Возвращаться на этот раз нам не пришлось. Ни Мари-Клер, ни я не представляли в то время, что ждет нас впереди. Мы не собирались долго оставаться на побережье, но обстоятельства сложились

так, что вернуться на Косумель нам удалось только через шесть недель.

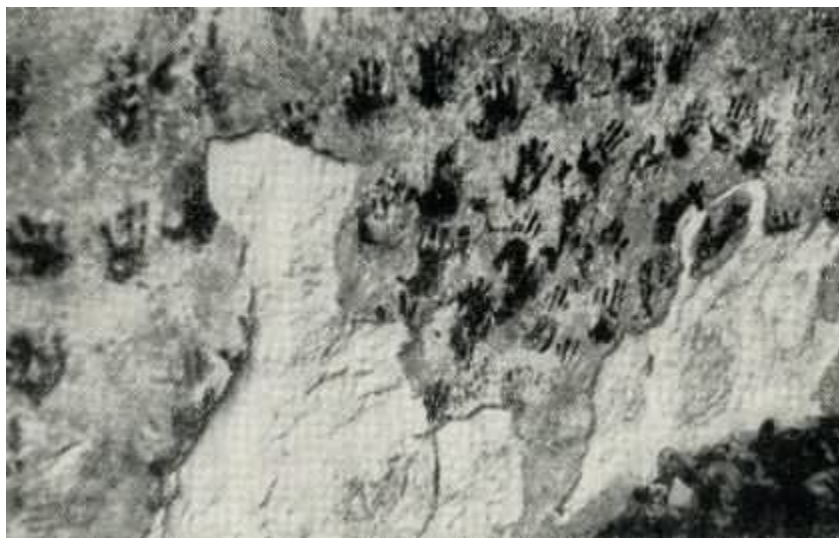
Когда на море упали первые лучи восходящего солнца, впереди показался берег Кинтана-Роо. Вскоре «Фиделия» была уже у рифов. Капитан без особого труда провел ее через узкий проход, и мы оказались в защищенной полосе. Загремел якорь. Маленькая шлюпка доставила нас на берег, покрытый чистым белым песком, под сень пальмовой рощи кокаля Памуль. Едва мы сосчитали свои мешки, как «Фиделия» уже подняла якорь и медленно поплыла вдоль берега к Плайя-дель-Кармен, где должна была взять груз копры.

* * *

Дворец в Чамаше. На крыше стоят контрабандисты.

Красные отпечатки ладоней на внутренней стене дворца в Чамаше.

Храм в Тупаке.

Вход в храм.

Растительность сплошь покрывает развалины в Чунйашче.

Развалины, очищенные от растительности.

Пирамида с полуразрушенным храмом на вершине в местечке Памуль, где автор побывал в 1961 году.

Коба-Кама показывает Мари-Клер огромного черного фазана, убитого им на охоте.

Большой идол, найденный в Чунйашче.

* * *

Навстречу нам из хижины вышел мужчина, хороший друг Самюэля. Он угостил нас тортильями и черепашьими яйцами. Пока мы ели, а Мари-Клер рассуждала, не потеряет ли она талию, если станет питаться одними лепешками, Самюэль уложил наши вещи на индейский манер, чтобы их можно было нести, надев ремень на голову.

Мы не стали задерживаться в Памуле. Надо было сразу отправляться в путь, пока солнце еще не поднялось очень высоко. Мы шли на юг, к Пуа. Впереди шагал Самюэль, за ним я, за мною Мари-Клер. В полумиле от кокаля мы остановились у подножия высокой пирамиды. Она стояла в нескольких футах от воды, как бы возвещая, что мы вступили на землю мореходов майя. На Мари-Клер пирамида произвела огромное впечатление. В первый свой приезд я видел эту пирамиду только с борта «Марии Фиделии», когда плыл от Исла-Мухерес к Косумелю. С вершины пирамиды мы могли теперь обозревать все побережье, протянувшееся к северу и к югу громадными фестонами песчаных пляжей, обрамлявших сверкающее море.

К счастью, долгий путь пешком по колкому коралловому известняку не устроил Мари-Клер. Правда, по дороге она пугалась воображаемых змей и несколько раз поднимала панику, но в общем мы продвигались довольно быстро и около одиннадцати часов были уже на кокале дяди Самюэля, где мне обрадовались, как родному сыну, а Мари-Клер приняли с теплотой и сердечностью, хотя ее голубые джинсы повергли в изумление всех женщин. Утолив жажду кокосовым молоком, мы отправились дальше, шагая под палящими лучами солнца. Теперь наш путь шел через джунгли, подступающие к скалистым мысам, так что продвигаться с прежней скоростью мы уже не могли. Через каждые полчаса приходилось останавливаться, чтобы перевести дух и стереть пот с лица.

К часу дня мы подошли к лагуне Чакалаль. Как раз на ее берегу стоит тот великолепный, хорошо сохранившийся храм Йочак, который я видел на другой день после прибытия в Кинтана-Роо на «Лидии».

И вот мы наконец под благословенной сенью кокосовых пальм на кокале Пуа. Мне казалось, что я вернулся домой. Все тут было по-старому, и я не почувствовал разочарования. Кокаль Пуа оставался таким же, каким был и прежде, маленьким раем у бирюзового моря. У хижин под пальмами появились маленькие братья Самюэля. Сначала они приняли нас с опаской, разглядывая меня и Мари-Клер с особой, наивной серьезностью, но потом кто-то из детей узнал меня. Даже в родной семье меня не смогли бы встретить с таким восторгом.

— Так редко сюда приходят люди, — говорила сеньора Месос со слезами на глазах. — Мы никого не забываем.

Однако Мари-Клер встретили сначала довольно сдержанно, особенно младшие дети, которые сразу спрятались за пальмами и таращили оттуда на нее глаза. Лишь полчаса спустя я узнал причину их страха — детей испугали светлые волосы Мари-Клер, вероятно, они приняли ее за существо с другой планеты.

Даже сеньор Месос был приветлив. В его обычно сдержанной речи появились ласковые нотки, а суровое лицо озарилось улыбкой.

Скоро я уже знал обо всех маленьких событиях на побережье. С Косумеля приезжал сюда какой-то англичанин и забрал оставленные мною находки — каменную свинью и ступню идола. Однако самой большой новостью было появление здесь вертолета. Он высадил около Пуа участников экспедиции, исследовавших затонувшее судно у Матансероса.

Мы с Мари-Клер садились по очереди на индейский манер у огня, сеньора Месос кормила нас горячими

тортильями, а сеньор Месос рассказывал о новых храмах, которые он отыскивал во время охоты в джунглях. Нам, конечно, не терпелось поскорее осмотреть эти храмы. Особенно воодушевилась Мари-Клер. Ее волновала мысль увидеть развалины, где еще не был ни один иностранец. Первую неделю мы решили провести в Пуа, а потом Самюэль с братом должны были отвезти нас на «Лидии» в Танках, на кокаль Гонсалесов.

Теперь я узнал, почему в тот раз «Лидия» так долго не возвращалась и почему сеньор Месос так обошелся со мной. «Лидия» задержалась тогда из-за плохой погоды, сеньор Месос это понимал и, не очень-то веря в мои хорошие намерения, просил меня уйти с кокаля. Но он, конечно, не думал, что мне придется пройти пешком весь путь до Белиза, уж в Танкахе-то я наверняка должен был найти судно.

Мое возвращение, обаяние Мари-Клер и то обстоятельство, что я теперь хорошо знал все побережье и всех кокалеро от Пуа до Шкалака, совершенно изменили отношение ко мне. Я узнал, что обо мне довольно долго говорили на побережье, особенно во время праздников святого Мигеля, когда многие кокалеро съезжались на Косумель. Делясь своими впечатлениями, все пришли к единодушному выводу, что человек я не опасный.

Руины, о которых говорил сеньор Месос, находились в двух милях от Пуа. Вместе с Самюэлем и Мари-Клер я исследовал их целых три дня. Одна из построек оказалась в очень плохом состоянии, но для Мари-Клер все было исключительно интересно. Энтузиазм придавал ей силы, она с ловкостью крота рылась в земле и в конце концов откопала руку и ногу глиняного идола, что привело ее в неопиcуемый восторг.

Другие развалины, расположенные в глубине джунглей к югу от Пуа, были просто продолжением построек Пуэрто-Чиле, где я уже побывал в свой первый

приезд. На том месте, куда нас привел сеньор Месос, оказались лишь остатки каменной стены вокруг неглубокой котловины. Слегка разочарованные, мы отправились в Пуэрто-Чиле расчищать три маленьких храма, на одном из которых была высечена человеческая голова и дракон вокруг каменного кольца. Их я видел еще в прошлый раз. Около одной постройки мы нашли керамические обломки двух искусно сделанных рук. Однако других частей древнего идола нам опять-таки отыскать не удалось.

Неблагоприятные ветры задержали нас в Пуа еще на два дня. Мари-Клер постаралась с пользой провести это время и загорала на пляже, который вполне мог соперничать с лучшими пляжами французской Ривьеры и Вест-Индии.

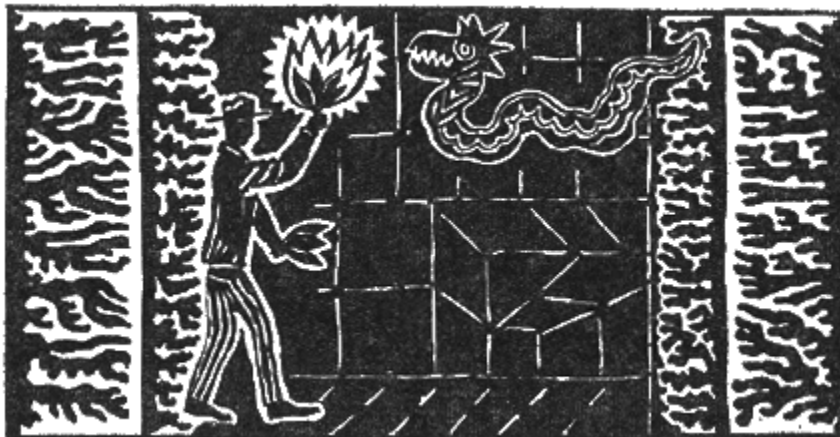
Наконец подошел день отъезда. Мы с большой нежностью прощались с семьей Месоса. Сеньора-Месос давала Мари-Клер всякие советы и наставления, набивая наши мешки съестными припасами.

И вот уже Пуа скрылся из виду. Подгоняемые северо-восточным ветром, мы плыли на юг вдоль побережья. «Лидия» слегка покачивалась на волнах, а мы сидели на ее тесной палубе и пытались поймать барракуду на хенекеновую леску.

Страх больше не мучил меня, как в первое путешествие по побережью. Однако, нежась теперь в лучах солнца, мы совсем не подозревали, что ждет нас впереди...

12. Затерянные города

По прибытии в Танках я собирался сходить в деревню Тулум, а оттуда к лагунам Муиль и Чунйашче. Я считал, что именно там мог находиться центр морской торговли древних майя. Как мне хотелось снова встретиться с Канче и пригласить его в проводники! В Мериде я накупил разных подарков для него и для его жены. Теперь, собираясь основательно обследовать район вокруг лагун, я очень рассчитывал на помощь Канче.

Когда мы прибыли в Танках, «Лидию» приветствовал дон Хорхе Гонсалес. Он тоже помнил меня и принял нас необычайно радушно.

Оказалось, что у него на кокале работал теперь Бенансио, брат Канче, поэтому можно было не теряя времени отправляться дальше, в Тулум. Бенансио сказал мне, что Канче сейчас на своей мильпе, он рубит и выжигает деревья, подготавливая поле для посева. Был сухой сезон, до начала дождей оставалось два месяца. Дон Хорхе Гонсалес не возражал против того, чтобы мы взяли в проводники Бенансио, при условии, что он вернется обратно, как только мы встретимся с Канче.

Весь вечер обсуждали мы с доном Хорхе последние новости на побережье. Я узнал, что, с тех пор как в Кинтана-Роо началось «нашествие туристов», сюда с Косумеля с каждым днем приходит все больше и больше судов, доставляющих людей к развалинам Тулума. Аэродромов здесь тоже прибавилось. В сухой сезон в Танках постоянно приземляются небольшие самолеты с туристами, а через несколько часов снова увозят их в Мериду или на Косумель. Таким образом, Танках становился довольно оживленным центром туризма, и дон Хорхе даже построил тут что-то вроде гостиницы, где можно было остановиться на ночь.

Я узнал также о провале проекта строительства дороги в северной части Кинтана-Роо. Об этом проекте политические деятели начали говорить еще в 1900 году, однако он всегда оставался лишь пустым обещанием, хотя начиная с 1905 года эта несуществующая дорога появлялась даже на картах. Дон Хорхе отремонтировал и привел в порядок наезженную джипами колею, проходившую через его кокаль и мимо развалин. Теперь дорога идет вдоль всего берега до Бока-де-Пайла миль на двадцать пять.

Что же касается индейцев из деревни Тулум, то, по словам дон Хорхе, дела у них совсем неважны, там сейчас свирепствует свинка. Эта безобидная для нас болезнь была страшным бедствием для индейцев в Тулуме от нее уже умерло трое и многие находились в очень тяжелом состоянии.

На следующий день в Танках из Мериды прилетел самолет с тремя пассажирами. Они направлялись на рыбную ловлю в кемпинг у Бока-де-Пайла и прибыли сюда прямо из заснеженного Нью-Йорка, не подозревая даже, что всего три года назад этот район был совсем диким и недоступным. Мне стало не по себе от того, что на пустое развлечение тратились огромные деньги, в то время как поблизости было столько бесценных храмов,

никому не известных или неизученных. Хуже того, из-за отсутствия медицинской помощи целая деревня страдала от такой болезни, как свинка, и многие даже умирали. И тут же, совсем рядом, люди тратили по сто долларов в день на спортивные утехы. Несомненно, такие перемены не принесут Кинтана-Роо ничего хорошего.

Около двух часов мы в сопровождении Бенансио отправились в Тулум. Шагая по узкой тропинке среди мокрого подлеска и поваленных стволов деревьев, я снова вдыхал сырой воздух джунглей и чувствовал радостное возбуждение. Солнце едва пробивалось сквозь густую листву, отовсюду доносились странные звуки джунглей: хохот чачалаки, кваканье лягушек, стрекот насекомых. Босой Бенансио очень быстро, почти бегом, шел впереди, за ним с опаской следовала Мари-Клер, до смерти боясь наступить на змею. Но в общем-то джунгли ей очень нравились. Она всю жизнь провела среди лесов средней Франции, где в поместье отца часто охотилась на оленей. Вскоре, однако, Мари-Клер призналась, что ее лошадь ей здесь бы не помешала.

Углубляясь в лес, мы чувствовали, как постепенно слабеют узы, связывающие нас с внешним миром. Как не похож этот лес на горные леса Бенгалии и на леса непальских долин! Ничто не нарушало однообразия этой плоской равнины, и нам казалось, что мы идем по темному подземелью в каком-то странном мире зеленых теней, полусвета и сырости. Здесь как будто снова оживал таинственный мир Чаков, царство богов майя, мир иной цивилизации, исчезнувшей и забытой.

Наконец мы вышли к поляне с ветхими овальными хижинами. В деревне царила мертвая тишина. Здоровые мужчины ушли работать на мельпы, а все больные лежали в гамаках. В дверях одной из хижин мелькнуло какое-то хилое создание с раздутой головой.

Особенно страдали от свинки мужчины. Она поражала их половые органы, что приводило к смерти или в лучшем случае к импотенции.

Свинка была лишь одной из многих болезней, которые пересекли Атлантический океан. Вместе с сифилисом, скарлатиной, желтой лихорадкой, оспой она постепенно истребляла миллионы американских индейцев.

И вот индейцы снова в бедственном положении, а цивилизованному миру нет до них никакого дела. Нам это казалось тем более страшным, что мы находились всего в двух часах лёта от мыса Канаверал. Индейцы Чан-Санта-Круса потерпели еще одно поражение. Очевидно, эта эпидемия, пришедшая из внутренних районов, охватила все поселения.

К великому сожалению, мы ничем не могли помочь индейцам, в нашей аптечке не было подходящих лекарств. Мы лишь могли посоветовать держать больных в тепле и давать им поменьше пить — все, что мы сами узнали от дона Хорхе.

Бенансио сразу повел нас к своему тестю, деревенскому жрецу, с которым я беседовал три года назад и который рассказал мне тогда о войне индейцев Чан-Санта-Круса.

Мы провели целый вечер в его хижине, где нас угощали бобами и тушеной чачалакой. По обычаю майя, все ели по очереди, получая горячие тортильи прямо с огня. Пока я ел, женщины окружили Мари-Клер и стали с любопытством ее разглядывать. Никогда в жизни не приходилось им видеть белокурых людей, и они в изумлении трогали волосы Мари-Клер своими смуглыми руками. А потом принялись обучать ее основам домашнего хозяйства майя, позволив ей приготовить тортильи. По словам Мари-Клер, дело это требовало гораздо большего искусства, чем можно было подумать. Кусок теста надо все время как-то перебрасывать с

руки на руку и слегка похлопывать, придавая ему нужную форму.

Когда накормили меня и Бенансио, настала очередь Мари-Клер. Ей как женщине не полагалось мяса, и я потратил немало времени, стараясь убедить Бенансио, что Мари-Клер, хотя она и женщина, нужна такая же еда, как и мне. Мари-Клер все эти разговоры только забавляли, хотя потом она сокрушалась по поводу «женской доли». Разумеется, ей не по нраву была тяжелая жизнь индейской женщины, которой приходится без конца сидеть у огня и стряпать. На ночь мы повесили свои гамаки в хижине Пабло Канче, где оставались его трое детей и жена, и уже собрались ложиться, как вдруг в хижину вошли две старые женщины (одна из них оказалась тещей Канче). Они принесли в подарок Мари-Клер свежие яйца, которые мы передали миссис Канче.

На следующий день у индейцев был религиозный праздник. Мы с Мари-Клер присутствовали на церемонии в служившей храмом маленькой хижине. Когда своеобразный ритуал был закончен, нам полагалось выпить по огромной чаше освященного напитка атоле. Положение мое было не из легких, потому что из опасения обидеть тестя Бенансио (жреца) я должен был выпить на глазах у всех индейцев не только собственный калекас с тепловатой клейкой жидкостью, но еще и помочь Мари-Клер управиться с ее порцией.

На следующий день мы отправились на мильпу Канче. Путь наш был довольно долгим. Изнывая от жары, мы кружили между стволами высоких деревьев, шагая по узкой тропинке среди сплетений лиан, пальм, папоротников, мхов. Наконец слышались удары мачете, и мы вышли к мильпе. Канче и еще трое мужчин рубили громадные деревья и кустарник. Каждый ствол срубался примерно в четырех футах от основания, а вся

масса поваленных деревьев поднималась футов на шесть от земли. Все это потом останется сохнуть на солнце до тех пор, пока по традиционному календарю мая не настанет время поджигать высохшую массу.

Канче пробирался к нам сквозь массу перепутанных ветвей. Он встретил меня с восторгом ребенка, глаза его светились радостью. Как и все на побережье, Канче не забыл моего первого приезда, но, конечно, совсем не ожидал, что я когда-нибудь вернусь. Мы обменивались с ним последними новостями на ломаном испанском языке. Со времени моего отъезда ничего особенного тут не произошло, только вот эпидемия свинки, о чем мы уже знали, принесла на побережье немало бед. Канче повел нас в обход мильпы к хижине без стен — пальмовому навесу на краю сенота, где я уже провел когда-то ночь.

Странный идол с длинной шеей и головой без волос, который, по убеждению Канче, защищал урожай и оберегал его семью, пока он работал на мильпе, все еще стоял около сенота. В прошлом году урожай был отличный, и теперь Канче с гордостью показывал мне высушенные початки кукурузы, хранящиеся под крышей хижины.

Пока я доставал нож, привезенный в подарок Канче, и рассказывал о своих дальнейших планах, Бенансио, совсем не уставший после долгой дороги, ушел с ружьем в джунгли. Вскоре он вернулся с парой крупных чачалак. Их тут же изрубили на мелкие куски и приготовили, по индейскому обычаю, в соке стручкового перца и разных трав. Так как женщин на мильпе не было, из дому сюда принесли целую грудку лепешек. Нанизанные на хенекеновую веревку, словно покоробленные граммофонные пластинки, они висели на одной из поперечных балок крыши.

Когда стемнело, над сенотом закружился рой комаров. Мы все сгрудились у костра, стараясь

подставить лицо под клубы дыма. Картина была просто фантастическая: освещенные пламенем костра столбы дыма и видневшиеся сквозь них темные лица индейцев рядом с белокурой Мари-Клер.

К сожалению, быть нашим проводником Канче не мог, так как заболел его тесть и некому было отнести жене и детям мешок кукурузы, хранившейся здесь, на мильпе. Канче попросил Бенансио проводить нас до Чунйашче к его другу, индейцу по имени Пабло Коба-Кама, который жил рядом с развалинами. Уговаривать Канче было бесполезно. Еще раз я понял, что никакими силами нельзя заставить индейца майя изменить своему основному долгу — добывать для детей хлеб насущный. Идти в Чунйашче мы решили на следующий день, надеясь, что там нам повезет.

Пришли мы туда уже затемно. Нас встретил лай собак. Весь поселок был погружен во тьму, и только в трех хижинах сквозь щели в стенах светился огонь. На условный крик Бенансио из нескольких хижин донесся ответ. Мы направились к одной из них и за каменной оградой двора увидели круглолицего индейца с довольно неприятным, апатичным лицом. Это был Коба-Кама. Они с Бенансио обменялись несколькими фразами. В это время из хижины вышла очень красивая маленькая женщина, жена Камы, и с нею двое детей — мальчик шести лет и девочка пяти. Бенансио сообщил нам, что с ночлегом все в порядке, гамаки можно вешать в хижине Камы или, если мы хотим, в другой хижине без стен, которая стоит внутри каменной ограды у дома Камы. Именно в той хижине мы и повесили свои гамаки. А на следующий день увидели, что это была деревенская церковь! Открытая хижина с алтарем, на котором стояло три креста Чан-Санта-Круса.

Рано утром Бенансио пришел попрощаться с нами и, несмотря на все уговоры, отказался взять какую бы то

ни было плату за свои услуги. Уходя, он дал мне три самодельных патрона, чтобы Кама мог подстрелить какую-нибудь дичь нам для еды. Я просто не знал, чем ему отплатить за это, и, пока до меня дошло, насколько щедрым был его подарок, Бенансио уже удалялся по тропинке, ведущей в Тулум.

После его ухода мы почувствовали себя одинокими и заброшенными.

— Я уверена, что Кама — плохой человек, мне не нравится его лицо, — сказала Мари-Клер.

По правде говоря, мне тоже не нравилось его лицо, но, к счастью, опасения наши не оправдались. Правда, Кама был человек необщительный и, пожалуй, ленивый, он никогда не улыбался, и каждую минуту можно было ожидать, что его вот-вот охватит приступ ярости. Однако этого никогда не случалось, и вообще Кама оказался вовсе не плохим человеком, хотя нам нелегко было уговорить его помочь нам в нашем главном деле — археологическом исследовании местности.

Насколько Кама был суров и неприветлив, настолько его жена привлекательна и ласкова. У нее была осанка египетской царицы, а манеры отличались сдержанностью и изяществом. Мари-Клер, у которой, как у всякой женщины, был более наметанный, чем у меня, глаз, определила, что миссис Кама меняет платья четыре раза в день. Поэтому она и выглядит всегда безукоризненно, хотя возится целыми днями со всякой грязной работой. Дети ее тоже часто меняют одежду и содержатся в полном порядке. Девочка носит точно такие же упили, как и мать, — белые, с яркой вышивкой на подоле и у горла.

В общем миссис Кама во многих отношениях не соответствовала окружавшей ее примитивной обстановке. Элегантная, подтянутая, она была похожа на аристократку в изгнании, вынужденную жить в убогой хижине и проводить почти весь день у дымного

очага. Каждое утро миссис Кама стирала белье в деревянном корыте и развешивала на хенекеновой веревке. Оно развевалось, словно белые вышитые знамена, мало чем отличаясь от белья любой семьи из «цивилизованного» мира. Глядя на миссис Каму, нельзя было не вспомнить, что индейцы майя были древним цивилизованным народом, наследниками самой высокой культуры Нового Света.

В деревушке Чунйашче жило всего три семьи. Хижины их стояли на поляне среди апельсиновых деревьев. На ветках висели оранжевые плоды, и мы набросились на них, как голодные звери. Апельсины были довольно горькие, но нам они казались восхитительными после повседневных бобов и лепешек. Не успели мы еще как следует распробовать апельсины, как к нам подбежал Коба-Кама и заставил выбросить их. На ломаном испанском языке и с помощью жестов он объяснил, что апельсины сделают Мари-Клер бесплодной и что их едят только свиньи. Как мы ни старались доказать, что это ерунда, нам все же не удалось разубедить индейцев, и они всякий раз поражались, видя, как мы поедаем фрукты, которые какая-то вздорная легенда сделала для них табу. Как нелепы порой бывают обычаи и предрассудки! По их милости население может лишиться пищи и витаминов, в которых оно так нуждается.

К востоку от поляны начинались густые мангровые заросли, окаймлявшие лагуну Чунйашче. К берегам этой огромной лагуны с песчаными отмелями и островами мангров, среди которых возвышались отдельные пальмы с изодранными ветром листьями, шла маленькая узкая тропинка. Выбраться из джунглей на берег лагуны — все равно что выйти из погреба в знойную пустыню. К сожалению, у самых берегов были зыбучие пески, так что подходить к лагуне надо было по подгнившим бревнам. Они протягивались и —

дальше, над водой, образуя небольшую шаткую пристань, где лежали две маленькие долбленки.

После целого дня утомительной ходьбы по джунглям мы с Мари-Клер нередко приходили на пристань и отдыхали здесь, глядя на пустынные серые волны лагуны, где некогда развевались паруса огромных лодок древних майя, лодок, поднимавших до сорока человек и беспрестанно курсировавших у побережья Кинтана-Роо между исчезнувшими теперь городами. Иногда слышался всплеск воды и на поверхности лагуны показывался вдруг крупный тарпон, или же в небо взмывали фламинго, превращаясь постепенно в черные точки. Должно быть, именно сюда приходили искать вдохновения поэты древних майя.

При дневном свете мы могли как следует рассмотреть хижину, где висели наши гамаки. Она была без стен, ее окружал лишь невысокий частокот, чтобы сюда со двора Камы не заходили куры и свиньи. В одном ее конце стоял грубо сколоченный стол с тремя крестами — алтарь богов Чан-Санта-Круса. Здесь раз в году останавливалась процессия на пути из Чумпома в Тулум.

Прямо позади дома Камы сквозь кроны деревьев виднелась большая пирамида, которую я осматривал во время первого путешествия. Эту пирамиду открыла экспедиция Мейзона — Спиндена в 1926 году, а в тридцатых годах ее видел с воздуха Чарлз Линдберг. От Коба-Камы я узнал, что со времени моего отъезда сюда не раз наведывались иностранцы из кемпинга рыболовов у Бока-де-Пайла. Это известие меня немного огорчило, так как я считал руины в некотором роде своей собственностью.

С 1926 года, со времени экспедиции Герберта Спиндена, здесь не побывал ни один археолог, так что я счел своим долгом сделать точные обмеры храмов и

других строений. Это казалось мне делом совсем нетрудным, так как в первый приезд я заметил здесь всего с полдюжины построек. Однако тогда я просто не подозревал, так же как и те, кто был тут после меня, что могут скрывать здешние джунгли. Чунйашче превзошел мои самые смелые мечты. Когда десять дней спустя мы уходили отсюда, нами было открыто не меньше ста восьми храмов, пирамид, насыпей, дворцов. Все эти постройки скрывались в джунглях целые века. По всей вероятности, Чунйашче был крупнейшим городом Кинтана-Роо, древним центром приморской культуры майя. По размерам он значительно превосходил Тулум. Город раскинулся на многие мили вокруг высокой пирамиды, которую видел с самолета Линдберг.

Вместе с Мари-Клер и Коба-Камой я целых десять дней прочесывал джунгли, возвращаясь каждый вечер с новыми планами построек, которые нам с трудом удавалось обнаружить среди густой листвы. Даже Коба-Каму, всю жизнь прожившего в Чунйашче, поразило количество открытых нами зданий. Он и не подозревал, что живет на территории огромного города.

Поиски наши были нелегкими, так как вокруг лагуны был очень сырой, густой и высокий лес. Лианы сплошь оплетали гигантские сейбы, огромные веерные пальмы и множество других деревьев разной высоты, от сравнительно небольшой саподиллы до исполинской краснокорой смоковницы. Густой подлесок представлял собой сплошную смесь кустарников и огромных папоротников. Говорят, густота джунглей определяется «на футы». Например, в «десятифутовых» джунглях нельзя заметить даже очень крупный предмет на расстоянии больше десяти футов. Джунгли вокруг Чунйашче были «четыреxfутовые», они казались непроницаемым занавесом, разрисованным кистью Гогена. Часто, находясь в нескольких ярдах от крупного

храма или пирамиды, мы даже не подозревали о их существовании.

Обмер я начал с высокой пирамиды, которую видел Линдберг и участники экспедиции Мейзона — Спиндена. Она достигала в высоту шестидесяти двух футов, поднимаясь на пятьдесят четыре фута над гигантской платформой. Разглядывая фотографии этой пирамиды, сделанные Грегором Мейзоном тридцать пять лет назад, мы сначала просто не могли ее узнать, так как с тех пор совершенно разрушились стены храма на ее вершине. Я снова обозревал с пирамиды лагуны и джунгли, но деревья стояли здесь настолько плотно, что даже с такой высоты нельзя было разглядеть ни одной постройки.

Исследуя основание пирамиды в поисках обломков скульптур, мы сделали свое первое открытие. Гигантская платформа, на которой возвели эту пирамиду, тянулась на пятьдесят ярдов к югу от основания крутой лестницы, ведущей к вершине пирамиды. Продвигаясь вдоль края платформы, мы тщательно ее измерили, а затем приступили к осмотру всей ее поверхности. Там, к нашему изумлению, среди густой зелени стояли шесть маленьких прямоугольных строений вроде часовен. Стены их были совсем глухими, и только с одной стороны виднелся низкий дверной проем. Едва ли в таких маленьких постройках мог поместиться человек, скорее всего они были предназначены для идолов. Хотя часовни располагались совсем неподалеку друг от друга, а также и от главной пирамиды, растительность кругом была такая густая, что ни от одной часовни нельзя было разглядеть ни пирамиду, ни любые другие строения на платформе. Поиски развалин похожи на игру в жмурки с мачете в вытянутой руке, и часто именно скрежет металла о камень прежде всего возвещает о том, что перед вами какая-то постройка.

С западной стороны платформа заканчивалась гигантскими ступенями, напоминающими каменные скамьи древнего амфитеатра. Под прямым углом к ним примыкали такие же ряды ступеней, а дальше тянулась стена.

Сразу же за пирамидой мы обнаружили насыпь высотой в четыре фута и шириной в шесть. Она шла через джунгли на многие сотни ярдов. Должно быть, это была сак-бе (дорога древних майя). На Юкатане майя прокладывали много таких дорог, в сущности представлявших собой пешеходную тропу, так как животных для упряжи у майя не было. Видимо, эта сак-бе вела к Тулуму. Может быть, в древности дороги связывали все города и поселки некогда плотно населенного восточного побережья Юкатана.

Так же как у инков в Перу и у древних римлян, дорожная система майя считается одной из лучших в мире. Города внутреннего Юкатана — Ушмаль, Кабах, Сайиль — были связаны между собой сетью сак-бе. Следов же дорог, идущих вдоль берега Кинтана-Роо, мне еще ни разу не удалось заметить. Скорее всего майя предпочитали более удобную морскую связь.

К западу от главной пирамиды нам встретилось еще несколько обширных платформ, сложенных из крупных, хорошо пригнанных друг к другу каменных глыб. На каждой платформе мы нашли такие же маленькие строения, как и на первой. На самой крупной платформе возвышался «розовый дворец» — прямоугольное здание с розовой штукатуркой, которое я видел во время первого путешествия и которое Грегори Мейзон назвал Эль-Сентро (центр).

«Розовый дворец» стоял на конце заросшей высокими деревьями прямоугольной платформы высотой двенадцать футов. Подняться на нее можно было по огромной лестнице. Вход во дворец обрамляли колонны, внутри было три небольших комнаты, а вокруг

галерея. Коба-Кама обратил наше внимание на провал в ступенях платформы. Я зажег спичку и поднес ее к отверстию. В глубине отверстие расширилось, и я готов был спуститься туда, однако Кама крикнул, чтобы я этого не делал, ведь там может быть полно змей. С минуту я колебался, а потом все же стал осторожно спускаться. Некоторое время мои ноги болтались в воздухе, но вскоре коснулись земли. Я стоял в непроглядной тьме, пока мне не удалось наконец зажечь еще одну спичку. Бледное пламя осветило низкий узкий коридор с типичным сводом майя. Он тянулся под платформой, теряясь в темноте. Когда спичка стала гаснуть, я заметил, как что-то прошмыгнуло по стене, а потом сверху донесся голос Мари-Клер, умолявшей меня вылезать обратно. Упираясь коленями в стенки коридора, я выбрался через узкое отверстие наружу и снова оказался в зеленом полумраке леса.

В книге «Серебряные города Юкатана» Грегори Мейзон рассказывает, как участники экспедиции осматривали дворец внутри, и сообщает, что в 1926 году он служил местом тайных встреч индейцев Чан-Санта-Круса. Теперь нам с Мари-Клер хотелось лучше исследовать дворец, но с утра мы уже порядком устали, поэтому решили отложить осмотр на вторую половину дня.

Уже собираясь уходить домой, я увидел с платформы огромную полукруглую стену, сильно разрушенную и покрытую мхом. Мы сделали крюк, чтобы пройти мимо нее, однако не стали там задерживаться, а поспешили сразу домой. Нам уже давно было ясно, что среди развалин Чунйашче мы можем открыть всякие чудеса.

После обеда, когда мы вернулись к «розовому дворцу», я, несмотря на предостережения Коба-Камы, снова полез под лестницу, прихватив с собой сухие

листья веерной пальмы, чтобы использовать их вместо факелов. Очутившись в темноте, я зажег лист, и желтое пламя осветило длинный узкий туннель, уходящий прямо под платформу. По стенам ползали огромные жуки величиной не меньше краба. Из глубины туннеля доносились странные резкие звуки. Сначала я решил, что это гремучие змеи, и, пока раздумывал, как мне действовать, факел погас и что-то коснулось моей руки. Я чуть не умер от страха, но потом догадался, что это Мари-Клер спустилась следом за мной с дополнительным запасом пальмовых листьев. Мы снова зажгли факел и сквозь дым стали медленно продвигаться вдоль туннеля. Он казался бесконечным и как будто только что построенным. Гладкие и совершенно сухие стены и свод были сложены светлым розовато-желтым камнем, казавшимся еще более ярким в красном пламени наших факелов. Почти задохаясь от дыма, наполнявшего туннель, мы вышли наконец в просторный зал. Он был тоже очень сухой, с гладким, как и в туннеле, полом, совершенно чистым, если не считать остатков гнезда шершней. Пронзительные звуки стали еще громче, но тут мы поняли, что это всего лишь крики летучих мышей, во множестве висевших под потолком. Теперь они лихорадочно метались у нас над головой, освещенные призрачным светом факелов. Мы зажгли еще один пучок листьев. Длинная прямоугольная комната, где мы стояли, сообщалась с тремя другими. Видимо, мы находились в подземном дворце.

Все было как в странном сновидении. Оранжевые отблески пламени падали на голые стены дворца, и мы медленно двигались в клубах дыма. Помещение было совершенно глухим, свежий воздух сюда не поступал, и дым становился все гуще и гуще. Опасаясь змей, мы направили свет факелов на пол и осторожно вошли в другую комнату. Наше появление испугнуло летучих

мышей, в дикой панике они бросались от стены к стене, то и дело задевая меня и Мари-Клер.

Дым становился невыносимым, пришлось возвращаться обратно. Снаружи все оставалось по-прежнему, Коба-Кама сидел на том же самом месте, где мы его оставили. Все только что виденное под землей показалось нам нереальным. Трудно было представить, что под деревьями, растущими на платформе, скрывается великолепно сохранившийся подземный дворец. Мы попросили Коба-Каму собрать побольше пальмовых листьев, а сами сели передохнуть, собираясь возвращаться в удушливое подземелье.

В тот день мы три раза проходили подземным коридором и в свете пальмовых факелов детально исследовали стены и пол внутренних помещений. Очевидно, Этот подземный дворец был сначала построен как обычное здание и только позднее его заложили землей и каменными плитами, как это часто делалось у древних майя. Над ним была возведена высокая платформа, и наверху появился второй дворец. Впоследствии под платформой был сделан проход к внутренней постройке. Почему майя замуровывали такие здания, никто не знает. В Чичен-Ице подобным же образом построена большая пирамида вокруг маленькой. Внутренняя постройка всегда отличается хорошей сохранностью, поэтому трудно понять, почему ее понадобилось застраивать сверху.

В каждой комнате подземного дворца в Чунйашче у одной из стен некогда возвышался небольшой алтарь, но, к нашему разочарованию, кто-то побывал здесь до нас и раскопал эти алтари, видимо в поисках нефритовых украшений или глиняных идолов.

Над дверным проемом одной из комнат на белой штукатурке мы увидели изображение змеи зеленоватого цвета. Больше никаких фресок тут не было, хотя вполне возможно, что верхний слой

штукатурки скрывал другие слои, среди которых были и расписанные фресками. Чтобы это установить, потребовался бы труд опытного специалиста, умеющего осторожно счищать слой за слоем.

Осмотрев подземный дворец, мы принялись уничтожать растительность на платформе и, к своему удивлению, обнаружили квадратную жертвенную площадку, а за ней маленький храм. Продолжая поиски, мы вскоре увидели, что «розовый дворец» был лишь одной среди десятка построек, обнесенных высокой толстой стеной. На огромной платформе помимо «розового дворца» была также высокая узкая пирамида и остатки другого, еще более крупного дворца с узкими длинными коридорами и множеством небольших квадратных комнат. Все эти постройки были совсем разрушены, но по остаткам стен еще можно было определить планировку внутренних помещений. Второй дворец и остальные сооружения были связаны часовнями и более крупными прямоугольными постройками, многие из которых оставались все еще в прекрасном состоянии. С каждым ударом мачете мы открывали все новые здания и просто не знали, с чего начинать осмотр.

После заката солнца надо было возвращаться к неизменным безвкусным бобам и тортильям, нашей единственной пище в течение десяти дней, если не считать горьких апельсинов.

На другое утро мы снова вернулись на то же место. Исследовать всю группу этих развалин оказалось нелегко. Приходилось останавливаться на каждом шагу и пускать в ход мачете. Разумеется, с ног до головы мы были усеяны клещами. Их было так много, что нам пришлось заставить себя преодолеть отвращение и не трогать этих насекомых, впившихся нам в кожу. Только к вечеру мы избавлялись от них.

К концу третьего дня мы еще не вполне представляли, что ждет нас в Чунйашче. Подземный дворец (или храм) и обширная группа построек вокруг него были только началом наших открытий. Даже оказавшись вдруг на луне, мы не могли бы почувствовать большего волнения. Теперь нам за каждым деревом чудилось здание. Так оно почти и было. Мы решили провести систематическое обследование района и начали расчистку и обмер сооружений вокруг «розового дворца».

Постройки, вероятно, относились к периоду Майяпан. Все они были сложены из грубо отесанных камней, скрепленных известковым раствором. Действуя одним лишь мачете, трудно было уничтожить все лианы и корни, чтобы как следует рассмотреть общие контуры зданий. В некоторых местах стены были разорваны гигантскими деревьями, сумевшими пробиться сквозь каменную кладку. Кое-где камни настолько перемешались с корнями, что нелегко было отличить, где кончается растительность и начинаются стены зданий. Немало камней было унесено вверх в переплетениях лиан. Однако, несмотря на такое буйство растительности, многие здания все же не потеряли своей первоначальной формы и противостояли нашествию джунглей.

Удивительное чувство благоговейного трепета овладевало нами, когда мы открывали один за другим проходы и маленькие комнаты во втором дворце. Когда-то по ним проходили верховные жрецы и повелители Майялуума. Здесь, среди платформ и пирамид, правили предки Канче и Коба-Камы. Здесь пребывали боги четырех стран света, загадочный Чак-Мооль и свирепые боги дождя. Здесь жили также ученые математики, чье искусство до сих пор вызывает удивление.

Кое-где на штукатурке остались следы фресок, некогда оживлявших рухнувшие теперь и покрытые

мхом стены. Осторожно пробираясь среди развалин, мы мысленно представляли себе очертания раскинувшегося перед нами города, и нам невольно казалось, что от древних майя нас отделяет не так уж много времени. Ведь с тех пор никто не проходил через пустынные дворы этого дворца. Только крик чачалаки изредка напоминал нам, что мы не в мире духов. Шелест влажных листьев да треск сухих веток были единственными звуками, сопровождавшими наше продвижение сквозь заросли, постепенно открывавшие нам большой город, который они прятали целые столетия.

Завершая перепись построек в пределах ограды, начинавшейся от «розового дворца», мы случайно отошли немного к западу, в глубь джунглей, и наткнулись на остатки стены. В одном месте в ней была целая серия ниш, окруженных крупными камнями, поставленными вертикально наподобие стел. Всю первую половину следующего дня мы провели около этой находки, очищая ее от растительности. Стена оказалась крылом огромного здания, воздвигнутого на гигантской платформе странных очертаний. На ней было еще много других построек и остатки замысловатых стен. К полудню, совершенно вымотанные, мы вернулись домой, к неизменным бобам миссис Коба-Камы.

Изнурительные походы в джунгли, где было несметное множество клещей и комаров, совсем не нравились Коба-Каме. Каждый раз его приходилось долго упрашивать, чтобы он снова пошел с нами. Хотя раньше Кама никогда не видел сооружений, которые мы наносили теперь на карту и которые он пренебрежительно называл «кучей камней», его помощь была для нас неоценимой. Не будь с нами Коба-Камы, мы заблудились бы в джунглях через сотню футов. Нас всегда изумляло, что Кама, прокружив

целый день по джунглям, каждый раз безошибочно находил дорогу домой, тогда как мне казалось, что мы идем в обратную сторону. Коба-Кама был незаменим и при расчистке построек. Двумя ударами мачете он мог сделать гораздо больше, чем я двадцатью. Опытным глазом он всегда умел выбрать нужную лиану, чтобы одним ударом отсечь все переплетение, или сквозь густую листву разглядеть, какую именно ветку надо рубить и где может зацепиться или неожиданно соскользнуть его мачете.

Каждый вечер, возвращаясь из джунглей, мы с Коба-Камой часами вытаскивали из-под кожи клещей, отбиваясь в то же время от полчищ комаров. Даже пиявки в Гималаях не досаждали мне так, как эти крохотные насекомые, запускаявшие свою твердую головку глубоко под кожу. Пока мы вынимали клещей у хижины, Мари-Клер и жена Камы уходили на берег лагуны, где ветер разгонял комаров, и там миссис Кама своими ловкими пальцами помогала Мари-Клер избавиться от впившихся в нее насекомых. На пятый день нашего пребывания в Чунйашче Мари-Клер была так искутана, что у нее воспалилась вся кожа. Никакие средства не могли помешать мириадам насекомых набрасываться на нас во время вылазок в джунгли.

К югу от главной пирамиды мы отыскивали еще одну группу построек. Там на высоких платформах стояли здания вроде дворцов с широкими дверными проемами, которые поддерживались круглыми колоннами. Кроме того, там возвышалась земляная насыпь в форме подковы с четырьмя толстостенными зданиями и целый ряд маленьких пирамид и других построек, занимавших все пространство между поселком Коба-Камы и самым дальним дворцом за большими камнями в виде стел.

Мы тщательно исследовали величественный двор между пятью пирамидами, которые я видел в свое первое путешествие. Неподалеку от них находилось

самое удивительное сооружение из всего архитектурного комплекса Чунйашче: маленький храм, окруженный полукольцом небольших пирамид с крутыми лестницами, сбегавшими к храму наподобие амфитеатра.

В том же районе мы нашли остатки многих более мелких зданий и ритуальных площадок. А к северу от них нам встретились хорошо сохранившиеся насыпи, где были возведены здания, окруженные обычными маленькими часовнями. Нам теперь помогали еще трое индейцев из поселка Чунйашче, так что мы могли охватить обширный район и открыть несколько групп зданий в стороне от главного центра древнего города.

С каждым днем, по мере того как среди зарослей нам открывались все новые земляные холмы и остатки построек, наш энтузиазм возрастал. По вечерам мы подводили итоги дневных исследований и бывали немало разочарованы, если число вновь открытых строений не превышало шести. Отрезанные от всего человечества, мы жили теперь в своем собственном мире, мире волнующих открытий.

Сначала мы старательно обмеряли каждый храм, каждую пирамиду, но потом это стало просто невыносимо. Какая грандиозная работа ожидает тех, кто захочет основательно изучить и обмерить все здания! Нам же теперь приходилось ограничиться самым общим обследованием. Чунйашче был просто сном археолога, и мы частенько видели себя как бы в приятном ночном кошмаре среди клещей и обвитых лианами странных дверных проемов, за которыми нас ожидали летучие мыши и рои шершней.

Теперь мы уже определенно могли сказать, что Чунйашче был гораздо более крупным городом, чем представляли себе Спинден и Мейзон. Количество развалин превосходило самые дерзкие наши мечты. Мейзон заявлял, что он не смог сосчитать всех

земляных холмов, мы же теперь встретили столько храмов, платформ и дворцов, что были не в состоянии нанести их точно на карту.

Сначала нам с Мари-Клер нравилось давать имена вновь открытым строениям, но потом их пришлось обозначать просто цифрами. Карты наши все разрастались, их надо было чертить заново и оставлять место для новых объектов, прибавлявшихся с каждым днем.

Нам не хватало времени, чтобы разыскивать идолов и даже архитектурные детали. Обломки скульптур могли валяться тысячами у стен развалин, но у нас не было сил разрывать мох или переворачивать бесчисленные камни, рассеянные повсюду вокруг Чунйашче.

На десятый день мы начали исследовать прибрежный участок лагуны, покрытый манграми или высокой травой, и вскоре наткнулись на еще крепкое прямоугольное строение с полуобвалившейся крышей и мощными колоннами в дверных проемах. На стенах внутри храма сохранилось множество следов фресок, покрывавших разные слои штукатурки. Перевернув наугад какой-то камень, я заметил на нем резьбу и стал очищать его от мха и земли. Вскоре я с удивлением смотрел в блеклые выпуклые глаза большой головы странного идола — самой прекрасной скульптуры, найденной мной на побережье. Идол достигал трех футов в высоту и фута в ширину и был слишком тяжел, чтобы его можно было взять с собой, поэтому мы устроили для него укрытие под большими каменными глыбами. Только после этой находки Коба-Кама стал проявлять интерес к руинам. Идол подтверждал наши рассказы о древних майя, и теперь индеец с воодушевлением помогал нам раскапывать черепки и искать новые постройки.

В полумиле от поселка нам встретила пирамида десятифутовой высоты с тремя часовенками на вершине. Мы только было принялись разыскивать вокруг нее черепки, как вдруг из-под руки Коба-Камы выскочил огромный тарантул, а Мари-Клер, которая после трех недель постоянного страха перестала наконец думать о змеях, наступила на какое-то бревно, и из-под него неожиданно выскользнула ядовитая коралловая змея. Все это заставило нас действовать немного осторожнее.

Казалось, древнему городу не будет конца, и мы должны были признать, что одним нам со всеми находками не справиться. А сколько еще новых открытий ожидает нас здесь!

На десятый день кончилась фотопленка. К тому времени мы уже стали ощущать последствия климата и однообразного питания. К клещам и комарам добавились еще и блохи, которых было видимо-невидимо в хижине, где мы спали. Особенно страдала от укусов Мари-Клер, целыми ночами не смыкавшая глаз от страшного зуда. Однако дух ее вовсе не был сломлен, она ни за что не соглашалась отпускать меня в джунгли одного. За все это время наша скудная диета из бобов была нарушена только один раз, когда Кама подстрелил большого черного фазана.

Еще в начале нашего пребывания здесь мы договорились с рыболовами из кемпинга Бока-де-Пайла, что они подбросят нас на своей плоскодонке к дальнему берегу лагуны Чунйашче. Однако прошло уже три дня после назначенного срока, а у нас никто не появлялся. Мы опасались, что судно, курсирующее между Косумелем и Бока-де-Пайла, не может пробиться через рифы. У Коба-Камы была долбленая лодка, но такая маленькая, что втроем в ней, конечно, не уместиться. Мы с Мари-Клер были уже слишком измучены, чтобы отважиться пройти пешком пятьдесят пять миль через

джунгли обратно к Танкаху. И вдруг Коба-Кама предложил нам свою помощь.

— Я сделаю лодку побольше, — сказал он.

Мы с радостью услышали, что на сооружение лодки потребуется всего четыре дня с того момента, как будет срублено дерево. Но к сожалению, пришлось отказаться от этого заманчивого предложения, потому что для спуска на воду лодки весом в несколько тысяч фунтов понадобилось бы не меньше десятка мужчин. Было решено идти до Танкаха пешком.

Вечером накануне ухода мы просмотрели свои карты и насчитали там сто восемь построек, среди них двенадцать пирамид, пять больших дворцов, девять храмов (одно- и двухкомнатные здания, почти все с колоннами у входа), дюжина платформ, больше двадцати маленьких часовен хорошей сохранности, множество земляных насыпей и с полдюжины развалившихся зданий, где еще вполне отчетливо был виден план расположения комнат.

В целом Чунйашче занимал почти квадратную милю. И большинство всех зданий были открыты тут нами впервые! Подумать только, какой большой город был затерян и забыт целых четыреста лет. Объяснить это можно лишь густотой джунглей. В свой первый приезд я даже не подозревал о существовании такого количества развалин в Чунйашче. Все, кто там был до меня, видели среди густых зарослей всего двенадцать построек да еще разные насыпи. Не исключена возможность, что джунгли на побережье Кинтана-Роо скрывают десятки других крупных городов.

Если учесть, что большинство открытых нами развалин были культовыми или административными зданиями и что когда-то здесь были еще тысячи исчезнувших теперь деревянных хижин, где жили более бедные люди, то можно себе представить, сколько народу населяло город в древние времена.

Чунйашче относится, вероятно, к периоду Майяпан, он процветал между тринадцатым и пятнадцатым веками нашей эры. Трудно сказать, почему о нем совсем не упоминается в старинных испанских хрониках или в более поздних обзорах, вплоть до 1926 года. Может быть, как и большинство городов майя, Чунйашче был заброшен по каким-то неизвестным причинам еще до прихода испанских завоевателей и с тех пор свободолюбивые индейцы упорно скрывали его местонахождение. Их потомки и сейчас еще почитают это место как святыню.

И вот мы покидаем Чунйашче. Направляясь к Танкаху по тропинкам в джунглях, мы шагали как бы через столетия. Скоро Чунйашче стал уже казаться нам неправдоподобным сном из далекого прошлого, сном, который мы никогда не забудем. Только наши карты и фотографии будут свидетельствовать, что город существует на самом деле.

Много нерешенных загадок оставили мы в Чунйашче, хотя теперь у нас нет сомнений, что это был самый крупный город на побережье Кинтана-Роо. Понадобится очень много труда, пока исследователи вырвут у цепких лиан все тайны этого давным-давно потерянного города.

Настанет время, когда в Кинтана-Роо придут наконец археологи и досконально изучат открытые мною храмы, дворцы, пирамиды, часовни. Но до тех пор все эти постройки будут оставаться как бы моей собственностью, а Кинтана-Роо загадочной землей последних независимых майя.

К сожалению, в Кинтана-Роо происходят слишком быстрые перемены. Распространение цивилизации намного ускорит исчезновение последних «мятежных индейцев» и положит, таким образом, предел долгой истории майя, которые столько веков оставались хозяевами джунглей Юкатана. Придет день, когда

только чачалака будет взывать здесь к божествам Востока, Запада, Севера и Юга — божествам четырех стран света, что властвуют над лагунами, над бескрайними джунглями, над выжженными солнцем песчаными берегами Кинтана-Роо.

Послесловие

Юности свойственна тяга к романтике и жажда познания неизвестного; самопожертвование и стремление к подвигу — одно из характернейших и самых драгоценных ее свойств. Этим качествам обязана своим появлением в свет и лежащая сейчас перед читателем книга.

Стремление к неизведанному, желание увидеть своими глазами то, о чем рассказывают или пишут другие, — вот что побудило молодого французского студента, проходившего деловую практику в банковских учреждениях Нью-Йорка, оставить все удобства и развлечения большого города, затеряться в зеленом океане джунглей и часами шагать под палящим солнцем или с риском для жизни пробираться по болотам. Для такого решения необходима как увлеченность идеей, так и сила воли. И автор книги «Затерянный мир Кинтана-Роо» доказал делом, что он обладает и тем и другим.

Мексиканские Соединенные Штаты, как официально называется это государство, или Мексика, как мы чаще

говорим, — одна из крупнейших стран Американского континента. По численности населения она уступает только США и Бразилии, а по размерам территории — США, Канаде, Бразилии и Аргентине. Площадь ее охватывает около двух миллионов квадратных километров. Сложное строение поверхности, близость к тропику, положение между двумя океанами — Тихим и Атлантическим — обусловили необычайное разнообразие ее природных и климатических условий. Субтропическая и тропическая растительность в одних районах и выжженные солнцем пустыни в других, покрытые вечными снегами горные цепи и непроходимые болота — все это одинаково характерно для Мексики. Но богатство природы не всегда является только положительным фактором, иногда именно оно ставит серьезные препятствия перед исследователем. В книге Песселя имеется немало тому примеров, потому что район его путешествия крайне своеобразен по природным условиям даже среди других областей Мексики.

Федеральная территория Кинтана-Роо, расположенная в северо-восточной части полуострова Юкатан, имеет площадь около 51 тыс. кв. км. Это без преувеличения наименее исследованный район Мексики. После «войны рас», о которой достаточно подробно рассказывается в книге, он надолго погрузился в забвение. Этнографы и археологи, изучавшие древнее прошлое и современную жизнь народа майя — исконных жителей этой области, бывали здесь лишь от случая к случаю и только в прибрежной полосе. Поэтому все основные сведения о Кинтана-Роо приходилось черпать только из рассказов сборщиков чикле — смолы, идущей на изготовление жевательной резинки. Лишь в последние годы такое положение вещей несколько изменилось. И в этом изменении

сыграло определенную роль путешествие, предпринятое отважным французским студентом.

Мишель Пессель — хороший рассказчик. Читая его книгу, видишь перед собой и слепящий песок побережья, и тихие, окруженные зеленью лагуны, и страшные болота, и древние храмы. Он наблюдателен, и его описания жизни на кокосовых плантациях или в индейских деревнях и совершаемых там полукатолических-полуязыческих ритуалов принесут определенную пользу и специалисту-этнографу. О перенесенных им трудностях и частичных неудачах молодой автор повествует с драгоценным чувством юмора, как, например, о своей первой встрече с индейцами по дороге в Паленке или при упоминании о каторжниках Теапы. Подкупает читателя и та искренняя симпатия, с которой Пессель относится к коренным жителям Кинтана-Роо. Его возмущают богатые бездельники, ищущие развлечений у берегов Кинтана-Роо, он глубоко сочувствует индейцам, тяжело страдающим от эпидемии свинки и лишенным всякой медицинской помощи в непосредственной близости от цивилизованного мира. Об этом не мог написать человек равнодушный, с холодным сердцем.

Мексика — страна древней культуры, история которой прослеживается более чем за 4000 лет, и поэтому она подлинная сокровищница для археологов. Достаточно упомянуть, что на археологической карте страны теперь насчитывается около одиннадцати тысяч названий древних поселений. Не удивительно поэтому, что даже при прокладке метро, осуществляемой сейчас в мексиканской столице, которая стоит на развалинах ацтекского Теночтитлана, то и дело приходится приостанавливать работу. Проходчики натываются на захоронения и остатки древних зданий, и тогда их сменяют археологи. Однако именно из-за такого обилия материала различные районы Мексики изучены

совершенно по-разному. И среди наименее изученных в археологическом отношении, пожалуй, на первом месте опять-таки стоит территория Кинтана-Роо.

О вкладе, который внес Пессель в эту область науки, думается, говорить много не приходится. Даже по мексиканским масштабам он выглядит просто фантастично. Обнаружить за короткий срок одному человеку четырнадцать древнемайяских городов еще никогда не удавалось. Читая строки Песселя, посвященные первой его встрече с развалинами Чунйашче, невольно вспоминаешь слова первооткрывателя древнего мира майя американца Джона Л. Стефенса, сказанные в аналогичных обстоятельствах: «Архитектура, скульптура и живопись, все виды искусства, которые украшают жизнь, процветали когда-то в этом пышно разросшемся лесу. Ораторы, воины и государственные деятели; красота, честолюбие и слава жили и умирали здесь, и никто не знал о существовании подобных вещей и не мог рассказать об их прошлом...» Да, и теперь еще жизнь и история древних майя в Кинтана-Роо очень далека от ясности. Сделаны лишь первые шаги.

В 1961 г. экспедиция Национального института антропологии и истории Мексики под руководством известного мексиканского археолога Р. Пинья-Чан обследовала открытый М. Песселем древний Чунйашче. Было выявлено пять больших архитектурных комплексов, состоящих каждый из нескольких зданий. Основная часть городища относится к позднему, так называемому послеклассическому периоду, но несколько ранних построек доказывают, что город существовал уже в классический (II–IX вв. н. э.) период. Особое внимание было уделено высокой (25 м) пирамиде, под которой был обнаружен подземный храм. Проведенная авиаразведка показала, что в древности территория Кинтана-Роо была прорезана

великолепными дорогами, достигавшими в болотистых местах трехметровой высоты. Было принято решение о проведении здесь археологических раскопок.

Итак, что же дает читателю книга Песселя?

Благодаря ей он сможет ознакомиться с природой Кинтана-Роо, узнать и полюбить ее индейское население, простых, душевных и добрых людей, составить представление о древнем прошлом этой области Мексики. А главное — книга Песселя учит стойкости и мужеству, умению упорно идти к намеченной цели, преодолевая все встающие на пути трудности.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

---

notes

Примечания

1

Аксель Мюнте — шведский врач и писатель. Выстроил на острове Капри виллу и назвал ее «Сен-Мишель».

О культуре и истории майя см. *Ч. Галленкамп*. Майя. Перев., коммент. и послесл. В. П. Гуляева. М., 1966. — *Прим. ред.*

Дешифровка иероглифической письменности майя была произведена советским ученым Ю. В. Кнорозовым. См. его кн. «Письменность индейцев майя». М.—Л., 1963.— *Прим. ред.*

В 1835 г. в Техасе, принадлежавшем тогда Мексике, был поднят мятеж, спровоцированный поселившимися там североамериканскими плантаторами-рабовладельцами. При военной поддержке США мятежники разбили мексиканские войска и провозгласили в 1836 г. «самостоятельную» республику Техас. В 1845 г. Техас был присоединен к США. — *Прим. ред.*

Карлос Пельисер (род. в 1899 г.) — мексиканский поэт, представитель лирического авангардизма. — *Прим. ред.*

6

Лагерь археологов (испан.).

7

Дом господень (лат.).

Древняя история Америки (испан.).

О языке майя см. работу Ю. В. Кнорозова
«Письменность индейцев майя». — *Прим. ред.*

Безделье (итал.).

Белая Мерида (франц.).

Ко времени испанского завоевания Ушмаль был уже оставлен жителями. — *Прим. ред.*

Несмотря на свой интерес к древнему прошлому майя, Ланда был таким же фанатичным изувером, как и другие. Именно он устроил аутодафе, на котором были сожжены иероглифические рукописи майя. — *Прим. ред.*

Исследования производились мексиканским Национальным институтом антропологии и истории. См. *В. Гуляев. В глубинах священного сенота. «Наука и жизнь», 1963, № 6. — Прим. ред.*

Буквально значит «Колючий календарь» (испан.).

По-испански кокоталь. Кокаль — местное название.

17

Английская пинта равна 0,57 л.

Боязнь замкнутого пространства.

В это число входит сорок с лишним построек хорошей или удовлетворительной сохранности (то есть не потерявших общего внешнего вида и лишь частично разрушенных); остальные сооружения представляют собой отдельные земляные насыпи, платформы, основания стен, по которым можно определить планировку внутренних помещений, и сильно разрушенные маленькие святилища. — *Прим. автора.*

«Любовь — дитя свободы» (первая строчка из хабанеры в опере Бизе «Кармен»).

О мое солнце (известная итальянская песня).

Персонаж из книги Р. Стивенсона «Остров сокровищ».

По обету (лат.).

Искатель приключений (испан.).